

ВЕСТНИК

АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ
ГОРОДА МОСКВЫ

ВЫПУСК
№ 2 (149) 2020

2020

ВЕСТНИК

**Адвокатской палаты
города Москвы**

Выпуск № 2 (149) 2020

Москва
2020

Документы Адвокатской палаты города Москвы

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 54

28 апреля 2020 года

О Регламенте Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы

Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пунктом 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. Утвердить прилагаемый Регламент Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы.
2. Ввести в действие Регламент Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы с 01 мая 2020 года.
3. Опубликовать настоящее Решение в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» и на сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

УТВЕРЖДЕН
Решением Совета
Адвокатской палаты
города Москвы № 54
от 28 апреля 2020 года

РЕГЛАМЕНТ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ ГОРОДА МОСКВЫ

*(с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета
Адвокатской палаты города Москвы № 62 от 30 июня 2020 года)*

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. Настоящий Регламент принят в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката.

1.2. Регламент определяет порядок деятельности Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы (далее также – Квалификационная комиссия) по приему квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на присвоение статуса адвоката, а также по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) адвокатов Адвокатской палаты города Москвы, устанавливает порядок подготовки и проведения заседаний Квалификационной комиссии, принятия и оформления решений, отнесенных к компетенции Квалификационной комиссии в соответствии с процедурными основами, установленными Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката.

1.3. Ни одно из требований настоящего Регламента не может быть истолковано как отменяющее или изменяющее правила, установленные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката.

2. ФОРМИРОВАНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ

2.1. Квалификационная комиссия формируется на срок два года в количестве 13 членов по нормам представительства, установленным Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

2.2. Членами Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы могут быть адвокаты, имеющие стаж адвокатской деятельности не менее пяти лет и не являющиеся членами Совета Адвокатской палаты города Москвы.

2.3. В случае прекращения или приостановления статуса адвоката – члена Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы, а также в случае выбытия члена Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы из состава комиссии по иной причине до окончания срока ее полномочий избрание члена Квалификационной комиссии взамен выбывшего может быть осуществлено на очередной либо внеочередной конференции адвокатов города Москвы.

2.4. Председатель Квалификационной комиссии избирается на каждом заседании Квалификационной комиссии из числа адвокатов – членов Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы открытым голосованием простым большинством голосов членов Квалификационной комиссии, участвующих в заседании, и осуществляет свои полномочия до избрания Председателя Квалификационной комиссии на следующем ее заседании.

2.5. Председатель Квалификационной комиссии ведет заседание Квалификационной комиссии, обеспечивает порядок в ходе ее заседания и осуществляет иные действия, предусмотренные настоящим Регламентом и законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, в период до избрания нового Председателя Квалификационной комиссии.

2.6. Ответственный секретарь Квалификационной комиссии назначается приказом Президента Адвокатской палаты города Москвы из числа членов Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы.

2.7. Ответственный секретарь:

– осуществляет контроль подготовки сотрудниками аппарата Адвокатской палаты города Москвы материалов для рассмотрения Квалификационной комиссией вопросов о допуске претендентов к квалификационному экзамену и об их приеме, а также для рассмотрения материалов дисциплинарных производств, в том числе контролирует направление запросов в адрес участников дисциплинарного производства или иных лиц в случае необходимости получения дополнительной информации для надлежащего рассмотрения дисциплинарного производства;

– распределяет между членами Квалификационной комиссии дисциплинарные производства для их изучения и доклада в заседании Квалификационной комиссии;

– обеспечивает изготовление протокола заседания Квалификационной комиссии;

– контролирует подготовку членами Квалификационной комиссии проектов заключений Квалификационной комиссии по рассмотренным ею дисциплинарным производствам;

– осуществляет иные действия, предусмотренные настоящим Регламентом.

3. ЗАСЕДАНИЯ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ

3.1. График заседаний определяется Квалификационной комиссией в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и с учетом количества поступающих в Адвокатскую палату города Москвы обращений, требующих принятия решений Квалификационной комиссией.

Квалификационная комиссия вправе проводить заседания полностью или частично с использованием систем видео-конференц-связи.

(абзац введен Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 62 от 30 июня 2020 года)

Претенденты, допущенные к сдаче квалификационного экзамена, а также участники дисциплинарного производства уведомляются о проведении заседания Квалификационной комиссии с использованием систем видео-конференц-связи.

(абзац введен Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 62 от 30 июня 2020 года)

3.2. Очередное заседание Квалификационной комиссии созывается Председателем Квалификационной комиссии, избранным на предшествующем заседании.

3.3. Заседание Квалификационной комиссии открывается Председателем Квалификационной комиссии, избранным на предшествующем заседании, который проверяет наличие необходимого кворума и предлагает избрать Председателя Квалификационной комиссии.

В случае отсутствия в заседании Квалификационной комиссии Председателя Квалификационной комиссии, избранного на ее предшествующем заседании, действия, предусмотренные абзацем первым настоящего пункта, совершает Ответственный секретарь Квалификационной комиссии, а при его отсутствии – старший по возрасту член Квалификационной комиссии из числа адвокатов – членов Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы.

3.4. Избранный Председатель Квалификационной комиссии назначает секретаря заседания из числа адвокатов – членов Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы, руководит дальнейшим ходом заседания Квалификационной комиссии и ставит на голосование требующие разрешения вопросы.

При проведении заседания Квалификационной комиссии участвуют сотрудники аппарата Адвокатской палаты города Москвы, обеспечивающие работу Квалификационной комиссии.

При проведении заседания Квалификационной комиссии вправе присутствовать Президент, вице-президент или член Совета Адвокатской палаты города Москвы.

3.5. В ходе заседания Квалификационной комиссии секретарем заседания, назначенным Председателем Квалификационной комиссии из числа адвокатов – членов Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы, ведется протокол, в котором указываются:

- 1) дата и место заседания Квалификационной комиссии;
- 2) время открытия и закрытия заседания;
- 3) состав Квалификационной комиссии;
- 4) участники заседания Квалификационной комиссии и их представители;
- 5) рассматриваемые вопросы;
- 6) результаты голосования и принятые решения;
- 7) о проведении заседания полностью или частично с использованием систем видео-конференц-связи;

(подпункт в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы № 62 от 30 июня 2020 года)

8) иные вопросы, предусмотренные настоящим Регламентом или определенные в качестве существенных Квалификационной комиссией.

(подпункт введен Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 62 от 30 июня 2020 года)

3.6. В части протокола заседания Квалификационной комиссии в процедуре приема квалификационных экзаменов, в том числе, указываются:

1) решение о назначении из своего состава члена (членов), уполномоченного (уполномоченных) контролировать процедуру тестирования. В процедуре тестирования также вправе принять участие любой из членов Квалификационной комиссии;

2) решения о допуске претендентов к квалификационному экзамену либо об отказе в допуске к квалификационному экзамену;

3) в отношении каждого претендента, допущенного к сдаче квалификационного экзамена:

- фамилия, имя, отчество;
- реквизиты документа, удостоверяющего личность;
- результаты тестирования;
- номер экзаменационного билета;
- решение Квалификационной комиссии об итогах сдачи квалификационного экзамена;

4) решения о признании причины неявки претендента на квалификационный экзамен уважительной (неуважительной);

5) решения Квалификационной комиссии о присвоении претенденту статуса адвоката или об отказе в присвоении статуса адвоката.

Распечатанные результаты тестирования и тексты письменных ответов на вопросы приобщаются к протоколу.

3.7. В части протокола заседания Квалификационной комиссии в процедуре рассмотрения дисциплинарных производств, в том числе, указываются:

1) разъяснение участникам дисциплинарного производства порядка разбирательства;

2) заявленные участниками дисциплинарного производства ходатайства и результаты их разрешения;

3) объяснения, данные участниками дисциплинарного производства в заседании Квалификационной комиссии, заданные им вопросы и ответы на них;

4) доказательства и иные материалы дисциплинарного производства, исследованные в заседании.

Ссылка участника дисциплинарного производства на аудиовизуальные материалы в подтверждение своих доводов возможна только путем предоставления письменной расшифровки таких материалов с указанием времени фиксации (тайминга) на аудиозаписи фраз, на которые ссылается заявитель, с шагом не более 10 (десяти) секунд;

5) в отношении каждого заслушанного свидетеля:

– фамилия, имя, отчество;

– реквизиты документа, удостоверяющего личность;

– сообщенные свидетелем сведения, имеющие отношение к дисциплинарному производству, заданные свидетелю вопросы и ответы на них;

6) результаты голосования и наличие особых мнений членов Квалификационной комиссии;

7) разъяснение порядка выдачи (направления) заверенной копии заключения Квалификационной комиссии.

3.8. Протокол заседания Квалификационной комиссии ведется секретарем заседания, назначенным Председателем Квалификационной комиссии из числа адвокатов – членов Квалификационной комиссии от Адвокатской палаты города Москвы. Протокол заседания Квалификационной комиссии изготавливается в течение 10 дней после заседания в одном экземпляре и подписывается Председателем Квалификационной комиссии и секретарем заседания. Протокол заседания Квалификационной комиссии сдается в отдел организационного обеспечения дисциплинарных производств в день подписания.

3.9. Решения Квалификационной комиссии принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании членов Квалификационной комиссии.

В случае, если при голосовании у члена Квалификационной комиссии существует особое мнение, отличное от решения, принятого большинством голосов присутствующих на заседании членов Квалификационной комиссии, данное мнение представляется в письменной форме и приобщается к протоколу заседания Квалификационной комиссии.

3.10. В случаях, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и настоящим Регламентом, голосование проводится именными бюллетенями.

Именные бюллетени для голосования приобщаются к протоколу заседания Квалификационной комиссии и являются его неотъемлемой частью.

После каждого заседания Квалификационной комиссии именные бюллетени для голосования по результатам Квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката сдаются Ответственным секретарем в отдел кадров, а именные бюллетени для голосования членов Квалификационной комиссии при рассмотрении дисциплинарных производств – в отдел организационного обеспечения дисциплинарных производств.

3.11. Протоколы заседаний Квалификационной комиссии и именные бюллетени для голосования хранятся отдельно от личных дел претендентов, сдававших квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката, и от дисциплинарных производств.

3.12. По завершении рассмотрения вопросов, вынесенных в повестку дня, Председатель Квалификационной комиссии объявляет дату следующего заседания Квалификационной комиссии в соответствии с графиком (пункт 3.1 настоящего Регламента) и закрывает заседание.

4. ПРИЕМ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ ЭКЗАМЕНОВ

§ 1. Прием документов

4.1.1. Поступившие в Квалификационную комиссию Адвокатской палаты города Москвы заявления о присвоении статуса адвоката вместе с приложенными документами передаются в отдел кадров.

4.1.2. Отдел кадров осуществляет предварительную проверку поступивших документов на предмет достаточности представленных документов для подтверждения соответствия лица, подавшего заявление о присвоении статуса адвоката, требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к лицам, имеющим право обратиться с заявлением о присвоении ему статуса адвоката. После предварительной проверки заявления о присвоении статуса адвоката с приложенными документами передаются на рассмотрение в Квалификационную комиссию через ее Ответственного секретаря.

§ 2. Допуск к квалификационному экзамену

4.2.1. Квалификационная комиссия рассматривает заявление претендента о присвоении статуса адвоката с приложенными документами.

4.2.2. Вопросы допуска к квалификационному экзамену рассматриваются на заседании Квалификационной комиссии без вызова претендента. Квалификационная

комиссия вправе заслушать явившегося претендента и уточнить необходимые сведения, а также затребовать дополнительную справочную информацию.

4.2.3. Заявление о присвоении статуса адвоката и прилагаемые к нему документы доводятся до сведения присутствующих на заседании членов Квалификационной комиссии ее Председателем или Ответственным секретарем.

4.2.4. Председатель Квалификационной комиссии предлагает членам Квалификационной комиссии высказать имеющиеся мнения по рассматриваемому заявлению, после чего ставит вопрос на голосование.

4.2.5. По результатам рассмотрения заявления Квалификационной комиссией выносятся одно из следующих решений:

- о допуске претендента к сдаче квалификационного экзамена;
- об отложении рассмотрения вопроса о допуске претендента к сдаче квалификационного экзамена для проверки достоверности представленных претендентом документов и сведений;
- об отказе в допуске претендента к квалификационному экзамену.

4.2.6. В процессе проверки достоверности представленных претендентом документов и сведений Квалификационная комиссия через Ответственного секретаря вправе предложить претенденту представить дополнительные документы и сведения для подтверждения соответствия заявителя требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» к лицам, имеющим право обратиться с заявлением о присвоении им статуса адвоката.

4.2.7. Решение Квалификационной комиссии по вопросам допуска к квалификационному экзамену может быть объявлено Председателем Квалификационной комиссии явившимся претендентам.

4.2.8. Решение Квалификационной комиссии по вопросам допуска к квалификационному экзамену в письменной форме оформляется в виде соответствующей выписки из протокола заседания Квалификационной комиссии.

4.2.9. Претенденту по его письменному заявлению выдается соответствующая выписка из протокола заседания Квалификационной комиссии.

4.2.10. Направление либо выдача на руки претенденту решения Квалификационной комиссии по вопросам допуска к квалификационному экзамену в письменной форме осуществляется отделом кадров.

§ 3. Сдача квалификационного экзамена

4.3.1. О дате и месте проведения экзамена претендент извещается не позднее, чем за 10 (десять) дней до экзамена. Квалификационная комиссия вправе принять решение о переносе экзамена по письменному заявлению претендента, признав причины невозможности его неявки в назначенный день уважительными.

4.3.2. Список претендентов, сдающих квалификационный экзамен в конкретный день, составляется отделом кадров и направляется в Квалификационную комиссию через Ответственного секретаря.

4.3.3. Квалификационный экзамен состоит из тестирования в компьютерной форме и устного собеседования.

4.3.4. Перечень вопросов для тестирования и Перечень вопросов устного собеседования утверждаются Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

4.3.5. Экзаменационные билеты для устного собеседования утверждаются Квалификационной комиссией и содержат в каждом билете 4 (четыре) вопроса из Перечня вопросов устного собеседования, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Каждый экзаменационный билет подписывается Ответственным секретарем Квалификационной комиссии.

4.3.6. Претендент допускается к сдаче квалификационного экзамена при наличии документа, удостоверяющего личность.

4.3.7. Тестирование проводится с применением компьютерной программы.

4.3.8. По окончании процедуры тестирования претендента из компьютерной программы распечатываются результаты тестирования: заданные претенденту вопросы, варианты ответов, данный претендентом ответ, правильный ответ, общее количество поставленных вопросов, общее количество ответов претендента, общее количество правильных ответов претендента, результаты тестирования – «тестирование пройдено» или «тестирование не пройдено». Претендент подписывает каждый лист распечатки результатов тестирования. В отношении претендента, успешно прошедшего тестирование, допускается распечатка только первого листа, содержащего итоговые результаты тестирования, который подписывается претендентом.

4.3.9. Время ответов на вопросы тестирования устанавливается каждому претенденту продолжительностью 60 минут.

4.3.10. В процессе тестирования претендент не вправе пользоваться какими-либо справочными материалами и/или средствами коммуникации (компьютерами, планшетами, телефонами и др.).

4.3.11. В случае нарушения претендентом требований пункта 4.3.10 настоящего Регламента тестирование прекращается по представлению члена (-ов) Квалификационной комиссии, уполномоченного (-ых) контролировать процесс тестирования, и претендент считается не сдавшим тестирование.

4.3.12. Результаты тестирования каждого претендента рассматриваются Квалификационной комиссией, которой принимается решение о допуске претендента к устному собеседованию или об отказе в допуске к устному собеседованию.

Претендент считается успешно сдавшим тестирование, если он дал правильные ответы на 50 (пятьдесят) или более вопросов тестирования.

К устному собеседованию допускаются только претенденты, успешно сдавшие тестирование.

Претендент, которому по результатам тестирования отказано в допуске к устному собеседованию, признается не сдавшим квалификационный экзамен.

4.3.13. При проведении устного собеседования претендент выбирает экзаменационный билет из произвольно расположенных на столе и в этом же помещении готовится к ответу. На подготовку к ответу отводятся 45 минут.

4.3.14. При подготовке к ответу по билету претендент не вправе пользоваться средствами коммуникации (компьютерами, планшетами, телефонами и пр.), но вправе пользоваться кодексами и текстами иных нормативных актов на бумажных носителях, предоставленных претенденту Адвокатской палатой города Москвы.

4.3.15. Устное собеседование проводится обязательно по всем вопросам билета. По усмотрению Квалификационной комиссии претенденту могут быть предложены дополнительные вопросы в пределах Перечня вопросов устного собеседования, утвержденного Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

4.3.16. Претендент, имеющий ученую степень по юридической специальности, освобождается от проверки в ходе квалификационного экзамена знаний по вопросу билета, относящегося к научной специальности его диссертационного исследования.

4.3.17. По истечении времени, отведенного на подготовку, Квалификационная комиссия предлагает претенденту ответить на вопросы билета.

4.3.18. Во время ответа члены Квалификационной комиссии вправе с разрешения Председателя Квалификационной комиссии задавать претенденту уточняющие вопросы. По окончании ответа Квалификационная комиссия приступает к голосованию именными бюллетенями.

4.3.19. Решение Квалификационной комиссии принимается именными бюллетенями. Члены Квалификационной комиссии вправе указать мотивы решения о неудовлетворительной сдаче экзамена на обратной стороне именного бюллетеня, заверив запись своей подписью.

4.3.20. Квалификационный экзамен считается не сданным, если претендент показал неудовлетворительные знания хотя бы по одному из вопросов экзаменационного билета.

4.3.21. По итогам сдачи экзамена принимается решение «Квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката сдал» или «Квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката не сдал».

4.3.22. После завершения процедуры приема устного экзамена и принятия Квалификационной комиссией решений претенденты приглашаются в зал заседания, и Председатель Квалификационной комиссии объявляет решения по итогам сдачи экзамена.

4.3.23. В случае неявки претендента на квалификационный экзамен без уважительной причины Квалификационная комиссия принимает в отношении неявившегося претендента решение: «Квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката не сдал».

4.3.24. Причина неявки претендента на квалификационный экзамен признается уважительной решением Квалификационной комиссии при наличии документального подтверждения этой причины.

4.3.25. Претенденту, сдавшему экзамен на присвоение статуса адвоката, не может быть отказано в присвоении статуса адвоката за исключением случаев, когда после сдачи квалификационного экзамена обнаруживаются обстоятельства, препятствовавшие допуску к квалификационному экзамену. В таких случаях Квалификационная комиссия обязана принять мотивированное решение об отказе в присвоении статуса адвоката.

4.3.26. В случае несдачи квалификационного экзамена, а также в случае неявки претендента на квалификационный экзамен без уважительной причины претендент вправе повторно обратиться в Квалификационную комиссию в общем порядке и не ранее, чем через 1 (один) год со дня принятия решения об отказе в присвоении статуса адвоката.

4.3.27. По письменному заявлению претенденту выдается выписка из протокола заседания Квалификационной комиссии с решением Квалификационной комиссии по итогам сдачи квалификационного экзамена.

4.3.28. Направление либо выдача на руки претенденту решения Квалификационной комиссии по вопросам сдачи квалификационного экзамена в письменной форме осуществляется отделом кадров.

5. ДИСЦИПЛИНАРНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

§ 1. Подготовка к разбирательству в Квалификационной комиссии

5.1.1. Распоряжение Президента Адвокатской палаты города Москвы о возбуждении дисциплинарного производства вместе с жалобой, обращением, представлением, а также документы, относящиеся к возбужденному дисциплинарному производству, передаются в отдел организационного обеспечения дисциплинарных производств.

5.1.2. При отказе в возбуждении дисциплинарного производства распоряжением Президента либо лица, его замещающего, поступившие документы возвращаются заявителю с указанием основания принятого решения.

5.1.3. Отдел организационного обеспечения дисциплинарных производств формирует дисциплинарное дело. Дисциплинарное дело содержит, в частности, поступившую жалобу, обращение, представление и приложенные к ним документы, распоряжение Президента либо лица, его замещающего, о возбуждении дисциплинарного производства.

5.1.4. О возбуждении дисциплинарного производства отдел организационного обеспечения дисциплинарных производств уведомляет участников дисциплинарного производства.

5.1.5. Уведомление адвоката осуществляется с использованием его контактных данных (включая электронную почту и/или личный кабинет АИС АПМ), имеющих в отделе кадров Адвокатской палаты города Москвы. При необходимости уведомление также может дублироваться через адвокатское образование, в котором состоит адвокат. Копии документов направляются адвокату по электронной почте и/или через личный кабинет АИС АПМ.

5.1.6. Адвокат, уведомленный о возбуждении в отношении него дисциплинарного производства, самостоятельно отслеживает стадии его рассмотрения, место, дату и время заседаний Квалификационной комиссии, обеспечивает своевременное представление в Квалификационную комиссию необходимых сведений и документов, а также самостоятельно принимает решение о своем участии в разбирательстве дисциплинарного дела лично и/или через надлежаще уполномоченного представителя.

5.1.7. Отдел организационного обеспечения дисциплинарных производств составляет для Квалификационной комиссии список возбужденных дисциплинарных производств.

5.1.8. Ответственный секретарь Квалификационной комиссии поручает отделу организационного обеспечения дисциплинарных производств направить уведомления участникам дисциплинарного производства с заблаговременным извещением о месте, дате и времени рассмотрения дисциплинарного производства Квалификационной комиссией и разъяснением последствий непредставления документов и/или информации.

5.1.9. В случае возбуждения дисциплинарного производства по жалобе доверителя Квалификационная комиссия в необходимых случаях запрашивает у адвоката адвокатское производство для проверки на основе анализа его материалов доводов жалобы и объяснений адвоката.

5.1.10. Направление запросов Квалификационной комиссии осуществляется отделом организационного обеспечения дисциплинарных производств.

5.1.11. Участники дисциплинарного производства на основании письменного заявления вправе ознакомиться со всеми материалами дисциплинарного производства в отделе организационного обеспечения дисциплинарных производств.

5.1.12. Участники дисциплинарного производства вправе представить письменные доказательства и документы не позднее 10 (десяти) суток до даты заседания Квалификационной комиссии. Своевременно представленные материалы приобщаются к дисциплинарному делу.

5.1.13. Письменные доказательства и документы, поступившие от участников дисциплинарного производства в течение 10 суток до даты заседания Квалификационной комиссии, передаются Ответственному секретарю Квалификационной комиссии для рассмотрения вопроса о принятии поступивших материалов в заседании Квалификационной комиссии.

§ 2. Разбирательство в заседании Квалификационной комиссии

5.2.1. Рассмотрение дисциплинарных производств в заседании Квалификационной комиссии проводится по списку, составленному Ответственным секретарем Квалификационной комиссии. По решению Председателя Квалификационная комиссия вправе отойти от установленной в списке очередности разбирательств в целях экономии времени ожидания явившихся участников дисциплинарных производств или при наличии иных заслуживающих внимания обстоятельств.

5.2.2. Разбирательство дисциплинарного производства по существу ранее назначенного времени не допускается. Неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства.

5.2.3. По распоряжению Председателя Квалификационной комиссии участники дисциплинарного производства приглашаются в зал заседания. Председатель Квалификационной комиссии объявляет, какое дисциплинарное производство подлежит рассмотрению, проверяет явку участников дисциплинарного производства и полномочия представителей.

5.2.4. Участники дисциплинарного производства вправе принимать участие в заседании Квалификационной комиссии лично или через своего представителя. Наличие представителя у участника дисциплинарного производства не лишает его права присутствовать на заседании Квалификационной комиссии и пользоваться всеми правами, предоставленными участнику дисциплинарного производства.

5.2.5. Полномочия представителя участника дисциплинарного производства оформляются нотариально удостоверенной или приравненной к ней доверенностью, ордером адвоката, письменным заявлением, которое лично подается на заседании Квалификационной комиссии участником дисциплинарного производства и приобщается к материалам дисциплинарного дела, либо устным заявлением участника дисциплинарного производства, которое заносится в протокол заседания Квалификационной комиссии.

5.2.6. При осуществлении дисциплинарного производства принимаются меры для охраны сведений, составляющих тайну личной жизни участников дисциплинарного производства, коммерческую, адвокатскую и иные тайны, а также меры для достижения примирения между адвокатом и заявителем.

При рассмотрении дисциплинарного производства в закрытом заседании Председатель Квалификационной комиссии предупреждает всех участвующих и присут-

ствующих в заседании лиц о недопустимости разглашения и об охране ставших известными в ходе разбирательства сведений, составляющих тайну личной жизни участников дисциплинарного производства, коммерческую, адвокатскую и иную тайны, о недопустимости ведения аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки, а также трансляции разбирательства по радио, телевидению и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что отражается в протоколе заседания Квалификационной комиссии.

5.2.7. Председатель Квалификационной комиссии выясняет, имеются ли у участников дисциплинарного производства ходатайства до начала разбирательства дисциплинарного дела по существу.

5.2.8. Каждое заявленное ходатайство разрешается Квалификационной комиссией путем вынесения постановления, формулировка которого оглашается Председателем и заносится в протокол заседания Квалификационной комиссии.

5.2.9. В случае явки на заседание Квалификационной комиссии свидетелей они удаляются из зала заседания до начала разбирательства дисциплинарного дела по существу.

5.2.10. По распоряжению Председателя Квалификационная комиссия переходит к разбирательству дисциплинарного производства по существу, состоящему из доклада членом Квалификационной комиссии материалов дисциплинарного производства, их исследования членами Квалификационной комиссии, заслушивания устных объяснений участников дисциплинарного производства и свидетелей, вопросов членов Квалификационной комиссии, приобщения и исследования дополнительных доказательств.

5.2.11. В ходе доклада членом Квалификационной комиссии излагается содержание жалобы, представления, обращения, явившихся поводом для возбуждения дисциплинарного производства, и приложенных к ним доказательств, а также письменных объяснений адвоката и приложенных к ним доказательств.

5.2.12. После доклада Председатель Квалификационной комиссии предлагает участникам дисциплинарного производства и/или их представителям дать устные объяснения.

5.2.13. Первыми дают пояснения заявитель и/или его представители, затем – адвокат и/или его представители. В случае объединения дисциплинарных производств в одно адвокат и/или его представители вправе давать устные объяснения после объяснений каждого участника дисциплинарного производства со стороны заявителей.

5.2.14. Вопросы участников дисциплинарного производства друг другу могут задаваться с разрешения Председателя Квалификационной комиссии после их объяснений.

5.2.15. После устных объяснений участников дисциплинарного производства Председатель Квалификационной комиссии уточняет у заинтересованного участника дисциплинарного производства обстоятельства, которые могут прояснить явившиеся свидетели. Ходатайство об опросе свидетеля разрешается Квалификационной комиссией путем вынесения постановления, формулировка которого оглашается Председателем и заносится в протокол заседания Квалификационной комиссии.

5.2.16. В случае принятия решения о заслушивании свидетелей каждый свидетель приглашается в зал заседания отдельно.

5.2.17. Председатель Квалификационной комиссии устанавливает личность свидетеля и предлагает участникам дисциплинарного производства задать свидетелю вопросы для выяснения обстоятельств, которые они считают нужными для объективного рассмотрения дисциплинарного производства. Первым задает вопросы участник дисциплинарного производства, по ходатайству которого проводится опрос свидетеля.

5.2.18. Заявленные в ходе рассмотрения дисциплинарного производства ходатайства о приобщении к материалам дисциплинарного производства доказательств и документов разрешаются Квалификационной комиссией в любой момент до окончания исследования материалов дисциплинарного производства.

5.2.19. После заслушивания объяснений участников дисциплинарного производства, опроса свидетелей, разрешения вопроса о приобщении к материалам дисциплинарного производства дополнительных доказательств Председатель Квалификационной комиссии выясняет наличие у участников дисциплинарного производства дополнительных ходатайств.

5.2.20. Ходатайства об отложении разбирательства дисциплинарного производства для ознакомления с вновь представленными материалами и/или запроса дополнительных сведений и документов, заслушивания свидетелей, а также для примирения участников дисциплинарного производства ставятся Председателем Квалификационной комиссии на голосование. Принятые решения доводятся до сведения участников дисциплинарного производства и заносятся в протокол заседания Квалификационной комиссии. Ходатайства по вопросам, не подлежащим рассмотрению и разрешению Квалификационной комиссией при рассмотрении дисциплинарных производств, на обсуждение не вносятся и оставляются Квалификационной комиссией без рассмотрения.

5.2.21. В случае отложения разбирательства дисциплинарного производства оно начинается с самого начала по правилам, установленным настоящим Регламентом.

5.2.22. Председатель вправе объявить замечание лицу, нарушающему порядок в ходе заседания Квалификационной комиссии.

5.2.23. Нарушители порядка в ходе заседания Квалификационной комиссии могут быть удалены из зала заседаний по решению Квалификационной комиссии.

Вопрос об удалении нарушителя порядка из зала заседания Квалификационной комиссии ставится Председателем на голосование. Принятое решение заносится в протокол заседания Квалификационной комиссии.

5.2.24. По окончании разбирательства дисциплинарного производства по существу Председатель Квалификационной комиссии объявляет, что Квалификационная комиссия остается для вынесения заключения. Участники дисциплинарного производства удаляются из зала заседания.

5.2.25. Квалификационная комиссия выносит заключение в пределах тех требований и по тем основаниям, которые изложены в жалобе, представлении, обращении. Изменение предмета и (или) основания жалобы, представления, обращения не допускается.

5.2.26. По существу разбирательства Квалификационная комиссия выносит заключение путем голосования именными бюллетенями.

5.2.27. После вынесения заключения Квалификационной комиссией участники дисциплинарного производства приглашаются в зал заседания.

5.2.28. Председатель Квалификационной комиссии оглашает резолютивную часть заключения Квалификационной комиссии, содержащую одну из формули-

ровок, предусмотренных пунктом 9 статьи 23 Кодекса профессиональной этики адвоката.

5.2.29. После оглашения резолютивной части заключения Квалификационной комиссии Председатель Квалификационной комиссии разъясняет участникам дисциплинарного производства право знакомиться с протоколом заседания в соответствующей части и заключением Квалификационной комиссии, порядок вручения (направления) заверенной копии заключения Квалификационной комиссии, право представить Совету Адвокатской палаты города Москвы письменные заявления с выражением несогласия с заключением Квалификационной комиссии или его поддержки, сообщает о дате, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства Советом Адвокатской палаты города Москвы, после чего объявляет о завершении разбирательства дисциплинарного производства в Квалификационной комиссии, что отражается в протоколе заседания Квалификационной комиссии. Письменное уведомление о дате, времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства Советом Адвокатской палаты города Москвы вручается под роспись участникам дисциплинарного производства, явившимся в заседание Квалификационной комиссии.

5.2.30. Заключения Квалификационной комиссии подписываются Председателем Квалификационной комиссии и передаются в отдел организационного обеспечения дисциплинарных производств для приобщения к дисциплинарному производству в течение десяти дней со дня заседания Квалификационной комиссии.

Электронные копии заключения Квалификационной комиссии направляются отделом организационного обеспечения дисциплинарных производств участникам дисциплинарного производства по указанным ими электронным адресам не позднее десяти дней до даты заседания Совета Адвокатской палаты города Москвы, в котором дисциплинарное производство подлежит рассмотрению.

5.2.31. На основании письменного заявления участника дисциплинарного производства или надлежащим образом уполномоченного им представителя ему выдаются или направляются на указанный в заявлении адрес электронной почты копия заключения Квалификационной комиссии и выписка из протокола заседания Квалификационной комиссии.

6. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

6.1. Личные дела претендентов, сдавших квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката, хранятся в архиве Адвокатской палаты города Москвы в течение 75 (семидесяти пяти) лет и по истечении сроков хранения подлежат уничтожению в установленном порядке.

6.2. Личные дела претендентов, не сдавших квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката, хранятся в архиве Адвокатской палаты города Москвы в течение трех лет и по истечении сроков хранения подлежат уничтожению в установленном порядке.

6.3. Материалы дисциплинарных производств хранятся в архиве Адвокатской палаты города Москвы в течение трех лет с момента вынесения решения Советом Адвокатской палаты города Москвы. Материалы дисциплинарных производств, по которым Советом Адвокатской палаты города Москвы было принято решение о

прекращении статуса адвоката, хранятся в архиве Адвокатской палаты города Москвы в течение пяти лет с момента вынесения решения. По истечении указанных сроков хранения материалы дисциплинарных производств подлежат уничтожению в установленном порядке.

6.4. Архив Адвокатской палаты города Москвы обеспечивает хранение личных дел адвокатов, личных дел претендентов, не сдавших квалификационный экзамен на присвоение статуса адвоката, протоколов заседаний Квалификационной комиссии, материалов дисциплинарных производств. Выдача из архива сведений об адвокатах и о работе Квалификационной комиссии по запросам граждан и организаций, в том числе по запросам судов, органов прокуратуры, дознания и предварительного следствия по имеющимся в их производстве уголовным и гражданским делам и материалам прокурорских проверок, производится архивом по письменному распоряжению Президента Адвокатской палаты города Москвы или лица, его замещающего.

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 62

30 июня 2020 года

О внесении изменений и дополнений в Регламент Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы

В целях оптимизации работы Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, в том числе при угрозе возникновения и (или) возникновении отдельных чрезвычайных ситуаций, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части, Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пунктом 3 статьи 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

1. Внести в Регламент Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы, утвержденный Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 28 апреля 2020 г. № 54, следующие изменения и дополнения:

1) пункт 3.1 дополнить абзацами вторым и третьим следующего содержания:

«Квалификационная комиссия вправе проводить заседания полностью или частично с использованием систем видео-конференц-связи.

Претенденты, допущенные к сдаче квалификационного экзамена, а также участники дисциплинарного производства уведомляются о проведении заседания Квалификационной комиссии с использованием систем видео-конференц-связи.»;

2) в пункте 3.5 изложить подпункт 7 в новой редакции и дополнить пункт 3.5 подпунктом 8 следующего содержания:

«7) о проведении заседания полностью или частично с использованием систем видео-конференц-связи;

8) иные вопросы, предусмотренные настоящим Регламентом или определенные в качестве существенных Квалификационной комиссией.».

2. Опубликовать настоящее решение в издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» и на сайте Адвокатской палаты города Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 50

28 апреля 2020 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Авдошкин Сергей Евгеньевич
2. Багаутдинов Наиль Ринатович
3. Булатов Сергей Николаевич
4. Волчкова Елена Владимировна
5. Ворончук Ксения Вячеславовна
6. Демяшкин Иван Константинович
7. Жакшакулов Рустам Асланович
8. Заводцова Светлана Викторовна
9. Краснова Ирина Викторовна
10. Некрасов Валерий Николаевич
11. Палатов Дмитрий Викторович
12. Парасоцкий Роман Иванович
13. Прохорова Наталья Александровна
14. Романова Тамара Анатольевна
15. Фролов Вадим Владимирович
16. Шишенин Владислав Евгеньевич
17. Щеголев Алексей Игоревич
18. Яковлев Алексей Сергеевич.

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Завриев Сергей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15286, с 28 апреля 2020 года.
2. Кашутина Елена Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5605, с 28 апреля 2020 года.
3. Кочарян Сергей Айкарамович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11440, с 28 апреля 2020 года.
4. Любинская Екатерина Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов

города Москвы 77/13106, с 28 апреля 2020 года.

5. Полетыкин Геннадий Яковлевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10538, с 28 апреля 2020 года.

6. Полянский Петр Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2342, с 28 апреля 2020 года.

7. Сергеев Сергей Федорович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13603, с 28 апреля 2020 года.

8. Степашкина Вера Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/542, с 28 апреля 2020 года.

3. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекратили статус адвоката:

1. Манетова Татьяна Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2026, с 28 апреля 2020 года.

2. Тихонов Виталий Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11452, с 28 апреля 2020 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» прекращен статус адвокатов.

1. Ивашина Елена Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3609, с 13 апреля 2020 года.

2. Машенкин Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11273, с 12 сентября 2019 года.

3. Мусатов Тимофей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1219, с 24 апреля 2020 года.

4. Скрыпник Сергей Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10795, с 7 марта 2020 года.

5. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» возобновили статус адвоката:

1. Осепян Артур Магмадович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10257, с 28 апреля 2020 года.

2. Шахманова Зулейхат Магомедовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12005, с 28 апреля 2020 года.

6. В соответствии с п. 16 Решения Восемнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 13 марта 2020 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвокатов:

– в связи с нахождением в отпуске по беременности и родам:

Кихаял Ксению Вадимовну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12780, с 24 октября 2019 года до 12 марта 2020 года;

– в связи с достижением адвокатского стажа 40 лет:

Атрощенко Светлану Александровну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12005, с 1 мая 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 52

28 апреля 2020 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Антонов Илья Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4230, с 15 апреля 2020 года.

2. Воронин Сергей Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4229, с 24 марта 2020 года.

3. Грачев Эдуард Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4225, с 31 марта 2020 года.

4. Гудков Сергей Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2427, с 10 апреля 2020 года.

5. Железняк Анатолий Романович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4224, с 31 марта 2020 года.

6. Жуйков Сергей Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4232, с 21 апреля 2020 года.

7. Залыгаев Евгений Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3730, с 27 марта 2020 года.

8. Кривошеев Сергей Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4231, с 10 апреля 2020 года.

9. Мурадян Артур Амазаспович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4228, с 21 апреля 2020 года.

10. Нечаев Павел Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4235, с 24 апреля 2020 года.

11. Петрова Елена Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4226, с 31 марта 2020 года.

12. Пчелинцева Марина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4227, с 31 марта 2020 года.

13. Смирнов Дмитрий Львович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4223, с 06 апреля 2020 года.

14. Черноградский Андрей Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4234, с 24 апреля 2020 года.

15. Штоян Гаяне Варужановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4233, с 17 апреля 2020 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Кочарян Сергей Айкарамович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3852, с 28 апреля 2020 года.

2. Манетова Татьяна Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4007, с 28 апреля 2020 года.

3. Машенкин Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3649, с 12 сентября 2020 года.

4. Скрыпник Сергей Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2717, с 07 марта 2020 года.

5. Степанов Юрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-764, с 24 апреля 2020 года.

6. Тихонов Виталий Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2743, с 28 апреля 2020 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Невская», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-837, с 06 апреля 2020 года.

2. Коллегия адвокатов города Москвы «Правовой мост», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-8384, с 10 марта 2020 года.

4. Учреждено адвокатское бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Адвокатское бюро «Джабирова, Скарабевский и партнеры» города Москвы, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-417, с 19 марта 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 53

28 апреля 2020 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представление Московской коллегии адвокатов «Каганер и партнеры» о награждении адвоката, решил:

**присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры»
с вручением нагрудного знака и удостоверения**

Осокиной Татьяне Анатольевне, регистрационный номер 77/6468 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Московской коллегии адвокатов «Каганер и партнеры».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 55

28 мая 2020 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Арбатская Алла Николаевна
2. Аркания Автандил Вахтангович
3. Бадма-Гаряева Баина Мергеновна
4. Бондаренко Инна Владимировна
5. Дорошкевич Марина Валентиновна
6. Киреев Сергей Александрович
7. Котлова Анна Викторовна
8. Краскова Инна Сергеевна
9. Курицын Илья Дмитриевич
10. Логинов Сергей Петрович
11. Ляховецкая Светлана Евгеньевна
12. Педынина Елена Петровна
13. Подмарева Елена Владимировна
14. Сухов Дмитрий Юрьевич
15. Торопова Анастасия Дмитриевна
16. Трунов Спартак Эдуардович
17. Штерн Сергей Борисович.

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключены из членов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Бабкеев Ринар Измаилович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14294, с 28 мая 2020 года.

2. Мамедова Елена Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15125, с 28 мая 2020 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Дигаева Малика Дундаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9532, с 28 мая 2020 года.

2. Дробязко Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12660, с 28 мая 2020 года.

3. Майорова Ирина Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13443, с 28 мая 2020 года.

4. Смагина Мария Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11495, с 28 мая 2020 года.

5. Токарева Ольга Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13559, с 28 мая 2020 года.

6. Якушко Наталья Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13769, с 28 мая 2020 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Вознесенский Марк Семенович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3398, с 28 мая 2020 года.

2. Клён Николай Наумович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3, с 28 мая 2020 года.

3. Передельская Арина Рустамовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11861, с 28 мая 2020 года.

4. Сидорова Виктория Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15019, с 28 мая 2020 года.

5. Степанов Юрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2507, с 28 мая 2020 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Баранов Владимир Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1689, с 05 августа 2020 года.

2. Козлов Александр Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9090, с 14 мая 2020 года.

3. Раскевич Елена Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2406, с 06 апреля 2020 года.

6. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Бабаев Мухтар Оруджевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11141, с 28 мая 2020 года.

2. Шлёнов Александр Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6565, с 25 мая 2020 года.

7. В соответствии с п. 16 Решения Восемнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 13 марта 2020 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы адвокатов в связи с нахождением в отпуске по беременности и родам:

Камянскую Анастасию Кирилловну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/12529, с 13 января 2020 года по 31 мая 2020года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 56

28 мая 2020 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Аджиев Нариман Вахмурадович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4265, с 27 мая 2020 года.

2. Баев Михаил Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4240, с 08 мая 2020 года.

3. Батуров Александр Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4252, с 20 мая 2020 года.

4. Васильев Владимир Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-111, с 20 мая 2020 года.

5. Голубев Алексей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4249, с 15 мая 2020 года.

6. Гридчина Нелли Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4255, с 22 мая 2020 года.

7. Гулидов Александр Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4263, с 27 мая 2020 года.

8. Демченко Елена Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3208, с 06 мая 2020 года.

9. Дорошенко Кристина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4247, с 18 мая 2020 года.

10. Егорова Юлия Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4260, с 25 мая 2020 года.
11. Зайцева Айнагуль Наурзбаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4250, с 18 мая 2020 года.
12. Закаригаев Камиль Магомедсаидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4259, с 25 мая 2020 года.
13. Зевакина Виктория Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4251, с 20 мая 2020 года.
14. Иваненко Александр Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4264, с 27 мая 2020 года.
15. Караев Антон Константинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4236, с 29 апреля 2020 года.
16. Корнеев Игорь Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4248, с 18 мая 2020 года.
17. Кохановская Наталья Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4246, с 15 мая 2020 года.
18. Кузин Артем Витальевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4238, с 06 мая 2020 года.
19. Куликов Роман Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4245, с 15 мая 2020 года.
20. Леонович Александр Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4257, с 25 мая 2020 года.
21. Лыжин Владислав Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4256, с 22 мая 2020 года.
22. Минин Геннадий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2480, с 30 сентября 2019 года.
23. Михайлов Юрий Витальевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4243, с 13 мая 2020 года.
24. Никаноров Илья Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2403, с 01 июля 2019 года.
25. Никитина Ирина Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4241, с 22 апреля 2020 года.
26. Пермьяков Олег Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2111, с 06 мая 2020 года.
27. Разумова Наталья Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4258, с 25 мая 2020 года.
28. Русских Алексей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4242, с 27 апреля 2020 года.
29. Тарнаруцкий Денис Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4253, с 08 мая 2020 года.
30. Чернявская Маргарита Алексеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3472, с 30 апреля 2020 года.
31. Шадрин Сергей Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4262, с 26 мая 2020 года.
32. Шевченко Олеся Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4261, с 26 мая 2020 года.

33. Шлёнов Александр Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4244, с 28 мая 2020 года.

34. Щеголев Алексей Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4254, с 21 мая 2020 года.

35. Якубов Альберт Дамирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4239, с 07 мая 2020 года.

36. Якупова Наталья Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4237, с 30 апреля 2020 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Айдимиров Дмитрий Аркадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1354, с 18 марта 2020 года.

2. Буклова Виктория Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4115, с 01 апреля 2020 года.

3. Учреждена коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Коллегия адвокатов города Москвы «Якупов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-839, с 18 марта 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 57

30 июня 2020 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Бурмистров Артем Владимирович
2. Вышинский Олег Николаевич
3. Гафуров Ярослав Маратович
4. Герасимов Павел Игоревич
5. Дасаева Светлана Борисовна
6. Зуева Элеонора Николаевна
7. Ивушкин Александр Сергеевич
8. Калинин Владислав Павлович
9. Киреев Денис Николаевич
10. Козубовский Юрий Николаевич
11. Комаровская Марианна Васильевна
12. Кургинянец Евгений Вячеславович
13. Лобанов Сергей Николаевич
14. Мельников Геннадий Алексеевич
15. Мурзин Андрей Станиславович
16. Мухаркин Дмитрий Иванович
17. Мясников Алексей Владимирович
18. Нестерук Павел Николаевич
19. Нетужилов Роман Геннадьевич
20. Позднов Игорь Алексеевич
21. Савка Дмитрий Яношович
22. Сосункевич Сергей Сергеевич
23. Тарасов Михаил Николаевич
24. Хайретдинов Радик Наилевич
25. Чиркова Виктория Сергеевна
26. Шайхутдинов Илья Рафаилович
27. Шпеньков Валерий Анатольевич

2. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» исключен из членов Адвокатской палаты города Москвы:

1. Щербак Валерий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6860, с 30 июня 2020 года.

3. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Алжеев Иван Андреевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7404, с 01 июля 2020 года.

2. Беляк Сергей Валентинович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4248, с 01 июля 2020 года.

3. Бобряшова Марина Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13076, с 01 июля 2020 года.

4. Глушенков Борис Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15298, с 01 июля 2020 года.

5. Голофтьев Сергей Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1320, с 03 июля 2020 года.

6. Данилина Анна Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14646, с 01 июля 2020 года.

7. Данчук Виктор Леонидович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1951, с 01 июля 2020 год.

8. Имамиева Вазира Вазировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11388, с 30 июня 2020 года.

9. Квасов Петр Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8601, с 01 июля 2020 года.

10. Ковбасюк Сергей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/116, с 30 июня 2020 года.

11. Малик Александр Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4237, с 01 июля 2020 года.

12. Мальцева Светлана Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8948, с 01 июля 2020 года.

13. Мешков Вячеслав Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13936, с 30 июня 2020 года.

14. Нейгебауэр Лариса Владимировна регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3405, с 30 июня 2020 года.

15. Никитина Елена Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1276, с 30 июня 2020 года.

16. Рагимов Фарман Сабирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/211, 01 июля 2020 года.

17. Соколова Ирина Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6279, с 30 июня 2020 года.

18. Теницкий Олег Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11360, с 01 июля 2020 года.

19. Худяева Елена Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14361, с 30 июня 2020 года.

20. Чиликова Александра Геннадьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13676, с 30 июня 2020 года.

21. Юрздицкий Аркадий Иосифович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2287, с 30 июня 2020 года.

4. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Бузыкин Александр Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/4351, с 30 июня 2020 года.

2. Кащенко Михаил Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11749, с 30 июня 2020 года.

3. Матвеев Александр Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5320, с 30 июня 2020 года.

4. Морозова Нина Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5664, с 30 июня 2020 года.

5. Паникар Юрий Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/521, с 01 июля 2020 года.

6. Петелина Людмила Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/7273, с 30 июня 2020 года.

5. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Новак Екатерина Григорьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/871, с 04 мая 2020 года.

2. Литвиненко Наталья Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15084, с 22 мая 2020 года.

3. Пронкин Владимир Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14948, с 18 июня 2020 года.

6. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Загорский Максим Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/3637, с 15 октября 2019 года.

2. Трусов Виктор Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8700, с 30 июня 2020 года.

7. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» возобновили статус адвоката:

1. Аверина Екатерина Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1963, с 01 июля 2020 года.

2. Замогильнова Ирина Игоревна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13849, с 30 июня 2020 года.

3. Золкина Екатерина Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13785, с 16 июля 2020 года.

4. Кузина Кристина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13761, с 01 июля 2020 года.

5. Рогова Ангелина Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11746, с 01 июля 2020 года.

6. Стельмах Ирина Борисовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11036, с 01 июля 2020 года.

7. Токарев Дмитрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13180, с 30 июня 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 59

30 июня 2020 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Айсин Анвар Хайдарович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4286, с 26 июня 2020 года.

2. Апсатырова Дина Тулигеновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4287, с 29 июня 2020 года.

3. Бакай Иван Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4268, с 03 июня 2020 года.

4. Бельинцев Валерий Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4282, с 17 июня 2020 года.

5. Волобуев Валерий Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4277, с 05 июня 2020 года.

6. Габрелян Мартирос Артурикович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4285, с 26 июля 2020 года.

7. Горчакова Любовь Константиновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4266, с 01 июня 2020 года.

8. Емельянова Ольга Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4280, с 16 июня 2020 года.

9. Задорогин Сергей Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4281, с 17 июня 2020 года.

10. Ибрагимов Рамиль Флюорович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4284, с 25 июня 2020 года.

11. Каштанова Млада Николаевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4275, с 08 июня 2020 года.

12. Кибизов Алан Максимович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4270, с 04 июня 2020 года.

13. Кирышкин Владимир Васильевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4274, с 08 июня 2020 года.

14. Королев Станислав Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4283, с 27 мая 2020 года.

15. Костенко Роман Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3385, с 03 июня 2020 года.

16. Мельгунов Николай Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1015, с 04 июня 2020 года.

17. Наконечный Андрей Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4276, с 30 мая 2020 года.

18. Нектов Сергей Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4267, с 03 июня 2020 года.

19. Петров Игорь Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4278, с 01 июня 2020 года.

20. Полозов Николай Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2261, с 03 июня 2020 года.

21. Прохорова Наталья Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4279, с 11 июня 2020 года.

22. Рыбкин Алексей Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4272, с 04 июня 2020 года.

23. Саттарова Зульфия Якубжоновна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-696, с 29 июня 2020 года.

24. Скопкарева Галина Ивановна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4269, с 04 июня 2020 года.

25. Ткачев Александр Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4273, с 05 июня 2020 года.

26. Шумилов Сергей Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4271, со 02 июня 2020 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Бузыкин Александр Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3779, с 30 июня 2020 года.

2. Дякина Елена Петровна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3583, с 01 апреля 2020 года.

3. Загорский Максим Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3770, с 15 октября 2019 года.

4. Калашников Денис Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3453, с 18 мая 2020 года.

5. Каплий Павел Олегович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3568, с 03 июня 2020 года.

6. Квасов Петр Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3612, с 01 июля 2020 года.

7. Малик Александр Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1381, с 01 июля 2020 года.

8. Мальцева Светлана Михайловна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3765, с 01 июля 2020 года.

9. Паникар Юрий Петрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-598, с 01 июля 2020 года.

10. Теницкий Олег Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3338, с 01 июля 2020 года.

11. Хантимиров Владимир Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4052, с 29 мая 2020 года.

12. Чекулаев Виталий Евгеньевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3694, со 02 июня 2020 года.

13. Щербак Валерий Анатольевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3672, с 30 июня 2020 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Московская коллегия адвокатов «Династия Прайд», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-840, с 21 мая 2020 года.

2. Московская коллегия адвокатов «ВЕК», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-841, с 18 мая 2020 года.

3. Московская коллегия адвокатов «Адвокаты и бизнес», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-842, с 24 апреля 2019 года.

4. Коллегия адвокатов города Москвы «ВАСИЛЬЕВ, МУСАТОВ и ПАРТНЁРЫ», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-843, с 18 мая 2020 года.

5. Московский филиал «Право» Коллегии адвокатов Чеченской Республики «Низам», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-844, с 15 июня 2020 года.

6. Московская коллегия адвокатов «Краснов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-845, с 22 апреля 2020 года.

4. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское бюро города Москвы «АСТЕРИСК», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-418, с 06 декабря 2019 года.

2. Адвокатское бюро города Москвы «РГП», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-419, с 01 апреля 2020 года.

3. Адвокатское бюро города Москвы «Афанасьев, Узденский и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-420, с 17 апреля 2020 года.

5. Ликвидированы адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Ассоциация адвокатов Адвокатское бюро г. Москвы «Право и бизнес», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-321, с 28 мая 2020 года.

2. Адвокатское бюро г. Москвы «Зутиков, Горгадзе и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-64, с 25 марта 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 61

30 июня 2020 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов, решил:

присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты города Москвы»

Клёну Николаю Наумовичу, регистрационный номер 77/3 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва),

присвоить звание «Ветеран московской адвокатуры»

1. Палееву Рафаэлю Семёновичу, регистрационный номер 77/517 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов»;

2. Хархорину Петру Александровичу, регистрационный номер 77/592 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату Коллегии адвокатов «Московская городская коллегия адвокатов».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленное адвокатским образованием города Москвы ходатайство о награждении адвоката, решил обратиться с ходатайством о награждении наградой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации.

К награждению представлен

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени

Шель Юрий Львович, регистрационный номер 77/9969 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат Первой Московской коллегии адвокатов «Еврозащита».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 78

30 июля 2020 года

Об исполнении ст. ст. 7, 15, 16, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

1. В соответствии с п. 5 ст. 15 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приняты** в члены Адвокатской палаты города Москвы:

1. Абдуллаев Джасур Абдуллаевич
2. Аксененко Федор Анатольевич
3. Алимова Татьяна Валерьевна
4. Баранков Юрий Олегович
5. Батаева Марина Александровна
6. Бочков Вячеслав Александрович
7. Бутырин Сергей Васильевич
8. Гаряев Валерий Валерьевич
9. Герасцын Михаил Алексеевич
10. Герасцына Анна Юрьевна
11. Глинка Глеб Глебович
12. Голуб Анна Владимировна
13. Граф Александр Юрьевич
14. Донской Андрей Евгеньевич
15. Зацепа Екатерина Олеговна
16. Карташов Сергей Васильевич
17. Киреев Игорь Александрович
18. Князев Алексей Николаевич
19. Кожин Вячеслав Николаевич
20. Козбанов Андрей Игоревич
21. Колиенко Сергей Васильевич
22. Комарова Любовь Ивановна
23. Кордонов Борис Олегович
24. Кушпель Михаил Владимирович
25. Литвинов Григорий Александрович
26. Маясов Сергей Викторович

27. Муханов Игорь Вячеславович
28. Мысник Нина Николаевна
29. Павлова Лолита Анатольевна
30. Петрухин Иван Александрович
31. Попов Александр Вячеславович
32. Родионов Владимир Игоревич
33. Савинов Денис Юрьевич
34. Сало Николай Васильевич
35. Слащёв Владимир Александрович
36. Топоев Александр Александрович
37. Фоменко Алексей Иванович
38. Цурцев Вадим Михайлович
39. Якименко Олег Владимирович

2. В соответствии с пп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **приостановили статус** адвоката:

1. Багба Александр Ипполитович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11504, с 30 июля 2020 года.

2. Брунов Марк Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8378, с 01 августа 2020 года.

3. Граненов Алексей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1009, с 30 июля 2020 года.

4. Граненов Владимир Михайлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/680, с 30 июля 2020 года.

5. Дегтярева Елена Евгеньевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2985, с 01 августа 2020 года.

6. Журавлев Сергей Егорович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/9533, с 30 июля 2020 года.

7. Заварзина Тамара Федоровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5795, с 01 августа 2020 год.

8. Зайцева Юлия Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13667, с 01 августа 2020 года.

9. Камышевская Наталья Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8944, с 01 августа 2020 года.

10. Клевцова Елена Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1359, с 30 июля 2020 года.

11. Ковшик Елена Анатольевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10149, с 01 августа 2020 года.

12. Лымарь Ирина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5048, с 01 августа 2020 года.

13. Мальцева Анна Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15307, с 30 июля 2020 года.

14. Минина Ольга Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8148, с 01 августа 2020 года.

15. Сенкевич Валерия Александровна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/13847, с 01 августа 2020 года.

16. Слепнев Георгий Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/6024, с 01 августа 2020 года.

3. В соответствии с пп. 1 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекратили статус** адвоката:

1. Вылегжанин Владимир Аркадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/11473, с 01 августа 2020 года.

2. Шитиков Игорь Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5112, с 30 июля 2020 года.

4. В соответствии с пп. 3 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвокатов:

1. Лещенко Вера Гавриловна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/15305, с 12 июня 2020 года.

2. Кирюшина Светлана Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/1663, с 21 июня 2020 года.

5. В соответствии с пп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **прекращен статус** адвоката

Семчуковой Евгении Юрьевны, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/10275, с 25 июня 2020 года.

6. В соответствии с п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» **возобновили статус** адвоката:

1. Аванесов Армен Артёмович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2440, с 01 августа 2020 года.

2. Кондратьев Тарас Юрьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/5357, с 01 августа 2020 года.

3. Кузьмин Владислав Геннадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14138, с 30 июля 2020 года.

4. Лапин Дмитрий Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/14600, с 30 июля 2020 года.

5. Побединская Светлана Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8434, с 30 июля 2020 года.

6. Савостин Эдуард Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/8303, с 01 августа 2020 года.

7. В соответствии с п. 16 Решения Восемнадцатой ежегодной конференции адвокатов города Москвы от 13 марта 2020 года освободить от уплаты ежемесячных обязательных отчислений на нужды Адвокатской палаты города Москвы в связи с достижением адвокатского стажа 40 лет адвоката:

Савельеву Лидию Андреевну, регистрационный номер в реестре адвокатов города Москвы 77/2608, с 30 июля 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 79

30 июля 2020 года

Об исполнении пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Заслушав доклад Вице-президента Адвокатской палаты города Москвы Кипниса Н.М., Совет Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь пп. 18 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»,

РЕШИЛ:

Внести изменения в реестр адвокатских образований и их филиалов на территории города Москвы:

1. Учреждены адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Абузаров Аслан, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4308, с 14 июля 2020 года.

2. Беленко Александр Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-44289, с 29 июня 2020 года.

3. Бондаренко Инна Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4291, с 30 июня 2020 года.

4. Великанова Инна Васильевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4309, с 29 июля 2020 года.

5. Еремин Дмитрий Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3045, с 06 июля 2020 года.

6. Игнатъев Михаил Викторович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4290, с 30 июня 2020 года.

7. Кузина Кристина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4298, с 14 июля 2020 года.

8. Лыкова Лада Адольфовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4307, с 23 июля 2020 года.

9. Манафов Валид Меджидович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2623, с 27 июля 2020 года.

10. Маслов Тимофей Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4300, с 20 июля 2020 года.

11. Михайлов Дмитрий Владимирович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4303, с 20 июля 2020 года.

12. Орехов Александр Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4306, с 24 июля 2020 года.

13. Осипов Валентин Павлович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4295, с 08 июня 2020 года.

14. Отрощенко Александр Иванович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4296, с 07 июля 2020 года.

15. Паникарова Мария Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4302, с 21 июля 2020 года.

16. Панова Татьяна Викторовна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4293, с 01 июля 2020 года.

17. Путин Валерий Борисович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4288, с 30 июня 2020 года.

18. Райков Евгений Николаевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4294, с 10 июля 2020 года.

19. Тучков Иван Дмитриевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4292, с 07 июля 2020 года.

20. Хорева Маргарита Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4301, с 21 июля 2020 года.

21. Царев Денис Сергеевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4299, с 08 июля 2020 года.

22. Шевцова Виктория Сергеевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4297, с 13 июля 2020 года.

23. Юшков Михаил Александрович, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4305, с 23 июля 2020 года.

24. Юшкова Екатерина Владимировна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4304, с 23 июля 2020 года.

2. Ликвидированы адвокатские кабинеты (ст. 21 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Клевцова Елена Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-1649, с 30 июля 2020 года.

2. Саранов Алексей Валерьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3588, с 07 мая 2020 года.

3. Андреенко Виталий Игоревич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-4198, со 02 июля 2020 года.

4. Рывкин Владимир Ильич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3113, с 30 июня 2020 года.

5. Вылегжанин Владимир Аркадьевич, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-2724, с 01 августа 2020 года.

6. Семчукова Евгения Юрьевна, регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/3-3109, с 25 июня 2020 года.

3. Учреждены коллегии адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Коллегия адвокатов города Москвы «Саранов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-846, с 07 мая 2020 года.

2. Коллегия адвокатов города Москвы «Павел Горелов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-848, с 01 апреля 2020 года.

3. Московская коллегия адвокатов «Совет адвокатов Москвы», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-849, с 25 февраля 2020 года.

4. Московская коллегия адвокатов «Т.Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-847, с 30 декабря 2019 года.

4. Ликвидирована коллегия адвокатов (ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

Московская коллегия адвокатов «Паритет», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/1-331, с 01 июля 2020 года.

5. Учреждены адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Адвокатское Бюро г. Москвы «Геворкян и Партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-421, с 16 апреля 2020 года.

2. Адвокатское бюро «Ковалев, Лаврентьева и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-422, с 03 июня 2020 года.

6. Ликвидированы адвокатские бюро (ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»):

1. Ассоциация адвокатов Адвокатское бюро г. Москвы «Право и бизнес», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-321, с 28 мая 2020 года.

2. Московское городское адвокатское бюро «Оглоблин и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-288, с 30 июля 2020 года.

3. Адвокатское бюро «Граненов и партнеры», регистрационный номер в реестре адвокатских образований города Москвы 77/2-197, с 30 июля 2020 года.

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА города Москвы

СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

г. Москва

№ 80

30 июля 2020 года

О награждении адвокатов

1. Совет Адвокатской палаты города Москвы, рассмотрев и обсудив представленные адвокатскими образованиями города Москвы ходатайства о награждении адвокатов, решил:

**присвоить звание «Заслуженный адвокат Адвокатской палаты
города Москвы»**

1. Ждановичу Александру Флориановичу, регистрационный номер 77/1316 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)»;

2. Рябцеву Владимиру Николаевичу, регистрационный номер 77/4269 в реестре адвокатов города Москвы, адвокату «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)».

2. Совет Адвокатской палаты города Москвы решил обратиться с ходатайством о награждении наградами Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. К награждению представлены:

медалью «За заслуги в защите прав и свобод граждан» II степени

1. Евстигнеев Юрий Владимирович, регистрационный номер 77/1277 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)»;

2. Сергеев Николай Николаевич, регистрационный номер 77/1144 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)»;

Почетной грамотой Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации

Уваров Петр Николаевич, регистрационный номер 77/3755 в реестре адвокатов города Москвы, адвокат «Межреспубликанской коллегии адвокатов (г. Москва)».

Президент
Адвокатской палаты города Москвы

И.А. Поляков

Адвокатское сообщество

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Приняли присягу и получили статус адвоката

16 июля 2020 года

1. Аликина Марина Владимировна
2. Афонин Александр Леонидович
3. Ахмеджанов Ильяз Хайдарович
4. Бородин Вадим Геннадьевич
5. Борцов Алексей Александрович
6. Гетманов Александр Сергеевич
7. Гуцин Павел Николаевич
8. Дроздов Андрей Александрович
9. Зотова Екатерина Евгеньевна
10. Коновалов Сергей Сергеевич
11. Коробов Владислав Викторович
12. Литвинова Ирина Сергеевна
13. Малашенко Артем Николаевич
14. Мурылев Илья Михайлович
15. Никитушкин Михаил Игоревич
16. Обидин Кирилл Вячеславович
17. Откидач Андрей Олегович
18. Пителина Дарья Игоревна
19. Рудиков Олег Олегович
20. Сабадаш Роман Владимирович
21. Саркисян Артем Арменович
22. Старостин Александр Викторович
23. Сюняева Мадина Дамировна
24. Трунова Виктория Сергеевна
25. Трусова Вера Сергеевна
26. Тюленев Дмитрий Владимирович

Обзор дисциплинарной практики

1. Дисциплинарные производства по жалобам на ненадлежащее исполнение адвокатами обязанностей перед доверителями, а также по вопросам «двойной защиты» и вступления адвокатов в уголовные дела в качестве защитников по назначению в нарушение установленного порядка

1.1. Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса за умышленное, грубое, нарочитое и систематическое нарушение установленного порядка оказания юридической помощи по назначению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... с участием адвоката Г., заявителя Н. (по видео-конференц-связи) рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе Н. от 13 января 2020 г. ... в отношении адвоката Г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 февраля 2020 г. адвокатом Г. нарушены взаимосвязанные положения подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось во вступлении им 10 апреля 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Н. по назначению следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Одновременно с этим Комиссия в своем Заключении пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений в том, что адвокат Г. не принимала участия 10 апреля

2019 г. в период времени с 19.00 до 22.20 в следственных и иных процессуальных действиях, проведенных с участием подозреваемого/обвиняемого Н., а подписала протоколы, составленные в ходе их проведения, позднее – вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета подтвердила получение ею Заключения Квалификационной комиссии в установленный срок, ознакомление с ним и свое согласие с выводами Комиссии, изложенными в Заключении, указав при этом, что ей непонятен механизм работы Автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ).

Заявитель Н. в заседании Совета также подтвердил своевременность получения Заключения Квалификационной Комиссии и ознакомление с ним. Полностью согласившись с выводами Комиссии, заявитель Н. в очередной раз пояснил, что никаких соглашений на его защиту с адвокатом Г. им или иными лицами в его интересах не заключалось и не оплачивалось, утверждения об этих

обстоятельства со стороны адвоката являются ложными. Считает действия адвоката Г. несовместимыми со статусом адвоката.

Рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами, изложенными в Заключении Комиссии, признавая их законными, обоснованными и мотивированными.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а ее вину доказанной, установлен факт нарушения адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Н., выразившийся во вступлении ею 10 апреля 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Н. по назначению следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29). При этом совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвока-

тами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов РФ как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35). Совет Федеральной палаты адвокатов РФ координирует деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, в абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. В абзаце 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, по состоянию на 6 апреля 2019 г. был определен Правилами распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке ст. 50 и 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также в качестве представителей в гражданском и административном

судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, ст. 54 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), доведенным до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (выпуск № 3(142). 2018. С. 14–17; № 4(143). 2018. С. 26–32) и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы по адресу: <http://www.advokatymoscow.ru> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где они и в настоящее время доступны по ссылке <http://www.advokatymoscow.ru/upload/January/Pravila.pdf>

В соответствии с п. 3 указанных правил распределение требований инициаторов об участии адвокатов в делах по назначению дознавателя, следователя или суда осуществляется Адвокатской палатой города Москвы исключительно посредством АИС АПМ. Требования инициаторов (далее – требования) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, а также требования об обеспечении представителя в порядке, установленном ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ, направленные в Палату, адвокатское образование, адвокату любым иным способом, кроме размещения требования в АИС АПМ, являются недействительными, не рассматриваются и не распределяются. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, является дисци-

плинарным проступком и влечет за собой применение мер дисциплинарной ответственности.

В соответствии с п. 10 Правил требования об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: 51.advokatymoscow.ru – в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в сервисе привлечения адвокатов в делах по назначению через Адвокатскую палату города Москвы. Требование может быть также направлено инициатором в АИС АПМ дистанционно посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Согласно п. 11 Правил в целях обеспечения участия адвоката по назначению в плановых следственных и иных процессуальных действиях (в том числе судебных заседаниях) требование должно поступить в АИС АПМ в срок не позднее 24 (двадцати четырех) часов до начала запланированного процессуального действия или судебного заседания. При наличии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации оснований для производства неотложных следственных или иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) инициатор вправе разместить в АИС АПМ соответствующее требование не позднее двух часов до начала процессуального действия или судебного заседания. В данном случае, если адвокат, назначенный АИС АПМ для исполнения требования, с учетом времени суток, расстояния и иных обстоятельств, влияющих на время его прибытия, не может явиться к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе

судебного заседания) в указанное инициатором время, он обязан незамедлительно сообщить инициатору по указанным последним контактными телефонам о примерном времени своего фактического прибытия и принять разумные меры для скорейшего прибытия к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) с учетом возможности отнесения соответствующих затрат к процессуальным издержкам.

Согласно п. 18 Правил в случае неработоспособности АИС АПМ более чем двух часов подряд Президент Палаты вправе своим распоряжением временно ввести в действие ранее действовавший порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда, определенный Решениями Совета Адвокатской палаты города Москвы от 16 декабря 2002 г. № 1 «О порядке участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению и о порядке оказания гражданам Российской Федерации юридической помощи бесплатно», от 25 марта 2004 г. № 8 «Об определении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», от 19 апреля 2007 г. № 33 «О соблюдении порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению», а также разъяснениями Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации и Совета Адвокатской палаты города Москвы по данному вопросу.

21 августа 2018 г. адвокат Г. зарегистрировалась в АИС АПМ, а уже с 22 августа 2018 г. начала принимать заявки. Данное обстоятельство рассма-

тривается Советом как достаточное доказательство того, что действующий порядок участия адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органа дознания, следователя и суда адвокату Г. был доподлинно известен, а ее заявление в заседании Совета о непонимании механизма работы АИС АПМ оценивается Советом критически и не принимается во внимание.

Адвокат Г. уже более 1,5 лет участвует в защите по уголовным делам по назначению дознавателя, следователя или суда и достоверно знает, что распределение заявок на такое участие между адвокатами осуществляется АИС АПМ. За указанный период от нее в адрес руководства Палаты или Совета не поступало никаких заявлений с просьбой дополнительно разъяснить алгоритм работы АИС АПМ, тогда как Палатой за указанный период проводились многочисленные вебинары и практические конференции, на которых подробно разбирались механизм работы АИС АПМ, давались и публиковались ответы на все поступающие от адвокатов вопросы. Наряду с этим на официальном сайте Палаты в сети «Интернет» существует соответствующий раздел с возможностью обратной связи, где адвокат в режиме онлайн может получить оперативный ответ на возникший вопрос, касающийся работы АИС АПМ.

Отдельно Совет отмечает, что адвокат Г. уже привлекалась к дисциплинарной ответственности за нарушения, допущенные ею как адвокатом, участвующим в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению, при этом ей давались обязательства Совету неукоснительно следовать этому порядку и надлежащим образом исполнять все обязанности защитника по назначению в своей профессиональной деятельности.

Совет полностью соглашается и с выводами Комиссии и отклоняет как голословные и не соответствующие действительности доводы адвоката Г. о том, что 10 апреля 2019 г. она вступила в уголовное дело... и осуществляла защиту Н. на основании якобы заключенного с ним соглашения об оказании юридической помощи.

Адвокат Г. не сообщила об обстоятельствах и основаниях ее появления 10 апреля 2019 г. в... МРСО СУ по...АО ГСУ СК РФ по городу Москве якобы для заключения соглашения с Н. и вступления в уголовное дело... в качестве защитника по соглашению. В заседании Совета адвокат Г., согласившись с заключением Комиссии, не утверждала о наличии соглашения о защите Н.

Вместе с тем Совет учитывает позицию заявителя Н., который последовательно и категорически отрицал факт заключения с адвокатом Г. какого-либо соглашения об оказании ему юридической помощи и проведения какой-либо оплаты адвокату Г. за оказание ему юридической помощи. Подпись заявителя Н. в соглашении об оказании юридической помощи от 10 апреля 2019 г. ...представленном адвокатом Г., визуально явно не соответствует подписям, поставленным Н. в протоколах следственных и иных процессуальных действий, которые были получены по запросу Президента Адвокатской палаты города Москвы, о чем справедливо указано в заключении Комиссии. Одновременно с этим установлен факт отсутствия реквизитов якобы заключенного соглашения в ордере... выданном Московской коллегией адвокатов «...» адвокату Г. на осуществление защиты Н. в... МРСО СУ по...АО ГСУ СК РФ по городу Москве.

Из представленного адвокатом Г. постановления следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... от 10 апреля 2019 г. о назначении

адвоката Г. в качестве защитника Н. по уголовному делу... усматривается, что адвокат Г. назначена защитником подозреваемого Н. в связи с заключением ею соглашения об оказании юридической помощи Н.

Совет в полном объеме разделяет позицию Квалификационной комиссии, которая критически отнеслась к данному постановлению следователя, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Согласно ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Вынесение какого-либо специального постановления следователя о назначении подозреваемому (обвиняемому) защитника при наличии заключенного соглашения на его защиту действующим уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено.

Совет, соглашаясь с мнением Квалификационной комиссии, рассматривает указанные действия адвоката Г. как умышленные и явно недобросовестные, свидетельствующие о ее попытке негодными средствами обойти установленный порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Совокупность фактических обстоятельств, установленных по настоящему дисциплинарному производству, а также по дисциплинарному производству, возбужденному по жалобе Я. от 13 октября 2019 г. (распоряжение Президента Адвокатской палаты города Москвы № 255 от 5 декабря 2019 г.), где было установлено, что за несколько дней до 10 апреля 2019 г. (6 апреля 2019 г.) адвокат Г. по просьбе того же следователя...

МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве... уже вступала в уголовное дело, находящееся в производстве указанного следователя, в качестве защитника Я. по назначению в нарушение Правил распределения поручений на участие адвокатов Адвокатской палаты города Москвы в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению дознавателя, следователя или суда в порядке ст. 50 и 51 УПК РФ, утвержденных Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 сентября 2018 г. № 128 (в редакции Решения Совета Адвокатской палаты города Москвы от 20 декабря 2018 г. № 182), а также тот факт, что Решением Совета Адвокатской палаты Москвы от 10 марта 2017 г. № 25 адвокат Г. была привлечена к дисциплинарной ответственности за нарушение порядка вступления в уголовное дело по назначению следователя, позволяют Совету считать подобные нарушения в профессиональной деятельности адвоката Г. носящими систематический характер, что свидетельствует об умышленном игнорировании этим адвокатом обязательных правил и требований осуществления защиты по назначению.

При таких обстоятельствах Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что адвокатом Г. были нарушены взаимосвязанные положения подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, развившиеся во вступлении 10 апреля 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Н. по назначению следователя в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению. Совет признает

презумпцию добросовестности адвоката Г. опровергнутой, а ее умышленную вину в совершении данного нарушения установленной.

Совет полностью соглашается и с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части, касающейся остальных дисциплинарных обвинений, так как они не нашли своего подтверждения в ходе рассмотрения дисциплинарного производства. В Заключении Комиссии приведены достаточные обоснования этого вывода, с которыми Совет также соглашается.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Г. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет принимает во внимание следующие важные обстоятельства.

Адвокатом Г. продемонстрировано умышленное, грубое, нарочитое и систематическое игнорирование требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции. Совершая вышеуказанные действия, адвокат Г. допустила явное пренебрежение доверием защищаемого лица, его правами и законными интересами, так как только этим можно объяснить заведомо упречные действия адвоката Г., направленные на искусственное формирование совокупности доказательств своей невиновности, связанные с оформлением фиктивного соглашения об оказании юридической помощи Н. и попыткой обойти таким способом установленный порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Одновременно с этим Совет принимает во внимание позицию заявителя и то обстоятельство, что дисциплинарные нарушения, указанные в настоящем решении, были совершены адвокатом Г. при наличии у нее не погашенной в установленном порядке меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, примененной к ней Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 октября 2019 г. №... по жалобе гражданина А. также в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей защитника по уголовному делу.

Совершение адвокатом дисциплинарных нарушений, связанных с систематическим игнорированием установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению во взаимосвязи с избранным адвокатом Г. заведомо недобросовестным способом обхода этого порядка через заключение фиктивного соглашения на защиту, не только порочит ее честь и достоинство, но и подрывает авторитет адвокатуры в целом в глазах как гражданского общества, так и профессионального сообщества, так как «достоинство адвоката есть достоинство всего сословия» (Ф.Э. Молло).

При таких обстоятельствах Совет признает профессиональное поведение адвоката Г. несовместимым с нахождением в составе адвокатского сообщества и приходит к выводу о необходимости применения к ней меры дисциплинарного воздействия в виде прекращения статуса адвоката. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности Совет считает невозможным, поскольку это не соответствовало бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессио-

нальной этики адвоката, а также могло бы создать впечатление о допустимости подобного поведения для адвоката.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого Г. может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена, Совет, учитывая все вышеуказанные обстоятельства, считает необходимым установить его в виде 3 (трех) лет.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

1) за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся во вступлении 10 апреля 2019 г. в уголовное дело... в качестве защитника Н. по назначению

следователя... МРСО СУ по ...АО ГСУ СК РФ по городу Москве в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, применить к адвокату Г. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката с установлением срока, по истечении которого она может быть допущена к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года;

2) прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по жалобе Н. от 13 января 2020 г. ... вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.2. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката, признав, что в сложившейся ситуации у него отсутствовали достаточные основания для неисполнения вынесенного судом процессуального решения о продолжении судебного заседания при существующей явке (с его участием и без участия защитников по соглашению) и покидания судебного заседания. При этом Совет подчеркнул, что отсутствие у защитника по назначению достаточных оснований для опровержения указанного вывода суда само по себе не может служить основанием для негативной оценки профессионального поведения защитников по соглашению как со стороны органов адвокатского самоуправления, так и со стороны самого защитника по назначению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании в очной форме с использованием сервиса видеоконференций ZOOM с участием представителей заявителя Ки., адвокатов С. ...и Л. ...дисциплинарное производство в отношении адвоката К. ...возбужденное по жалобе (заявлению о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности) Ки. без даты.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 8 июля

2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе (заявлению о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности) Ки. без даты... подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Адвокат К., извещенный надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, в заседание Совета на явился, представил в Совет письменное заявление о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, подтвердил, что указанное заключение Квалификационной комиссии он своевременно получил, ознакомился и согласен с ее выводами в полном объеме. Совет, принимая во внимание это заявление, а также то, что адвокатом К. неоднократно давались объяснения, в соответствии с требованиями п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката рассмотрел дисциплинарное производство в отсутствие адвоката К. Кроме того, адвокат К. представил в Совет письменные обращения, в которых анализирует поведение защитников Ки. по соглашению, избранную ими тактику защиты, высказывая свое несогласие с ней.

Представители заявителя Ки., адвокаты С. и Л., в заседании Совета подтвердили, что Заключение Квалификационной комиссии они получили, ознакомились, но с ее выводами не согласны, поддерживают доводы, изложенные в направленных ими письменных возражениях. Они полагают, что вся суть жалобы их доверителя Ки. сводится к выводу о том, что либо они, ее защитники по соглашению, адвокаты С. и Л., злоупотребили своими правами и вели себя недобросовестно, либо адвокат К. не исполнил надлежащим образом возложенные на него обязанности защитника по назначению, не покинув судебное заседание в связи с отказом от него, заявленным Ки. В судебное заседание Б. районного суда города Москвы 5 февраля 2020 г. по повторному рассмотрению ходатайства следователя о продлении срока содержания Ки. под стражей, о котором их известил следователь накануне, они не явились, поскольку адвокат Л.

был в командировке, а адвокат С. заболел. Считают, что с их стороны никаких нарушений допущено не было, а со стороны адвоката К. – было, поскольку он должен был покинуть судебное заседание, но не сделал этого. Просят Совет не согласиться с заключением Квалификационной комиссии и признать, что адвокат К. нарушил Кодекс профессиональной этики адвоката. В последующем, после полученных разъяснений о полномочиях Совета при рассмотрении дисциплинарного производства, уточнили свою позицию и просили Совет направить дисциплинарное производство в Квалификационную комиссию на новое рассмотрение. Пояснили, что не обращались в ...районный суд города Москвы с заявлениями о невозможности своей явки по уважительным причинам и ходатайствами об отложении судебного заседания, поскольку считали необходимым коммуницировать с тем должностным лицом, кто уведомляет их о дате и времени судебного заседания, то есть со следователем, а также потому, что понимали, что исход судебного заседания заранее предрешен, и ходатайство следователя будет в любом случае удовлетворено судом именно 5 февраля 2020 г. Адвокат Л., кроме того, пояснил, что 5 февраля 2020 г. он находился в городе С., где встречался в следственном изоляторе с другим своим доверителем и обсуждал с ним вопросы его защиты.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав представитель заявителя Ки., адвокатов С. и Л., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела. Вместе с тем Совет считает необходимым частично изменить мотивировку этих выводов.

Так, установлено, что Апелляционным постановлением М. городского

суда от 27 января 2020 г. ...было отменено постановление Б. районного суда города Москвы от 27 ноября 2019 г., которым было удовлетворено ходатайство следователя по особо важным делам ...следственного отдела следственного управления Главного управления по расследованию особо важных дел Следственного комитета РФ О. о продлении срока содержания под стражей Ки., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, и иных лиц. Материал с ходатайством следователя передан на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе. Установлен срок содержания Ки. под стражей до 6 февраля 2020 г. Защиту обвиняемой Ки. в М. городском суде осуществлял адвокат С. На стадии предварительного расследования защиты обвиняемой Ки. осуществляют адвокаты С. и Л.

После возвращения в Б. районный суд города Москвы 3 февраля 2020 г. материал был зарегистрирован судом за №... 4–5 февраля 2020 г. Б. районным судом города Москвы повторно рассмотрено ходатайство следователя о продлении срока содержания Ки. под стражей.

4 февраля 2020 г. заседание Б. районного суда города Москвы было начато в 14.40 (в связи с поступившим в 10.34 сообщением о минировании здания суда и вынужденной эвакуацией посетителей и сотрудников суда вплоть до 13.20), в судебное заседание защитники обвиняемой Ки. по соглашению, адвокаты С. и Л., не явились.

В ходе судебного заседания при выяснении причин неявки защитников обвиняемой Ки., адвокатов С. и Л., на вопрос председательствующего судьи... следователь О. пояснил, что, *«сославшись на вынужденную эвакуацию из здания суда, оба защитника покинули суд, сообщив, что один из них, а именно*

адвокат С. заболел, а адвокат Л. выехал в город С. Более оба адвоката на связь не выходят, на телефонные звонки не отвечают. Их настоящее местонахождение неизвестно» (стр. 2 протокола судебного заседания).

В связи с неявкой защитников обвиняемой Ки., адвокатов С. и Л., в целях обеспечения права на защиту обвиняемой Ки. в судебном заседании Б. районного суда города Москвы был объявлен перерыв до 5 февраля 2020 г., в 10.30, на следователя О. возложена обязанность по повторному надлежащему уведомлению защитников обвиняемой Ки., адвокатов С. и Л., по принятию мер к назначению защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, учитывая, что срок содержания обвиняемых под стражей апелляционным постановлением М. городского суда от 27 января 2020 г. установлен до 6 февраля 2020 г.

5 февраля 2020 г., в 11.14, следователем О. в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы размещена заявка... об обеспечении обвиняемой Ки. защитника по назначению, при этом в графе «Стадия судопроизводства» указано «Мера пресечения». Заявка распределена системой адвокату К.

5 февраля 2020 г. в судебное заседание Б. районного суда города Москвы защитники обвиняемой Ки. по соглашению, адвокаты С. и Л., не явились, в 13.00 в судебном заседании объявлен перерыв для обеспечения явки защитника обвиняемой Ки. по назначению в порядке ст. 51 УПК РФ.

После перерыва судебное заседание было продолжено в 16.10 с участием защитника обвиняемой Ки. по назначению, адвоката К.

В ходе судебного заседания 5 февраля 2020 г. обвиняемой Ки. было заявлено ходатайство следующего содержания: *«Прошу отложить судебное заседа-*

ние, так как у меня есть защитники по соглашению, которые не были уведомлены надлежащим образом о дате судебного заседания, полагаю, что будет нарушено мое право на защиту. Прошу приобщить заявления, выражающие мое несогласие на рассмотрение ходатайств следователя без участия моих защитников» (стр. 6 протокола судебного заседания).

Данное ходатайство Ки. было подержано адвокатом К.

По результатам рассмотрения заявления Ки. ходатайства судом было вынесено постановление, которым ходатайство обвиняемой Ки. было удовлетворено частично, при этом суд в протокольном постановлении указал следующее: «Приобщить заявленные документы в соответствии со ст. 286 УПК РФ. В удовлетворении ходатайства об отложении судебного заседания отказать, так как, будучи извещенными надлежащим образом, защитники Л. и С. в судебное заседание не явились, тем самым, по мнению суда, злоупотребляют своим правом на осуществление защиты Ки., которая содержится под стражей с учетом срока, установленного апелляционным постановлением М. городского суда до 6 февраля 2020 г.» (стр. 6–7 протокола судебного заседания).

С участием защитника по назначению, адвоката К., постановлением Б. районного суда города Москвы от 5 февраля 2020 г. срок содержания под стражей обвиняемой Ки. продлен на три месяца, а всего до четырех месяцев и 29 суток, то есть до 29 февраля 2020 г.

Постановление Б. районного суда города Москвы от 5 февраля 2020 г. было обжаловано в апелляционном порядке. Апелляционным постановлением М. городского суда от 25 марта 2020 г. по делу №... постановление Б. районного суда города Москвы оставлено без из-

менения, апелляционные жалобы – без удовлетворения.

При этом в апелляционном постановлении от 25 марта 2020 г. указано, что «...суд апелляционной инстанции не может принять доводы стороны защиты о нарушении права на защиту обвиняемой Ки., так как согласно представленному материалу все участники процесса были своевременно извещены о рассмотрении ходатайств следователя, в том числе и адвокаты обвиняемой Ки., в связи с неявкой которых ей в порядке ст. 51 УПК РФ был назначен защитник, который согласно протоколу судебного заседания надлежащим образом осуществлял ее защиту».

Давая оценку установленным фактическим обстоятельствам, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что к обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства применима следующая правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в его Постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П по делу о проверке конституционности ст. 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова: «Если назначенный защитник не устраивает подозреваемого, обвиняемого ввиду его низкой квалификации, занятой им в деле позиции или по другой причине, подозреваемый, обвиняемый вправе отказаться от его помощи, что, однако, не должно отрицательно сказываться на процессуальном положении привлекаемого к уголовной ответственности лица. В этом случае дознаватель, следователь, суд обязаны выяснить у подозреваемого, обвиняемого, чем вызван отказ от назначенного защитника, разъяснить сущность и юридические последствия такого отказа и при уважительности его причин предложить заменить защитника. Обоснованность отказа от конкрет-

ного защитника должна оцениваться, в том числе, исходя из указанных в статье 72 УПК Российской Федерации обстоятельств, исключающих его участие в деле, а также с учетом норм статей 6 и 7 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, закрепляющих полномочия и обязанности адвоката.

Вместе с тем часть вторая статьи 52 УПК Российской Федерации, находясь в нормативном единстве с частью первой той же статьи и статьей 51 данного Кодекса и не наделяя отказ от защитника свойством обязательности для дознавателя, следователя и суда, предполагает, что при разрешении соответствующего заявления в каждом случае следует установить, является ли волеизъявление лица свободным и добровольным и нет ли причин для признания такого отказа вынужденным и причиняющим вред его законным интересам. Тем самым названные нормы, будучи публично-правовыми гарантиями защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, направленными на защиту прав подозреваемого, обвиняемого, не предполагают возможности навязывать лицу конкретного защитника, от которого оно отказалось, исключают принуждение лица к реализации его субъективного права вопреки его воле. Осуществление права пользоваться помощью защитника на любой стадии процесса не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, т.е. от решения, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, предусматривающих обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе по назначению.

Обеспечивая право подозреваемого, обвиняемого защищать свои права с помощью назначенного или выбранного им самим защитника, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации вместе с тем прямо не регламентирует ситуацию, связанную с участием в деле защитника по назначению, от которого подозреваемый, обвиняемый отказывается при одновременном участии в деле защитника по соглашению. Такой отказ не может рассматриваться как отказ от защитника вообще, так как право подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи предполагается обеспеченным, а потому положение части второй статьи 52 УПК Российской Федерации о необязательности отказа от защитника для дознавателя, следователя и суда в данном случае не может применяться со ссылкой на защиту прав подозреваемого, обвиняемого. Тем не менее это не исключает возможности оставить без удовлетворения заявление лица об отказе от защитника по назначению при злоупотреблении правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника. Критерии наличия такого злоупотребления выработаны судебной практикой.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 18 Постановления от 30 июня 2015 г. № 29 “О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве” указал, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу статьи 17

(часть 3) Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц.

Правоприменительная практика также свидетельствует, что непринятие отказа подозреваемого, обвиняемого от назначенного ему защитника может быть продиктовано необходимостью обеспечить разумные сроки производства по делу, угроза нарушения которых вызвана злоупотреблением правом на защиту, когда процессуальное поведение подозреваемого, обвиняемого или приглашенного защитника, будучи недобросовестным, ущемляет конституционные права иных участников судопроизводства. По мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, непринятие судом отказа подсудимого от назначенных защитников и одновременное участие по делу приглашенных и назначенных защитников могут быть – с учетом конкретных обстоятельств, характеризующих поведение обвиняемого и защитников, – признаны не противоречащими закону и не нарушающими право на защиту. Соответствующими обстоятельствами могут признаваться, в частности, сделанные неоднократно и без каких-либо оснований заявления о замене защитника, его неявка под разными предлогами в судебное заседание, т.е. действия, явно направленные на воспрепятствование нормальному ходу судебного разбирательства и указывающие на злоупотребление правом (Определение от 25 июля 2012 г. № 5-Д12-65).

Подобная практика согласуется с интересами правосудия и направлена на реализацию предписаний статей 17 (часть 3), 46 (часть 1) и 48 Конституции Российской Федерации в ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, его защитник по соглашению злоупотребляет правом на защиту и такое злоупотре-

бление дезорганизует ход досудебного либо судебного процесса, направлено на срыв производства по делу. Вместе с тем решение об отклонении отказа от защитника по назначению при участии в уголовном деле защитника по соглашению по мотивам злоупотребления правом на защиту должно быть обоснованным и мотивированным и само по себе не должно исключать возможности приглашенного защитника выполнить взятое на себя поручение».

Правовой смысл обязанности адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять свои обязанности, защищать права, свободы и интересы доверителей (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката), следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката), применительно к осуществлению защиты по назначению следователя в порядке ч. 3 и 4 ст. 50, ст. 51 УПК РФ, раскрыт в решениях органов Адвокатской палаты города Москвы и органов Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, исполнение которых является обязанностью адвоката (п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О двойной защите» (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета ФПА РФ от 28 ноября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, то есть при наличии в

деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (подп. 2.1 п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «Предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать участие в защите лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений. Участие в деле наряду с защитником по соглашению защитника по назначению допустимо лишь в том случае, если отклонение отказа от него следователь или суд мотивируют именно злоупотреблением со стороны обвиняемого либо приглашенного защитника своими правомочиями и выносят о таком злоупотреблении обоснованное постановление (определение)...» (см. «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск № 4(42); «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск №№ 11–12(121–122); «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2020. Выпуск № 1(69). С. 83).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденном Советом 2 марта 2004 г., указано, что в случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении

ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с главой 16 УПК РФ, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуск № 6(8). С. 4–6; 2004. Выпуск №№ 11–1 (13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1(39). С. 1040–106. Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 109–111).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденном Советом 18 января 2016 г., отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов-защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исходя из указанных разъяснений, основанных, в том числе, на тех же требованиях Конституции РФ и законодательства РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Феде-

ральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г., Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев принятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий,

сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснован-

ность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устранить от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих разъяснений.

Изложенное разъяснение подлежит безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. б ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения статуса адвоката, за нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката» (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. № 4(130). С. 17–21; 2016. № 3(133). С. 85–90).

Применяя приведенные выше правовые положения к обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства, Совет принимает во внимание следующее. Адвокат К. при вступлении в уголовное дело обладал сведениями о том, что защитники обвиняемой Ки. по соглашению, адвокаты Л. и С., извещены следователем о судебном заседании 5 февраля 2020 г. и сообщили ему о том, что не явятся в это заседание по причине болезни адвоката С. и отсутствия в го-

роде Москве адвоката Л. Будучи назначенным защитником обвиняемой Ки., адвокат К. побеседовал с ней наедине, выяснил ее позицию, знакомился с материалами дела и заявил ходатайство о предоставлении дополнительного времени для этого, поддержал заявленный подзащитной отказ от него, а также ее ходатайство об отложении судебного заседания в связи с ненадлежащим, по ее мнению, уведомлением защитников по соглашению о дате и времени судебного заседания. В протокольном постановлении суд отверг довод обвиняемой Ки. о ненадлежащем уведомлении ее защитников по соглашению. При этом суд мотивировал отказ в удовлетворении ходатайства об отложении судебного заседания доводом о злоупотреблении защитниками обвиняемой Ки. по соглашению правом на защиту, поскольку они, будучи надлежащим образом уведомленными, не явились в судебное заседание 4 и 5 февраля 2020 г., при этом 6 февраля 2020 г. истекает срок содержания обвиняемой под стражей.

В свою очередь в основу вывода о злоупотреблении защитниками обвиняемой Ки. по соглашению правом на защиту суд положил информацию следователя О., сообщенную им в судебном заседании, о том, что, «сославшись на вынужденную эвакуацию из здания суда, оба защитника покинули суд, сообщив, что один из них, а именно адвокат С. заболел, а адвокат Л. выехал в город С. Более оба адвоката на связь не выходят, на телефонные звонки не отвечают...», а также информацию, содержащуюся в рапорте следователя следственной группы Ж. с приложениями к нему, приобщенном к материалу в судебном заседании 5 февраля 2020 г. по ходатайству следователя О.

Из рапорта следователя Ж. усматривается, что адвокаты Л. и С. уведомлялись о судебном заседании по рассмо-

трению ходатайства органа следствия о продлении срока содержания Ки. под стражей, назначенном на 5 февраля 2020 г., при этом адвокат Л. был возмущен тем, что его уведомляет следователь, а не суд, в связи с чем считал, что он был уведомлен ненадлежащим образом. 5 февраля 2020 г. адвокат Л. сообщил, что находится в городе С. и явиться в судебное заседание не сможет, а адвокат С. сообщил, что болеет и вряд ли сможет участвовать в судебном заседании. Из приложенных к рапорту скриншотов экрана смартфона с смс-перепиской с защитниками Ки. усматривается, что адвокаты Л. и С. действительно уведомлялись следователем Ж. 4 февраля 2020 г. о судебном заседании Б. районного суда города Москвы, назначенном на 10.30 5 февраля 2020 г., однако в ответ сообщили, что явиться не могут.

Сами адвокаты Л. и С. в настоящем дисциплинарном производстве не отрицают ни факт уведомления их следователем о судебном заседании 5 февраля 2020 г., ни указанные выше причины своей неявки в него, ни того обстоятельства, что они не направляли в суд уведомлений о невозможности явки по уважительным причинам и не ходатайствовали об отложении судебного заседания.

При таких обстоятельствах Совет признает установленным, что у адвоката К. в сложившейся ситуации отсутствовали достаточные основания для неисполнения вынесенного судом процессуального решения о продолжении судебного заседания при существующей явке (то есть с его, адвоката К., участием и без участия защитников Ки. по соглашению) и покидания судебного заседания, поскольку этим решением суд, с учетом установленного судом апелляционной инстанции срока содержания Ки. под стражей до 6 февраля 2020 г., квалифицировал неявку 5 фев-

раля 2020 г. без уважительных причин защитников Ки. по соглашению, извещенных о судебном заседании, как злоупотребление ими правом на защиту. Протокольное постановление суда содержало как вывод о злоупотреблении правом, так и его мотивировку. По этой причине Совет не усматривает в профессиональном поведении адвоката К., не покинувшего в сложившейся ситуации судебное заседание, нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенного умышленно или по грубой неосторожности, и признает презумпцию его добросовестности неопровергнутой.

Вместе с тем Совет считает необходимым обратить внимание на следующее существенное обстоятельство. Предметом настоящего дисциплинарного производства является профессиональное поведение адвоката К., а не защитников Ки. по соглашению, адвокатов Л. и С., в отношении которых в Адвокатскую палату города Москвы жалоб не поступало и дисциплинарное производство не возбуждалось. В связи с этим и исходя из презумпции добросовестности адвоката, ни Квалификационная комиссия, ни Совет не вправе давать и не дают оценку их действиям как недобросовестным и свидетельствующим о злоупотреблении ими правом на защиту. Необходимым и достаточным для оценки профессионального поведения адвоката К., с учетом всех установленных по настоящему дисциплинарному производству обстоятельств, является вывод суда, содержащийся в его протокольном постановлении, о злоупотреблении защитниками обвиняемой Ки., адвокатами Л. и С. правом на защиту, мотивированный их неявкой в судебное заседание 5 февраля 2020 г. без уважительных причин при наличии у них сведений о дате и месте

его проведения, а также об истечении установленного судом апелляционной инстанции срока содержания Ки. под стражей 6 февраля 2020 г. Однако отсутствие у адвоката К. достаточных оснований для опровержения указанного вывода суда само по себе не может служить основанием для негативной оценки профессионального поведения адвокатов Л. и С. как со стороны органов адвокатского самоуправления, так и со стороны самого адвоката К.

В связи с этим Совет обращает внимание адвоката К. на необходимость проявлять уважительность к коллегам и сдержанность в оценках, как того требуют правила профессиональной этики.

Что касается дисциплинарного обвинения в осуществлении адвокатом К. защиты Ки. в Б. районном суде города Москвы 5 февраля 2020 г. при рассмотрении судом ходатайства следственного органа о продлении срока ее содержания под стражей по приглашению следователя и оперативного сотрудника ФСБ РФ, то Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает его необоснованным.

В материалах дисциплинарного производства имеется заявка... об обеспечении Ки., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, защитника по назначению в Б. районном суде города Москвы, из которой усматривается, что она была создана следователем по ОВД ГУ по РОВД СК России О. 5 февраля 2020 г., в 11.14, в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы, в 13.51 заявка была распределена системой адвокату К.

Таким образом, назначение адвоката К. было произведено в строгом соответствии с Порядком назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденным Решением Совета Федеральной палаты адво-

катов от 15 марта 2019 г., и Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2019. Выпуск № 3 (146). С. 2–12).

1.3. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и надлежащего исполнения адвокатом, осуществлявшим защиту по назначению, своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с участием адвоката К. (с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM), дисциплинарное производство в отношении адвоката К. ...возбужденное по жалобе Г. от 21 января 2020 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 8 июля 2020 г. дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним.

Представитель заявителя Г., адвокат Б., извещенный надлежащим обра-

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К. ...возбужденное по жалобе (заявлению о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности) Ки. без даты... вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

зом и ознакомленный с Заключением Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, направил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, в котором также выразил поддержку доводов жалобы.

Совет, принимая во внимание, что заявитель своевременно получил Заключение Квалификационной комиссии, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката К. в отсутствие неявившегося представителя заявителя Г., адвоката Б.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на

правильно и полно установленных обстоятельств дела.

Дисциплинарные обвинения заявителя Г. в том, что адвокат К. осуществила его защиту в М. городском суде 12 сентября 2019 г. по назначению, несмотря на то, что у него имеется защитник по соглашению, Совет признает необоснованными, поскольку материалами дисциплинарного производства установлено, что адвокат Б. неоднократно уведомлялся о необходимости явки в судебное заседание М. городского суда, однако не являлся, ссылаясь на высокую стоимость авиабилетов. 9 сентября 2019 г. адвокат Б. явился в судебное заседание, однако не считал нужным продолжить участие в нем 10 сентября 2019 г.

Адвокат Б. не уведомлял суд, как это предписывается положениями п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, о невозможности своей явки в судебное заседание 12 сентября 2019 г. и не предоставлял суду какие-либо документы, подтверждающие уважительность причин своей неявки. В связи с этим и возникла необходимость назначить защитника в порядке ст. 51 УПК РФ, а адвокат К. при принятии решения о должном поведении исходила, в том числе, из этих обстоятельств, о которых ей стало известно в ходе судебного заседания.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 17 июля 2019 г. № 28-П по делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова указал следующее: «Если назначенный защитник не устраивает подозреваемого, обвиняемого ввиду его низкой квалификации, занятой им в деле позиции или по другой причине, подозреваемый, обвиняемый вправе отказаться от его помощи, что, однако,

не должно отрицательно сказываться на процессуальном положении привлекаемого к уголовной ответственности лица. В этом случае дознаватель, следователь, суд обязаны выяснить у подозреваемого, обвиняемого, чем вызван отказ от назначенного защитника, разъяснить сущность и юридические последствия такого отказа и при уважительности его причин предложить заменить защитника. Обоснованность отказа от конкретного защитника должна оцениваться в том числе исходя из указанных в статье 72 УПК Российской Федерации обстоятельств, исключающих его участие в деле, а также с учетом норм статей 6 и 7 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, закрепляющих полномочия и обязанности адвоката.

Вместе с тем часть вторая статьи 52 УПК Российской Федерации, находясь в нормативном единстве с частью первой той же статьи и статьей 51 данного Кодекса и не наделяя отказ от защитника свойством обязательности для дознавателя, следователя и суда, предполагает, что при разрешении соответствующего заявления в каждом случае следует установить, является ли волеизъявление лица свободным и добровольным и нет ли причин для признания такого отказа вынужденным и причиняющим вред его законным интересам. Тем самым названные нормы, будучи публично-правовыми гарантиями защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, направленными на защиту прав подозреваемого, обвиняемого, не предполагают возможности навязывать лицу конкретного защитника, от которого оно отказалось, исключают принуждение лица к реализации его субъективного права вопреки его воле. Осуществление права пользоваться помощью защитника на любой

стадии процесса не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, т.е. от решения, не основанного на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, предусматривающих обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, в том числе по назначению.

Обеспечивая право подозреваемого, обвиняемого защищать свои права с помощью назначенного или выбранного им самим защитника, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации вместе с тем прямо не регламентирует ситуацию, связанную с участием в деле защитника по назначению, от которого подозреваемый, обвиняемый отказывается при одновременном участии в деле защитника по соглашению. Такой отказ не может рассматриваться как отказ от защитника вообще, так как право подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи предполагается обеспеченным, а потому положение части второй статьи 52 УПК Российской Федерации о необязательности отказа от защитника для дознавателя, следователя и суда в данном случае не может применяться со ссылкой на защиту прав подозреваемого, обвиняемого. Тем не менее это не исключает возможности оставить без удовлетворения заявление лица об отказе от защитника по назначению при злоупотреблении правом на защиту со стороны этого лица, а также приглашенного защитника. Критерии наличия такого злоупотребления выработаны судебной практикой.

Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 18 Постановления от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на

защиту в уголовном судопроизводстве» указал, что суд может не признать право обвиняемого на защиту нарушенным в тех случаях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо иное ограничение в реализации отдельных правомочий обвиняемого или его защитника обусловлены явно недобросовестным использованием ими этих правомочий в ущерб интересам других участников процесса, поскольку в силу статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации осуществление прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц.

Правоприменительная практика также свидетельствует, что непринятие отказа подозреваемого, обвиняемого от назначенного ему защитника может быть продиктовано необходимостью обеспечить разумные сроки производства по делу, угроза нарушения которых вызвана злоупотреблением правом на защиту, когда процессуальное поведение подозреваемого, обвиняемого или приглашенного защитника, будучи недобросовестным, ущемляет конституционные права иных участников судопроизводства. По мнению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, непринятие судом отказа подсудимого от назначенных защитников и одновременное участие по делу приглашенных и назначенных защитников могут быть – с учетом конкретных обстоятельств, характеризующих поведение обвиняемого и защитников, – признаны не противоречащими закону и не нарушающими право на защиту. Соответствующими обстоятельствами могут признаваться, в частности, сделанные неоднократно и без каких-либо оснований заявления о замене защитника, его неявка под разными предложениями в судебное заседание, т.е. действия, явно направленные на воспрепятствование нормальному ходу

судебного разбирательства и указывающие на злоупотребление правом (Определение от 25 июля 2012 г. № 5-Д12-65).

Подобная практика согласуется с интересами правосудия и направлена на реализацию предписаний статей 17 (часть 3), 46 (часть 1) и 48 Конституции Российской Федерации в ситуации, когда подозреваемый, обвиняемый, его защитник по соглашению злоупотребляет правом на защиту и такое злоупотребление дезорганизует ход досудебного либо судебного процесса, направлено на срыв производства по делу. Вместе с тем решение об отклонении отказа от защитника по назначению при участии в уголовном деле защитника по соглашению по мотивам злоупотребления правом на защиту должно быть обоснованным и мотивированным и само по себе не должно исключать возможности приглашенного защитника выполнить взятое на себя поручение».

Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О двойной защите» (в редакции, действовавшей на 12 сентября 2019 г.), в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (п. 2.1) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных

соглашений» (см. «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2013. Выпуск № 4(42); «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск №№ 11–12(121–122)).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденном Советом 2 марта 2004 г., указано, что в случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с главой 16 УПК РФ, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской

Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуск № 6(8). С. 4–6; 2004. Выпуск №№ 11–12(13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1(39). С. 104–106; Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 109–111).

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката, утвержденном Советом 18 января 2016 г., отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (см. Разъяснения Совета

от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исходя из указанных разъяснений, основанных, в том числе, на тех же требованиях Конституции РФ и законодательства РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г., Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев принятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению, либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению не вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных зако-

ном. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниваться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих разъяснений.

Изложенное разъяснение подлежит безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения статуса адвоката, за нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. № 4(130). С. 17–21; 2016. № 3(133). С. 85–90).

Дисциплинарные обвинения в том, что адвокат К. никак не реагировала на запрет суда об оказании консультации Г., не согласовала с ним правовую позицию, вообще никак не желала защищать Г., фактически действовала исключительно в интересах органа следствия и суда с целью создания видимости законности судебного процесса, а также не знакомилась с материалом, представленным органом следствия в суд, являются надуманными и неконкретными.

В материалах дисциплинарного производства имеется расписка адвоката К. об ознакомлении 12 сентября 2019 г. с материалом №...

В жалобе не указано, в какой именно момент судебного заседания суд запретил Г. получить консультацию адвоката К. Протокол судебного заседания М. городского суда по рассмотрению материала №... таких сведений не содержит. Замечаний на протокол судебного заседания Г. не приносилось.

Кроме того, заявителем Г. не представлено никаких доказательств, что адвокат К. действовала исключительно в интересах органа следствия и суда. Напротив, адвокат К. вступила в уголовное дело по заявке об обеспечении обвиняемому Г. защитника по назначению, размещенной в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (заявка №...), в судебном заседании поддержала отказ Г. от ее защиты, а также позицию Г. относительно ходатайства органа следствия о продлении ему срока содержания под стражей.

Также заявитель Г. при взаимодействии с защитником, адвокатом К., отказался с ней общаться, избрав защити-

тельную позицию, реализуя которую, 12 сентября 2019 г. заявил об отказе от адвоката К.

По результатам рассмотрения заявленного Г. ходатайства судом было вынесено протокольное постановление, которым суд не принял отказ обвиняемого Г. от защитника по назначению, адвоката К., сославшись на умышленную неявку в судебное заседание защитника по соглашению Б. без уважительных причин и квалифицировав такое поведение защитника как недобросовестное.

12 сентября 2019 г. М. городской суд при участии адвоката К. продлил обвиняемому Г. срок содержания под стражей до 15 декабря 2019 г.

Адвокат К. обжаловала постановление М. городского суда от 12 сентября 2019 г. в апелляционном порядке.

14 ноября 2019 г. апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам М. городского суда постановление М. городского суда от 12 сентября 2019 г. о продлении обвиняемому Г. срока содержания под стражей оставлено без изменений, а апелляционные жалобы – без удовлетворения.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката К. не опровергнута представленными заявителем доказательствами, в связи с чем дисциплинарное производство в отношении нее подлежит прекращению.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К. по жалобе Г. от 21 января 2020 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката, и надлежащего исполнения адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем.

1.4. Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за принятие поручения на осуществление защиты на территории субъекта Российской Федерации, в реестр адвокатов которого о нем не были внесены сведения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с участием адвоката К. ...дисциплинарное производство, возбужденное в отношении нее, по жалобе (заявлению о привлечении к дисциплинарной ответственности) Г. от 27 января 2020 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 15 июля 2020 г. адвокатом К. допущено ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в осуществлении 27 декабря 2019 г. его защиты в отсутствие установленных законом оснований в СО по городу Х. ГСУ СК России по ...области при ознакомлении с материалами уголовного дела (выполнение требований ст. 217 УПК РФ).

Кроме того, Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение ею Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласилась. Сообщила, что раскаялась, вину признает. Она не «карманный адвокат», просто дисциплинированно пришла по вызову к следователю, не подумав о том, что нарушает установленный по-

рядок назначения адвокатов и не вправе участвовать в качестве защитника по назначению за пределами города Москвы.

Заявитель жалобы Г. в заседание Совета не явился, находится под стражей. Представитель заявителя, адвокат Ка. в заседание Совета также не явилась, ходатайствовала о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлено, что в производстве старшего следователя следственного отдела по городу Х. ГСУ СК России по... области Ко. находилось уголовное дело по обвинению Г. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «а», «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ.

24 декабря 2019 г. обвиняемым Г. на имя следователя Ко. написаны два заявления об отказе от защитников, адвокатов Н. и Ку., в связи с тем, что «они не осуществляют его защиту и действуют вопреки им». 27 декабря 2019 г. адвокат К. вступила в указанное уголовное дело, предъявив следователю ордер... на защиту Г., в графе «Основания выдачи» которого указано : «51 УПК». В тот же день обвиняемым Г. на имя следователя Ко. подано заявление следующего содержания: *«Желаю при ознакомлении с материалами уголовного дела, чтобы мою защиту осуществляла адвокат К.»*.

Тогда же, 27 декабря 2019 г., в период с 08.00 по 18.30, обвиняемый Г. и его защитник, адвокат К., ознакомились с материалами уголовного дела в отношении Г., о чем в порядке ст. 218 УПК РФ был составлен и подписан всеми участниками соответствующий протокол.

16 января 2020 г. в Д. городском суде ...области состоялось предварительное слушание по уголовному делу... по обвинению Г. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «б» ч. 4 ст. 132, п. «а», «г» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ. В предварительном судебном заседании защиту Г. осуществляли защитники-адвокаты Н. и К., представившая ордер...

Рассматривая доводы жалобы Г. о том, что адвокат К. вступила в уголовное дело в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, Совет, как и Квалификационная комиссия, отмечает, что в силу подп. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника необязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым (подозреваемым), так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. В соответствии с ч. 2–4 ст. 50 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Дознаватель, следователь или суд принимают меры по назначению (замене) защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29). При этом совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов РФ как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35). Совет Федеральной палаты адвокатов РФ координирует деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Фе-

дерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции. В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3, 4 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим Решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (доведен до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2019. № 2(65). С. 160–172, и на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов РФ по адресу <http://www.fparf.ru> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы

адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей. Пунктом 3.3 указанного порядка установлен принцип территориальности, означающий невозможность участия в уголовных делах по назначению на территории одного субъекта Российской Федерации для адвокатов, сведения о которых внесены в реестр адвокатов другого субъекта Российской Федерации.

Установлено, что адвокат К. является членом Адвокатской палаты города Москвы и имеет регистрационный №... в реестре адвокатов города Москвы.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с обстоятельствами участия адвоката К. в осуществлении защиты Г., Совет считает установленным, что адвокат К. приняла поручение на осуществление защиты на территории субъекта РФ, в реестр которого о ней не были внесены сведения как об адвокате. Кроме того, юрисдикция СО по городу Х. ГСУ СК России по ...области на город Москву не распространяется.

Совет приходит к выводу, что у адвоката К. не имелось оснований для осуществления защиты Г. по назначению следователя в следственном отделе по городу Х. ГСУ СК России по ...области при ознакомлении с материалами уголовного дела (выполнение требований ст. 217 УПК РФ), и приходит к выводу о ненадлежащем, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнении адвокатом К. своих профессиональных обязанностей перед доверителем Г., выразившемся в осуществлении 27 декабря 2019 г. его защиты по

назначению в следственном отделе по городу Х. ГСУ СК России по ...области в отсутствие установленных законом оснований.

Рассматривая доводы жалобы Г. о том, что фактически никакого ознакомления с материалами уголовного дела не было, следователь совместно с адвокатом К. ушли из «ИВС... УВД» примерно спустя час, тем самым необоснованно ограничив Г. в ознакомлении с материалами уголовного дела, Совет отмечает, что они не нашли своего подтверждения в ходе рассмотрения настоящего дисциплинарного производства. Из содержания протокола ознакомления обвиняемого Г. и его защитника, адвоката К., с материалами уголовного дела от 27 декабря 2019 г. усматривается, что ознакомление с материалами уголовного дела проводилось обвиняемым Г. и его защитником, адвокатом К., совместно 27 декабря 2019 г., в период времени с 08.00 по 18.30, уголовное дело состоит из четырех томов. Протокол составлен на четырех страницах. В протоколе, помимо подписи самого Г., на каждой странице протокола проставлена подпись адвоката К. В протоколе обвиняемым Г. собственноручно сделана запись следующего содержания: *«С материалами уголовного дела ознакомлен совместно с защитником в полном объеме без ограничения во времени. Заявлений и ходатайств не имею. Судом присяжных воспользоваться не желаю»*. Сразу после указанной записи адвокатом К. также в протокол внесена запись: *«С материалами уголовного дела ознакомлена совместно с подзащитным без ограничения во времени в полном объеме. Заявлений и ходатайств не имею»*.

При таких обстоятельствах доводы жалобы Г. в указанной части явно надуманы.

Рассматривая доводы жалобы Г. о том, что адвокат К. совместно со следователем Ко. угрозами, уговорами и обещаниями вынудили Г. написать «задним числом» отказ от его защитников по соглашению, Н. и Ку., что адвокат К. никакой помощи ему не оказала, Совет отмечает, что каких-либо доказательств, их подтверждающих, заявителем Г. не представлено. Сама адвокат К. отрицает, что при выполнении требований ст. 217 УПК РФ она Г. угрожала, также указывает, что изучала материалы уголовного дела, общалась с Г., объяснив ему «все моменты по уголовному делу», подробно остановилась на заключении психолого-психиатрической экспертизы в отношении Г.: ему 19 лет, его возраст не соответствует умственному развитию, «согласно родовой травме и травмам головного мозга в детстве».

При таких обстоятельствах Совет считает презумпцию добросовестности адвоката К. не опровергнутой заявителем Г. в указанной части дисциплинарных обвинений.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет обращает внимание на его умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом К. порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

В то же время Совет учитывает, что адвокат К. не имеет непогашенных дисциплинарных взысканий и полностью признала свою вину в установленных Квалификационной комиссией дисциплинарных нарушениях, раскаивается в содеянном.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к

адвокату К. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

– применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исполнение своих

профессиональных обязанностей перед доверителем Г., что выразилось в осуществлении ею 27 декабря 2019 г. его защиты в отсутствие установленных законом оснований в СО по городу Х. ГСУ СК России по ...области при ознакомлении с материалами уголовного дела (выполнение требований ст. 217 УПК РФ);

– прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката К. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

1.4. К адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с участием адвоката П. ...дисциплинарное производство, возбужденное в отношении него по представлению вице-президента Адвокатской палаты города Москвы... б/н от 27 апреля 2020 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 5 февраля 2020 г. адвокатом П. допущено нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в осуществлении защиты Б. в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу... в период с 22 по 28 ноября 2019 г. в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

Адвокат П. в заседании Совета подтвердил своевременное получение им Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Квалификационной комиссии согласился. Считает, что в Заключении Комиссии всё написано объективно, и жалеет о случившемся.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката П., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Установлено, что в производстве Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации находилось уголовное дело... по рассмотрению кассационной жалобы Б. на приговор К. районного суда города А. от 26 ноября 2007 г., кассационное определение Судебной коллегии по уголовным ...областного суда от 21 февраля 2008 г., постановление Пре-

зидиума ...областного суда от 12 апреля 2011 г.

22 ноября 2019 г. адвокат П. вступил в дело в качестве защитника Б., предъявив ордер... выданный на защиту последнего в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. В графе основания выдачи ордера указано: «51 УПК». В этот же день, а также 26 и 27 ноября 2019 г. адвокат П. ознакомился с материалами уголовного дела.

28 ноября 2019 г. адвокат П. осуществлял защиту Б. в судебном заседании Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации при кассационном рассмотрении уголовного дела в отношении Б. В тот же день адвокат П. обратился с заявлением о выплате процессуальных издержек (об оплате труда адвоката), определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное заявление было удовлетворено.

Совет Адвокатской палаты города Москвы признает, что адвокат П. вступил в уголовное дело в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, в силу следующего.

В соответствии с подп. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном ст. 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда. В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим обвиняемым (подозреваемым), так и его законным предста-

вителем, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. В соответствии с ч. 2–4 ст. 50, ч. 2 ст. 248 УПК РФ по просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом. Дознаватель, следователь или суд принимают меры по назначению (замене) защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

– адвокатская палата субъекта Российской Федерации создается, в том числе, в целях обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, ее доступности для населения на всей территории данного субъекта Российской Федерации, организации юридической помощи, оказываемой гражданам Российской Федерации бесплатно, контроля за соблюдением адвокатами Кодекса профессиональной этики адвоката (п. 4 ст. 29). При этом совет адвокатской палаты «организует оказание юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в соответствии с порядком, определенным советом Федеральной палаты адвокатов; доводит этот порядок до сведения указанных органов, адвокатов и контролирует его исполнение адвокатами» (подп. 5 п. 3 ст. 31);

– Федеральная палата адвокатов РФ как орган адвокатского самоуправления в Российской Федерации создается в целях координации деятельности адвокатских палат (п. 2 ст. 35). Совет Федеральной палаты адвокатов РФ координирует деятельность адвокатских палат, в том числе по вопросам оказания адвокатами юридической помощи гражданам Российской Федерации бесплатно в рамках

государственной системы бесплатной юридической помощи и их участия в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда либо в качестве представителя в гражданском или административном судопроизводстве по назначению суда (подп. 4 п. 3 ст. 37).

В соответствии с подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции.

В соответствии с подп. 9 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе оказывать юридическую помощь по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в нарушение порядка ее оказания, установленного решением совета.

В рамках полномочий, предоставленных ему ч. 3, 4 ст. 50 УПК РФ, подп. 3.1 п. 3 ст. 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации своим решением от 15 марта 2019 г. утвердил Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, абз. 2 п. 4.1 которого установлено, что о принятом решении о назначении защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 УПК РФ, дознаватель, следователь или суд уведомляют адвокатскую палату (представителей адвокатской палаты) с целью назначения в качестве защитника по уголовному делу того адвоката, которому адвокатская палата (представители адвокатской палаты) поручит

участие в данном уголовном деле. Абзацем 2 п. 2.1 Порядка также установлено, что советы адвокатских палат субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, предусмотренных подп. 5 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», принимают Региональные правила с учетом региональных особенностей.

В городе Москве порядок оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, по состоянию на 22 ноября 2019 г. был определен Правилами Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденными Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ, утвержденными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176, доведенными до сведения членов адвокатского сообщества и других лиц путем опубликования в официальном печатном издании «Вестник Адвокатской палаты города Москвы» (выпуск № 3(146) 2019. С. 2–8) и на официальном сайте Адвокатской палаты города Москвы по адресу: <http://www.advokatymoscow.ru> в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», где и в настоящее время доступен по ссылке <http://www.advokatymoscow.ru/upload/files/Правила%20АИС%20АПМ.pdf>

В соответствии с п. 3 указанных правил обработка уведомлений дознавателей, следователей или судов (далее –

инициаторов) о принятом решении о назначении адвокатов осуществляется Адвокатской палатой города Москвы (далее – Палатой) исключительно посредством Автоматизированной информационной системы Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ). Уведомления инициаторов (далее – уведомление) об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, а также уведомления об обеспечении представителя в порядке, установленном ст. 50 ГПК РФ и ст. 54 КАС РФ, направленные в адвокатское образование или адвокату, исполнению не подлежат. Принятие и (или) осуществление адвокатом защиты или представительства по назначению, поступившему к нему не через АИС АПМ, а равно нарушение иных положений настоящих Правил являются дисциплинарными проступками и влекут за собой применение мер дисциплинарной ответственности.

В соответствии с п. 10 Правил уведомления об участии адвоката в делах по назначению направляются инициатором в АИС АПМ путем заполнения соответствующей формы на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по адресу: 51.advokatymoscow.ru – в соответствии с Инструкцией инициатора по работе в АИС АПМ.

Уведомление может быть также направлено инициатором в АИС АПМ посредством телефонной связи с использованием многоканального телефона, указанного на сайте Палаты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Согласно п. 11 Правил в целях обеспечения своевременного участия адвоката по назначению в плановых следственных и иных процессуальных действиях (в том числе судебных

заседаниях) уведомление рекомендуется размещать в АИС АПМ в срок не позднее 24 (двадцати четырех) часов до начала запланированного процессуального действия или судебного заседания. При наличии предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации оснований для производства неотложных следственных или иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) допускается возможность размещения в АИС АПМ соответствующего уведомления в срочном порядке.

В случае, если адвокат, назначенный АИС АПМ для исполнения уведомления, с учетом времени суток, расстояния и иных обстоятельств, влияющих на время его прибытия, не может явиться к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) в указанное инициатором время, он обязан незамедлительно сообщить инициатору по указанным последним контактными телефонами о примерном времени своего фактического прибытия и принять разумные меры для скорейшего прибытия к месту производства следственных и иных процессуальных действий (в том числе судебного заседания) с учетом возможности отнесения соответствующих затрат к процессуальным издержкам.

Адвокат П. свое вступление и участие в уголовном деле... по назначению суда, помимо АИС АПМ, в ходе дисциплинарного разбирательства не отрицал и пояснил, что вступил в дело по просьбе судьи Р., которая сообщила о сбое в работе АИС АПМ. Вступление адвоката П. в указанное уголовное дело, минуя АИС АПМ, подтверждается также служебной запиской руководителя аппарата Адвокатской палаты города Москвы... орденом... выданным адвокату П. на защиту Б. в Судебной коллегии по

уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, а факт его ознакомления с материалами дела 22, 26 и 27 ноября и участия 28 ноября 2019 г. в судебном заседании в качестве защитника Б. – протоколом судебного заседания и кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по рассмотрению уголовного дела... а также определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации о выплате процессуальных издержек (об оплате труда адвоката).

Довод адвоката П. о том, что в указанный период в АИС АПМ был технический сбой, является ложным, поскольку сбоев в работе АИС АПМ не было, при этом уведомление (заявка) Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве на 22, 26–28 ноября 2019 г. для осуществления защиты Б. в порядке, установленном статьями 50 и 51 УПК РФ, в АИС АПМ не поступало, что подтверждается служебной запиской руководителя IT-отдела Адвокатской палаты города Москвы... от 10 июня 2020 г.

Сопоставив приведенные выше правовые положения с установленными обстоятельствами дела, Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что адвокат П. допустил нарушение изложенного выше порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению, определенного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., которым утвержден Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, и Решением Совета

Адвокатской палаты города Москвы от 30 сентября 2019 г. № 176 «Об утверждении Правил Адвокатской палаты города Москвы по исполнению Порядка назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве, утвержденного Решением Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 15 марта 2019 г., а также по организации участия адвокатов в гражданском и административном судопроизводстве по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ, ст. 54 КАС РФ».

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката П. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет обращает внимание на его умышленный характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом П. порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

В то же время Совет учитывает, что адвокат П. не имеет непогашенных дисциплинарных взысканий и полностью признал свою вину в установленных Квалификационной комиссией дисциплинарных нарушениях, раскаивается в содеянном.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к адвокату П. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

применить к адвокату П. ...меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за нарушение взаимосвязанных положений подп. 4 п. 1

ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 9 п. 1 ст. 9 и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в осуществлении защиты Б. в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного

Суда Российской Федерации по уголовному делу.... в период с 22 по 28 ноября 2019 г. в нарушение установленного порядка оказания юридической помощи адвокатами, участвующими в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по назначению.

2. Дисциплинарные производства, возбужденные по обращениям судей и Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве

2.1. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката вследствие малозначительности совершенного им проступка, поскольку несоответствие его поведения некоторым требованиям к поведению защитника, предшествующему покиданию им судебного заседания (не заявил ходатайство, не потребовал его разрешения судом), является формальным и не повлекло за собой каких-либо негативных последствий. Само по себе самовольное покидание адвокатом зала судебного заседания в сложившейся ситуации не умаляет авторитет адвокатуры, а при наличии законных оснований для этого свидетельствует о независимости адвокатуры как института гражданского общества.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании в очной форме с использованием сервиса видеоконференций ZOOM с участием адвоката К. ...дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда... от 15 ноября 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 26 февраля 2020 г. адвокат К. признан нарушившим ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя в судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в самовольном покидании им 13 ноября 2019 г. судебного заседания М. городского суда по рассмотрению дела... по апелляционной жалобе защитника, адвоката Г., на постановление... районного суда города Москвы от 18 октября 2019 г. о продлении Т. срока содержания под стражей.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердил, что указанное заключение Квалификационной комиссии он получил, ознакомился с ним и согласен с ее выводами о наличии в его действиях нарушения, хотя, совершая эти действия, он считал их правильными. Причина покидания им зала судебного заседания заключается в том, что он хотел поддержать коллегу по корпорации и способствовать соблюдению права обвиняемого Т. на защиту избранным им защитником. В этих целях он решил воспользоваться ситуацией, при которой рассмотрение апелляционной жалобы было, как он считал, невозможно: не было перевода документов на родной язык обвиняемого. В этих условиях адвокат К. посчитал для себя невозможным участвовать в рассмотрении уголовного дела. Он звонил адвокату Г. и записал на диктофон разговор с ним. В ходе разговора выяснилось, что адвокат Г. не был надлежащим образом извещен о судебном заседании и к тому

же болеет, однако он был не против его (адвоката К.) участия в суде апелляционной инстанции. Подзащитный Т., участвовавший в судебном заседании по видео-конференц-связи, также не возражал против его (адвоката К.) участия в суде, однако он не был уверен в добровольности этого заявления, поскольку обвиняемый лишь согласился с мнением судьи, повторив за ней то, что она просила подтвердить. При этом было очевидно, что он плохо владеет русским языком, а возможностей для конфиденциального общения с ним у адвоката К. не было. Поэтому адвокат К. посчитал это заявление обвиняемого недостаточным для принятия участия в деле. Процессуального решения суда по результатам рассмотрения вопроса о возможности его участия в деле в качестве защитника адвокат К. не дождался и покинул зал судебного заседания, в чем признает свою неправоту.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката К., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела, однако приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в силу следующего.

Так, установлено, что дело... по апелляционной жалобе защитника, адвоката Г., на постановление ...районного суда города Москвы от 18 октября 2019 г. о продлении Т. срока содержания под стражей поступило в М. городской суд 12 ноября 2019 г. Судебное заседание по рассмотрению апелляционной жалобы было назначено на 13 ноября 2019 г.

7 ноября 2019 г. ...районным судом города Москвы в адрес адвоката Г. направлялось почтовое отправление... содержащее уведомление о месте, дате и времени судебного заседания М. го-

родского суда по рассмотрению его апелляционной жалобы, однако в связи с направлением отделением связи почтового отправления на неверный адрес оно было вручено получателю только 22 ноября 2019 г.

В связи с неполучением адвокатом Г. почтового отправления, содержащего уведомление о месте, дате и времени судебного заседания М. городского суда, назначенного на 13 ноября 2019 г., 12 ноября 2019 г. он был уведомлен аппаратом М. городского суда телефонограммой о предстоящем судебном заседании. Однако адвокат Г. сообщил суду, что прибыть 13 ноября 2019 г. не может ввиду болезни, при этом не возражает, если защиту его доверителя будет осуществлять адвокат, назначенный судом. Кроме того, адвокат Г. в ходе состоявшегося телефонного разговора сообщил сотруднику суда, что у него не заключено соглашение на защиту Т. в суде апелляционной инстанции.

12 ноября 2019 г. в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы (далее – АИС АПМ) была размещена заявка... на обеспечение обвиняемому Т. защитника по назначению, которая была принята адвокатом К. Инициатор заявки – судья М. городского суда...

13 ноября 2019 г. адвокат К. явился в суд, представил ордер и ознакомился с делом.

Из протокола судебного заседания М. городского суда от 13 ноября 2019 г. по рассмотрению дела... в апелляционном порядке усматривается, что протоколирование в нем велось письменно, а также с использованием средств аудио- и видеозаписи. В судебном заседании принимала участие переводчик с киргизского языка М.

В протоколе судебного заседания отражено, что обвиняемый Т. доставлен для участия в видеоконференции,

адвокат К. явился, адвокат Г. не явился, извещен, соглашения в суд апелляционной инстанции не имеет, просил о рассмотрении материала в свое отсутствие.

После разъяснения прав обвиняемого на вопросы председательствующего обвиняемый Т. ответил: *«Права понятны. Не возражаю, чтобы мою защиту в суде апелляционной инстанции осуществлял адвокат по назначению К. Все подлежащие вручению мне процессуальные документы с переводом на мой родной язык я получил. Готов к участию в настоящем судебном заседании»*.

Кроме того, в протоколе судебного заседания отражен телефонный разговор, состоявшийся с разрешения председательствующего между адвокатом К. и адвокатом Г. В ходе телефонного разговора адвокат Г. сообщил, что «имеет соглашение с обвиняемым Т. на предварительное следствие по делу, но соглашения в суд апелляционной инстанции с обвиняемым Т. не имеет, в судебное заседание не явится, просит провести настоящее судебное заседание в его отсутствие, кроме того, поясняет, что в настоящее время находится на больничном».

Сразу после телефонного разговора с адвокатом Г. адвокат К. покинул зал судебного заседания, сделав следующее заявление: *«Адвокат Г. имеет соглашение с обвиняемым по делу. Есть принцип непрерывности судебного представительства. Я не имею права нарушать право Т. на защиту, я обязан устраниваться. Кроме того, в материалах дела отсутствует перевод обжалуемого постановления, что также является нарушением права Т. на судебную защиту, и отсутствуют доказательства вручения ему переведенного обжалуемого постановления»*.

Давая оценку установленным фактическим обстоятельствам, Совет согла-

шается с Квалификационной комиссией в том, что в абз. 3 п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 сформулировано специальное правило о сроках и порядке уведомления о месте, дате и времени начала рассмотрения апелляционной жалобы на постановление об избрании/продлении сроков заключения под стражу, поэтому положения ч. 2 ст. 389.11 УПК РФ, в соответствии с которыми судом апелляционной инстанции стороны должны быть извещены о месте, дате и времени начала рассмотрения уголовного дела не менее чем за семь суток до дня судебного заседания, не распространяются на указанные выше случаи. Вместе с тем Совет учитывает и то, что судебное заседание по рассмотрению апелляционной жалобы было назначено спустя почти месяц после вынесения обжалуемого постановления судом первой инстанции, что само по себе свидетельствует о несоблюдении сокращенных сроков апелляционного обжалования и апелляционного рассмотрения постановления об избрании меры пресечения не по вине адвоката К.

Совет соглашается с Квалификационной комиссией и в том, что назначение адвоката К. защитником Т. было произведено судом апелляционной инстанции с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства, поскольку, направляя заявку в АИС АПМ, судья руководствовалась полученной от адвоката Г. информацией об отсутствии у него соглашения на защиту Т. в суде апелляционной инстанции и невозможности его явки в суд ввиду болезни.

Остановившись на вопросе о значении волеизъявления доверителя для замены защитника, Квалификационная комиссия правильно указала, что Совет Федеральной палаты адвокатов Россий-

ской Федерации 27 сентября 2013 г. утвердил Решение «О двойной защите», в п. 1 которого указал на недопустимость участия в уголовном судопроизводстве адвокатов, назначенных следственными органами и судами защитниками, в качестве дублеров, то есть при наличии в деле адвокатов, осуществляющих защиту тех же лиц на основании заключенных ими соглашений. Этим же Решением (п. 2) Совет Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации рекомендовал «предусмотреть в решениях советов (адвокатских палат) положение о том, что адвокат не вправе по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда принимать поручение на защиту лиц против их воли, если интересы этих лиц в уголовном судопроизводстве осуществляют адвокаты на основании заключенных соглашений» (см. «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2013. Выпуск №4(42); «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2013. Выпуск №№ 11–12(121–122)).

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в делах по назначению» (утверждены Советом 2 марта 2004 г.) указано, что адвокатам, вступающим в уголовное судопроизводство по назначению, нередко приходится сталкиваться с нарушением следователями порядка замены участвовавшего ранее в деле и выбывшего из него по различным причинам защитника по соглашению: следователь не дает подозреваемому или обвиняемому возможности реализовать право в течение отпущенного законом срока (от одних до пяти суток) заключить соглашение с новым адвокатом, а в нарушение закона сразу же привлекает адвоката по назначению.

В случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от за-

щитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с главой 16 УПК, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (см.

«Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуск № 6(8). С. 4–6; 2004. Выпуск №№ 11–12(13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1(39). С. 104–106; Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 109–111).

В Разъяснениях Совета Адвокатской палаты города Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката «Об участии в уголовном судопроизводстве защитников по назначению» (утверждены Советом 18 января 2016 г.) отмечается, что навязывание адвокатом подозреваемому, обвиняемому своей юридической помощи в качестве защитника недопустимо ни при каких обстоятельствах, в том числе и при осуществлении защиты по назначению. В равной мере недопустимым является такое навязывание и со стороны органов и лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в отсутствие законных оснований для назначения защитника. Совет Адвокатской палаты города Москвы неоднократно разъяснял порядок и условия вступления адвоката в дело и осуществления им защиты по назначению, в том числе в части, касающейся неукоснительного соблюдения права подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, включая отказ от него, и о недопустимости какого бы то ни было прямого или косвенного содействия в ущемлении этого права со стороны адвокатов, назначенных защитниками (Разъяснения Совета от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению», от 20 ноября 2007 г. «Об основаниях прекращения участия в уголовном деле адвокатов – защитников по соглашению», от 24 сентября 2015 г. «О соблюдении требований части 3 и части 4 статьи 50 УПК РФ при осуществлении защиты по назначению»). Эти

разъяснения продолжают действовать в полном объеме и подлежат безусловно исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Исходя из указанных разъяснений, основанных, в том числе на тех же требованиях Конституции РФ и законодательства РФ, правовых позициях Конституционного Суда РФ, которые приведены в Решении Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации от 27 сентября 2013 г., Совет Адвокатской палаты города Москвы считает недопустимым осуществление адвокатами защиты по назначению наряду с адвокатами, осуществляющими защиту тех же лиц на основании соглашения, за исключением случаев непринятия дознавателем, следователем или судом отказа от защитника по назначению, при условии, что процессуальное поведение защитника по соглашению либо поведение подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника, будучи явно недобросовестным, ущемляет конституционные права других участников судопроизводства. Во всех прочих случаях защитник по назначению вправе принимать участие (в том числе продолжать ранее начатое им участие) в дознании, предварительном следствии либо в рассмотрении дела судом при наличии у подозреваемого, обвиняемого защитника по соглашению, от которого он не отказался и который не отведен от участия в деле в порядке и на основаниях, предусмотренных законом. Адвокат, назначенный защитником и установивший факт наличия у того же лица защитника по соглашению, обязан незамедлительно предпринять все предусмотренные законом и вышеуказанными разъяснениями Совета Адвокатской палаты города Москвы действия, направленные на прекращение

своего участия в деле, включая (но не ограничиваясь этим) поддержку заявления подозреваемого, обвиняемого об отказе от него, собственное аналогичное заявление и проявление настойчивости с целью надлежащего рассмотрения и разрешения этих заявлений дознавателем, следователем или судом, а при их отказе или уклонении от принятия такого решения адвокат должен покинуть место процессуальных действий, сделав соответствующие заявления. Совет Адвокатской палаты города Москвы отметил, что такие действия защитника по назначению не могут расцениваться как отказ от защиты и являются не только правомерными, но и обязательными. Это требование распространяется и на случаи, когда в дело, в котором уже участвует защитник по назначению, впоследствии вступает защитник того же лица по соглашению.

Непринятие отказа от защитника по назначению при наличии защитника по соглашению может являться законным и обоснованным лишь в том случае, когда действия или бездействие подозреваемого, обвиняемого при реализации права на свободный выбор защитника и/или действие или бездействие защитника по соглашению противоречат требованиям закона либо представляют собой злоупотребление правом на защиту, и такое нарушение или злоупотребление дезорганизует ход дознания, предварительного следствия либо судебного заседания, то есть направлено на срыв судебного процесса либо досудебного производства по делу.

Продолжение участия в деле защитника по назначению при наличии у того же лица защитника по соглашению не может рассматриваться как недопустимое дублирование функций защиты, нарушающее конституционное право подозреваемого, обвиняемого на свободный выбор защитника, только при

условии, что процессуальное решение дознавателя, следователя или суда, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не только вынесено в соответствии с требованиями закона, но и содержит указание именно на такое поведение подозреваемого, обвиняемого и/или защитника (защитников) по соглашению, с приведением конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих обоснованность этого вывода. Процессуальное решение органа или лица, осуществляющего производство по уголовному делу, которым отклонен заявленный отказ от защитника по назначению, не содержащее такого обоснования, а принятое лишь со ссылкой на наличие дискреционного полномочия, предусмотренного ч. 2 ст. 52 УПК РФ, не может как явно не соответствующее требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ являться законным и достаточным основанием продолжения участия в деле защитника по назначению, дублирующего защитника по соглашению, и вынуждает защитника по назначению устраниваться от участия в деле в соответствии с п. 2 настоящих разъяснений.

Изложенные выше разъяснения подлежат безусловному исполнению адвокатами в соответствии с требованиями п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Их несоблюдение или ненадлежащее соблюдение влечет применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности, вплоть до прекращения статуса адвоката, за нарушение требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, подп. 1 и 2 п. 1 ст. 9 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2015. № 4(130). С. 17–21; 2016. № 3(133). С. 85–90).

С учетом изложенного волеизъявление доверителя по вопросу возможно-

сти участия в уголовном деле защитника по назначению при наличии у доверителя защитника по соглашению является основополагающим.

Давая оценку профессиональному поведению адвоката К. в сложившейся ситуации, Совет признает, что, несмотря на формальное его несоответствие некоторым изложенным выше требованиям (не заявил ходатайство, не потребовал его разрешения судом), это несоответствие является формальным и не повлекло за собой каких-либо негативных последствий. Совет отмечает, что самовольное покидание адвокатом К. судебного заседания 13 ноября 2019 г. не могло нарушить право обвиняемого Т. на рассмотрение его дела в разумный срок, а также повлиять на исполнение судом обязанности по рассмотрению жалобы в установленные сроки. Как указано выше, 13 ноября 2019 г. в М. городском суде рассматривалась апелляционная жалоба на постановление... районного суда города Москвы от 18 октября 2019 г. Как следует из частного постановления, срок содержания под стражей по обжалуемому постановлению истекал 22 ноября 2019 г., а зарегистрирован материал в М. городском суде был только 12 ноября 2019 г. (согласно данным, размещенным в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в разделе «Поиск по судебным делам» официального сайта... (...материал №...). В связи с самовольным покиданием адвокатом К. судебного заседания 13 ноября 2019 г. оно было вновь назначено на 15 ноября 2019 г. и разрешено в этом же заседании с вынесением апелляционного постановления. Таким образом, трехсуточный (с момента поступления материала в М. городской суд) срок рассмотрения жалобы судом апелляционной инстанции был соблюден. При этом почти месячный (с момента вынесения обжалуемого решения) срок рассмотрения апелляционной

жалобы на постановление о продлении обвиняемому Т. срока содержания под стражей был обусловлен действиями сотрудников судов общей юрисдикции, но не поведением адвоката К.

Рассматривая мотивы действий адвоката К., Совет обращает внимание на то, что они не были недобросовестными: он действовал в интересах соблюдения принципа корпоративности, и не желая препятствовать обвиняемому Т. в реализации его права на свободный выбор защитника. Совет признает установленным, что адвокат К. не преследовал цель срыва судебного заседания и/или умышленного затягивания производства по уголовному делу. Дефицит времени для принятия правильного и обоснованного решения, вызванный необходимостью скорейшего ознакомления с материалами и общения с защитником Т. по соглашению – адвокатом Г. без объявления перерыва прямо в судебном заседании, а также обнаружившиеся в ходе ознакомления нарушения уголовно-процессуального закона в виде отсутствия переведенного на родной язык обвиняемого обжалуемого постановления и затруднения в общении с ним в условиях видео-конференц-связи, обусловили не до конца продуманные действия адвоката К., не повлекшие за собой каких-либо негативных последствий для заявителя или обвиняемого.

Само по себе самовольное покидание адвокатом зала судебного заседания в сложившейся ситуации не умаляет авторитет адвокатуры, а при наличии законных оснований для этого свидетельствует о независимости адвокатуры как института гражданского общества.

Изложенные выше обстоятельства позволяют Совету признать формальный дисциплинарный проступок адвоката К. малозначительным, не порочащим его честь и достоинство, не умаляющим авторитет адвокатуры и не

причинивший какого-либо вреда доверителю, обвиняемому Т., или Адвокатской палате города Москвы.

Пункт 2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката предусматривает, что не может повлечь применение мер дисциплинарной ответственности действие (бездействие) адвоката, формально содержащее признаки нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, однако в силу малозначительности не порочащее честь и достоинство адвоката, не умаляющее авторитет адвокатуры и не причинившее существенного вреда доверителю или адвокатской палате.

2.2. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, поскольку он был избран депутатом до 1 марта 2020 года и осуществлял полномочия депутата на непостоянной основе.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании с участием адвоката А. (с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM) дисциплинарное производство в отношении адвоката А. ...возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 8 апреля 2020 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 17 июня 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката А. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 8 апреля 2020 г. ...подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокату-

Учитывая совокупность установленных обстоятельств, Совет считает необходимым прекратить дисциплинарное производство вследствие малозначительности совершенного адвокатом К. проступка, указав ему на допущенное нарушение.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката К. ... возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи М. городского суда... от 15 ноября 2019 г. ...вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка. Указать адвокату К. на допущенное нарушение.

ре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат А. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е., извещенная надлежащим образом и ознакомленная с Заключением Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явилась, направила письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в ее отсутствие, в котором также выразила поддержку представлению.

Совет, принимая во внимание, что представитель заявителя своевременно получила Заключение Квалификационной комиссии, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников

дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката А. в отсутствие неявившегося представителя заявителя Е.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката А., соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

А. является адвокатом (регистрационный №... в реестре адвокатов города Москвы).

Решением избирательной комиссии внутригородского муниципального образования в городе Москве – Муниципального округа Х. от 18 сентября 2017 г. ...«О регистрации избранных депутатов Совета депутатов муниципального округа Х.» на основании протоколов избирательной комиссии внутригородского муниципального образования в городе Москве – муниципального округа Х. о результатах выборов депутатов Совета депутатов муниципального округа Х. по многомандатным избирательным округам №№... от 11 сентября 2017 г., решения избирательной комиссии внутригородского муниципального образования в городе Москве – муниципального округа Хамовники от 11 сентября 2017 г. ...«Об определении результатов выборов депутатов Совета депутатов муниципального округа Х.» и в соответствии со ст. 79 Избирательного кодекса города Москвы избирательная комиссия внутригородского муниципального образования в городе Москве – муниципального округа Х. решила зарегистрировать депутатов Совета депутатов муниципального округа Х., избранных по многомандатным избирательным округам №№...

В приложении к указанному решению – списке зарегистрированных депутатов Совета депутатов муниципального округа Х. от 18 сентября 2017 г. в пункте 6 значится А.

Совет признает необоснованным дисциплинарное обвинение в том, что на момент избрания в 2017 году адвоката А. депутатом Совета депутатов муниципального округа Х. он не выполнил обязанности приостановить свой статус адвоката, поскольку в соответствии с действовавшей в то время редакцией подп. 1 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката приостанавливался только в случае его избрания в орган государственной власти или орган местного самоуправления на период работы на постоянной основе. Вместе с тем материалами дисциплинарного производства установлено, что А. осуществлял полномочия депутата на непостоянной основе.

Доказательств обратного Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве не предоставлено.

Конституционный Суд РФ, проанализировав положения ч. 5, п. 2 и 3 ч. 7 и ч. 9.1 ст. 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» во взаимосвязи с п. 1 ст. 2 и подп. 1 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», сформулировал в своем Постановлении № 29-П от 18 июля 2019 г. по делу о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина О.В. Сухова правовую позицию, в соответствии с которой в случае избрания адвоката

депутатом представительного органа муниципального образования, если соответствующие полномочия осуществляются на постоянной основе, установленный подп. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» запрет для адвоката на замещение муниципальной должности реализуется путем приостановления его адвокатского статуса на период осуществления полномочий на постоянной основе, а если такие полномочия осуществляются на непостоянной основе, то приостановления статуса адвоката на период осуществления полномочий не предусмотрено.

В соответствии с Разъяснением Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам, утвержденным Советом Федеральной палаты адвокатов, предусмотренная ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязанность приостанавливать статус адвоката распространяется

на адвокатов, избранных (назначенных) на должность в орган государственной власти или орган местного самоуправления начиная с 1 марта 2020 г.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что дисциплинарное производство в отношении адвоката А. подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката А. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 8 апреля 2020 г. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

2.3. К адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за подписание им протоколов допросов доверителя в качестве подозреваемого, хотя они были самостоятельно составлены дознавателем в отсутствие адвоката и его доверителя и включали показания, фактически не дававшиеся доверителем в присутствии адвоката.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по обращению (частному постановлению) судьи С. районного суда города Москвы Н. от 21 марта 2020 г. ...в отношении адвоката К.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 8 июля 2020 г. адвокатом К. допущено нарушение взаимосвязанных положений ст. 189, 190 УПК РФ, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя... на судопроизводстве... адвокат должен соблюдать нормы со-

ответствующего процессуального законодательства...»), выразившееся в ее участии 19 марта 2020 г. в оформлении (подписании) протоколов допросов Л. в качестве подозреваемого по уголовным делам №№ ...00 и ...01, самостоятельно составленных дознавателем Т. в отсутствие адвоката К. и ее доверителя Л.

Адвокат К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение ею Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним. С выводами, указанными в Заключении, полностью согласилась. В представленных в Совет письменных пояснениях от 20 июля

2020 г. она также полностью признала допущенные ею в профессиональной деятельности ошибки, объясняя их совершение пассивной позицией доверителя Л. и собственной растерянностью в сложившейся ситуации, и просила Совет при определении меры дисциплинарной ответственности учесть ее длительный адвокатский стаж (более 30 лет) и наличие наград за адвокатскую деятельность.

Рассмотрев Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката К., Совет в полном объеме соглашается с выводами Комиссии в связи с их законностью, обоснованностью и мотивированностью.

Совет признает, что Квалификационной комиссией на основании достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а ее вину доказанной, установлен факт нарушения адвокатом К. взаимосвязанных положений ст. 189, 190 УПК РФ, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившийся в ее участии 19 марта 2020 г. в оформлении (подписании) протоколов допросов Л. в качестве подозреваемого по уголовным делам №№ ...00 и ...01, самостоятельно составленных дознавателем Т. в отсутствие адвоката К. и ее доверителя Л.

Квалификационной комиссией достоверно установлено, что 19 марта 2020 г. дознавателем Т. одновременно по двум уголовным делам были оформлены протоколы допросов подозреваемого Л., в каждом из которых указывалось, что они проводились с участием защитника, адвоката К., в период времени с 19.10 по 20.55 и с 20.59 по 21.45. При этом место проведения допросов в протоколах не было указано.

Из представленных совместно с частным постановлением судьи С. рай-

онного суда города Москвы Н. протоколов судебного заседания С. районного суда города Москвы усматривается, что 19 марта 2020 г. адвокат К. в период времени с 19.00 по 19.09 осуществляла защиту обвиняемого Ку. в ходе рассмотрения С. районным судом города Москвы (судья Н.) ходатайства следователя СО ОМВД России по С. району города Москвы М. о продлении Ку. срока содержания под стражей, а в период времени с 19.22 по 19.31 – защиту обвиняемого Г. в ходе рассмотрения тем же судьей ходатайства следователя СО ОМВД России по С. району города Москвы Го. о продлении Г. срока содержания под стражей.

Оценив сведения, содержащиеся в материалах дисциплинарного производства документах в их совокупности, учитывая устные объяснения, данные адвокатом К., Квалификационная комиссия обоснованно пришла к выводу о том, что 19 марта 2020 г. дознавателем Т. допрос подозреваемого Л. по правилам, установленным ст. 189, 190 УПК РФ, не производился. Вместо этого дознаватель Т. распечатала два протокола допроса Л. в качестве подозреваемого, включив в него от имени Л. пояснения по обстоятельствам преступлений, в совершении которых он подозревался, фактически не дававшиеся Л. в присутствии адвоката К., после чего, находясь в помещении изолятора временного содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений УВД по ... АО ГУ МВД России по городу Москве, предваряющем проход в следственные кабинеты, предоставила их для ознакомления и подписания самому Л. и его защитнику, адвокату К.

Совет соглашается с доводом Квалификационной комиссии, что адвокат К., вступив в уголовное дело, свои полномочия, предусмотренные ст. 53 УПК РФ, не реализовала: не провела с

Л. конфиденциального свидания и не ознакомилась с доступными ей на указанном этапе расследования материалами уголовного дела, ограничившись общей краткой беседой с Л. в присутствии дознавателя и посторонних для дела лиц.

Вместе с тем положения о честном, разумном, добросовестном, квалифицированном, принципиальном и своевременном исполнении адвокатом своих обязанностей, активном отстаивании и защите прав, свобод и законных интересов доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации») применительно к участию в качестве защитника в уголовном судопроизводстве означают активную с момента вступления в дело реализацию адвокатом полномочий защитника, предусмотренных ст. 53 УПК РФ, в частности, свидание с подозреваемым, обвиняемым наедине, ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, а также с иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому, заявление ходатайств, принесение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя.

Доводы адвоката К. о том, что права Л. нарушены не были, так как она с ним общалась, и тот подтвердил правильность содержания подготовленных дознавателем Т. показаний, а дознаватель пришла в изолятор временного содержания со своим помощником, который имел при себе компьютер, и в случае необходимости в заранее распечатанные протоколы можно было бы внести изме-

нения, обоснованно отвергнуты Квалификационной комиссией и отклоняются Советом, поскольку условия, в которых происходила встреча адвоката К. и ее доверителя Л., не располагали к доверительному общению. В помещении, в котором подписывались протоколы допросов, помимо самого Л. и адвоката К., находились также дознаватель Т. с помощником, два сотрудника конвоя, следователь Х. и, как указывает сама адвокат К. в дополнительных письменных объяснениях, иные лица (дежурный и другие следователи).

В нарушение требований ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат К. не приняла мер к отложению проведения следственных действий, не настояла на предоставлении ей условий для проведения конфиденциального свидания с доверителем, не выяснила, что явилось источником информации для подготовки дознавателем Т. указанных показаний Л. (собственное представление дознавателя об обстоятельствах совершенного Л. деяния, основанное на показаниях потерпевшего, либо сведения, ранее сообщенные Л. в его объяснениях), не убедилась, что изложенные дознавателем Т. «показания» соответствуют избранной Л. защитительной позиции.

Совет вслед за Квалификационной комиссией особо обращает внимание адвоката К. на то, что условия, в которых 19 марта 2020 г. у Л. отбирались подписи под протоколами его допросов в качестве подозреваемого, для нее как для профессионального участника уголовного судопроизводства со всей очевидностью должны были свидетельствовать об отсутствии у доверителя возможности свободно высказать свое отношение к подготовленной дознавателем версии его показаний.

Ссылку адвоката К. на пассивную позицию самого Л. Совет также откло-

няет как несостоятельную, поскольку она никак не влияет на оценку профессионального поведения адвоката.

Обоснован в Заклучении и вывод Квалификационной комиссии о том, что указанные в протоколах допросов время их проведения и длительность (в общей сложности 151 минута) явно не соответствовали тому времени, которое действительно могло быть потрачено дознавателем Т. и адвокатом К. на разъяснение подозреваемому Л. его прав, прочтение ему составленных дознавателем показаний и подписание этих протоколов всеми «участствующими в допросах» лицами, при том, что показания Л. в каждом из протоколов содержатся немногим более чем на одной странице и дословно совпадают.

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия справедливо пришла к выводу, что указание не соответствующих действительности времени и длительности проведения допросов подозреваемого Л. осуществлялось дознавателем Т. с согласия либо при попустительстве адвоката К. и преследовало своей целью создать видимость действительного проведения этих допросов. По этой же причине в протоколах допросов Л. не указано место их проведения.

С учетом изложенного Совет признает презумпцию добросовестности адвоката К. опровергнутой, а ее вину в совершении указанного нарушения установленной.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально, своевременно, активно отстаивать и защищать права, свободы и законные интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации,

законом и Кодексом профессиональной этики адвоката. Адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного закона).

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката К. за совершенный дисциплинарный проступок, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий о намеренном игнорировании адвокатом К. приведенных выше требований уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и требований профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет принимает во внимание, что адвокат К., имеющая длительный стаж адвокатской деятельности (более 30 лет), награды и поощрения за результаты своей адвокатской деятельности, полностью осознала допущенные ею нарушения и раскаялась в их совершении.

При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применение к адвокату К. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей

требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

за нарушение адвокатом К. взаимосвязанных положений ст. 189, 190 УПК РФ, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя... на судопроизводстве... адвокат должен

соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства...»), что выразилось в ее участии 19 марта 2020 г. в оформлении (подписании) протоколов допросов Л. в качестве подозреваемого по уголовным делам №№ ...00 и ...01, самостоятельно составленных дознавателем Т. в отсутствие адвоката К. и ее доверителя Л., применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

2.4. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку, несмотря на вступление адвоката в уголовное дело, защита обвиняемого фактически им не принималась, при этом адвокатом было сделано мотивированное заявление о невозможности принятия защиты и участия в следственном действии в качестве защитника.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании (с использованием видеоконференц-связи на сервис-платформе ZOOM), дисциплинарное производство в отношении адвоката М. ...возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 4 марта 2020 г. ...основанному на информации старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации Б.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 17 июня 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 4 марта 2020 г. ...основанному на информации старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации Б., подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и

адвокатуры, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат М. и представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е., надлежащим образом извещенные о месте и времени рассмотрения дисциплинарного производства и ознакомленные с Заключением Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явились, направили в Совет ходатайства о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие.

Совет, принимая во внимание, что адвокат и заявитель своевременно получили Заключение Квалификационной комиссии, ранее давали объяснения, а также с учетом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката М. в отсутствие участников.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификацион-

ной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по городу Москве указано, что адвокат М. самовольно покинула место производства следственного действия, а обвиняемый К. отказался давать показания в отсутствие защитника, в связи с чем следователь был вынужден объявить следственное действие оконченным.

Указанная информация, по мнению автора представления, свидетельствует о нарушении адвокатом М. требований ч. 7 ст. 49 УПК РФ, подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которыми адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат М. явилась к следователю в соответствии с распределенной ей заявкой в качестве защитника по назначению, однако не сочла возможным принять участие в следственном действии, поскольку ей от обвиняемого К. стало известно, что у того имеются защитники по соглашению, в связи с чем он отказался от ее помощи. Впоследствии информация о наличии у обвиняемого К. защитников по соглашению подтвердилась. Сведений о надлежащем извещении защитников по соглашению и о причинах их неявки следователь адвокату М. не представил. Ей также было отказано в конфиденциальной беседе с подзащитным.

Адвокат, назначаемый судом, следователем или дознавателем для оказания квалифицированной юридической помощи обвиняемому (подозреваемому) в уголовном судопроизводстве, обязан уважать право последнего на свободный выбор адвоката (защитника). Если в материалах уголовного дела имеют-

ся сведения о том, что подозреваемый (обвиняемый) обеспечен адвокатом (защитником), приглашенным им или с его согласия третьими лицами, то назначенный адвокат обязан выяснить, надлежащим ли образом уведомлен приглашенный адвокат (защитник) о дне, времени и месте производства процессуального действия. С целью получения указанной информации назначенный адвокат (защитник) обязан обратиться к лицам, ведущим производство по уголовному делу. В зависимости от характера полученной информации адвокат (защитник) должен принять решение, продолжать участвовать в процессуальном действии или заявить ходатайство об его отложении (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2011. Выпуск №№ 4–6(90–92). С. 43–44).

Согласно п. 3 Стандарта осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (далее – Стандарта) (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г., опубликован на официальном сайте Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по адресу: <http://fparf.ru>, а также в издании «Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации». 2017. № 2(57). С. 140–142) адвокат должен разъяснить подзащитному право иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально и принять меры к проведению такого свидания. В случае нарушения права подзащитного на свидание со стороны следователя, дознавателя или суда адвокат должен принять меры к внесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления об этом нарушении.

В соответствии с подп. «а» и «в» п. 4 Стандарта в рамках первого свидания с подозреваемым, обвиняемым адвокату следует выяснить наличие обстоятельств, препятствующих принятию поручения на защиту или исключаяю-

щих участие данного адвоката в производстве по уголовному делу, разъяснить право на приглашение защитника по соглашению в случае, если адвокат осуществляет защиту по назначению.

Пункт 7 Стандарта устанавливает для адвоката обязанность уведомить о своем участии в деле иных адвокатов подзащитного при их наличии.

В Разъяснении Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «Об участии в делах по назначению» (утвержден Советом 2 марта 2004 г.) указано, что в случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15 УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с главой 16 УПК РФ и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату города Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в

Российской Федерации»). Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении (см. «Вестник Адвокатской палаты города Москвы». 2004. Выпуск № 6(8). С. 4–6; 2004. Выпуск №№ 11–12(13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1(39). С. 104–106; Специальный выпуск «Вестника Адвокатской палаты города Москвы»: сборник нормативных и информационных материалов за 2002–2014 годы. М., 2014. С. 109–111).

Материалами дисциплинарного производства не опровергнуто, что в тех условиях, которые были созданы следователем... для исполнения адвокатом М. своих профессиональных обязанностей перед доверителем при проведении 4 декабря 2019 г. очной ставки между свидетелем А. и обвиняемым К., покидание адвокатом М. места проведения следственного действия было правомерным.

При этом покидание места проведения следственного действия в данных конкретных условиях не может расцениваться как отказ адвоката М. от принятой на себя защиты, поскольку фактически, несмотря на вступление в уголовное дело, защита обвиняемого К. ею не принималась. Сам К. с какими-либо жалобами в отношении адвоката М. (в том числе и на отказ от его защиты) не обращался. Адвокатом М. было сделано мотивированное заявле-

ние о невозможности принятия защиты К. и участия в следственном действии в качестве его защитника, по которому следователем не было принято надлежащего процессуального решения.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката М. не опровергнута представленными заявителем доказательствами, в связи с чем дисциплинарное производство в отношении нее подлежит прекращению.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

2.5. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку дисциплинарные обвинения в отношении адвокатов в неуважении к суду не нашли своего подтверждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката О. в закрытом заседании (с использованием видео-конференц-связи на сервис-платформе ZOOM) 30 июля 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное по обращениям судьи П. районного суда города Москвы К. от 2 (вх. №№... от 10 марта и от 8 марта 2020 г.), от 4, 12, 16, 17 и 20 марта 2020 г. в отношении адвокатов О., Ж., Ко.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 17 июня 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвокатов О., Ж., Ко. по обращениям судьи П. районного суда города Москвы К. ... подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат О. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним.

прекратить дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката М. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 4 марта 2020 г. ...основанному на информации старшего следователя по особо важным делам при Председателе Следственного комитета Российской Федерации Б., вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокаты Ж., Ко., извещенные надлежащим образом, в заседание Совета не явились, ходатайствовали о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие.

Совет считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отсутствие адвокатов Ж., Ко., так как они ранее давали объяснения, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной деятельности адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, доводы, изложенные в обращениях судьи П. районного суда города Москвы К., обсудив Заключение Квалификационной комиссии, выслушав адвоката О., соглашается с выводами Квалификационной комиссии, основанными на верно и полно установленных ею фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвокатов О., Ж., Ко. в том, что они, осуществляя защиту подсудимого А.,

уголовное дело в отношении которого и еще шести подсудимых находилось в производстве П. районного суда города Москвы, не являлись в судебные заседания, не нашло своего подтверждения, поскольку заявителем не представлено доказательств одновременных неявок в одни и те же судебные заседания адвокатов О. и Ж. и проявления неуважения к суду адвокатом О.

Так, в своих обращениях судья П. районного суда города Москвы К. обвиняет адвоката О. в том, что он 27 февраля, 2, 12, 13, 16, 19 марта 2020 г. не являлся в судебные заседания, а 3 и 18 марта 2020 г. опоздал на них, документов, подтверждающих уважительность неявок и опозданий, суду не предоставил.

Адвокат О. подтвердил, что 18 марта 2020 г. он опоздал в судебное заседание и не являлся в судебные заседания 27, 2, 4, 12, 16 и 19 марта 2020 года. 3 марта 2020 г. в судебное заседание не опаздывал, а 26 февраля и 13 марта 2020 г. принимал участие в судебных заседаниях. Адвокатами и подзащитным А. было принято решение о замене одного адвоката другим для осуществления своей деятельности как в рамках данного уголовного дела, так и по другим делам, в связи с чем ни одно судебное заседание не было сорвано по причине его неявки.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката Ж. в том, что он не принимал участие в судебных заседаниях 16–19 марта 2020 г. также не нашло своего подтверждения, поскольку в эти дни в судебных заседаниях участвовали другие защитники А., неявка адвоката Ж. не привела к отложению судебных заседаний и была согласована с подзащитным А., который против этого не возражал.

Право на защиту А. при таких обстоятельствах нарушено не было, что подтверждается разъяснением Пленума Верховного Суда, содержащимся в п. 12 его Постановления от 30 июня 2015 г.

№ 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве».

Утверждения судьи К. о том, что адвокат О. без разрешения председательствующего задавал вопросы стороне обвинения и требовал объяснений по форме представления доказательств, на замечания председательствующего не реагировал, тем самым проявляя неуважение к суду, также не нашли своего подтверждения, поскольку заявителем не представлено их доказательств, а в силу презумпции добросовестности адвоката бремя доказывания дисциплинарного обвинения возложено на лицо, по обращению которого возбуждено дисциплинарное производство, в данном случае на судью П. районного суда города Москвы К.

Дисциплинарное обвинение в адрес адвоката Ко. в том, что она 2 марта 2020 г. заключила соглашение об оказании юридической помощи подсудимому А., не имея реальной возможности для осуществления защиты, поскольку она еще не ознакомилась с материалами уголовного дела, что явилось основанием для отложения рассмотрения уголовного дела, также не нашло своего подтверждения, поскольку судебное заседание было отложено на 3 марта 2020 г. не в связи с отсутствием и неподготовленностью защитников А., а в связи с отсутствием подсудимого Х. Кроме того, ознакомление защитника с материалами дела является обязательным условием осуществления защиты, при этом защитник может ознакомиться с материалами дела лишь после вступления в него.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвокатов О., Ж., Ко. не опровергнута, и ими не допущено нарушения норм законодательства

об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвокатов О., Ж.,

2.6. Совет прекратил дисциплинарное производство, поскольку дисциплинарное обвинение в отношении адвоката в неуважении к суду не нашло своего подтверждения.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании (с использованием видеоконференц-связи на сервис-платформе ZOOM), дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. ...возбужденное по обращению (частному определению) судьи П. районного суда города Москвы... от 21 февраля 2020 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 17 июня 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Р. по обращению судьи П. районного суда города Москвы... от 21 февраля 2020 г., подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р. в заседание Совета не явился, представил ходатайство с просьбой рассмотреть настоящее дисциплинарное производство в его отсутствие.

Совет считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. в его отсутствие, поскольку им ранее давались объяснения, а в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения.

Ко. по обращениям судьи П. районного суда города Москвы К. ...вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвокатов нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет, изучив материалы дисциплинарного производства, доводы, изложенные в обращении судьи П. районного суда города Москвы... от 21 февраля 2020 г., обсудив Заключение Квалификационной комиссии, соглашается с выводами Квалификационной комиссии, основанными на верно и полно установленных ею фактических обстоятельствах.

Дисциплинарное обвинение в отношении адвоката в том, что он, будучи надлежащим образом извещенным, не явился в судебное заседание 21 февраля 2020 г., в 14.30, для участия в рассмотрении постановления о продлении срока содержания Н. под стражей, о причинах своей неявки не сообщил, не нашло своего подтверждения, поскольку заявителем не представлено доказательств надлежащего предварительного уведомления адвоката о времени судебного заседания, как и его неявки в судебное заседание.

В ходе дисциплинарного производства установлено, что в приложенных к обращению (частному определению) судьи... письменных объяснениях дознавателя М. указано, что 19 февраля 2020 г., в 11.34, он уведомил адвоката Р. по телефону о дате назначения судебного заседания о продлении срока содержания обвиняемого Н. под стражей, затем 21 февраля 2020 г. он также в 15.45 делал телефонные звонки адвокату Р. о

явке в судебное заседание, который вышел на связь в 16.12 и прибыл в судебное заседание примерно к 17.00.

Адвокат Р. в письменных объяснениях указал, что с дознавателем М. они договорились о том, что тот уведомит его примерно за 40 минут до начала заседания. Указанная договоренность с дознавателем была вызвана необходимостью нахождения Р. в период с 14.00 до 16.00 на приеме у врача с сыном. В подтверждение последнего обстоятельства адвокатом предоставлена справка из Детской городской поликлиники №... Департамента здравоохранения города Москвы.

После извещения дознавателем М. адвокат Р. 21 февраля 2020 г. явился в суд в 16.55, но судебное заседание, как указано в протоколе, было открыто в 17.59 и закрыто в 19.07 с вынесением постановления о продлении срока содержания Н. под стражей до 29 марта 2020 г. Это постановление было обжаловано адвокатом Р. в апелляционном порядке 25 февраля 2020 г.

Дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Р. в том, что он в судебном заседании не соблюдал нормы адвокатской деятельности, проявлял не-

уважение к суду и к другим участникам процесса, что выражалось в несоблюдении распорядка судебного заседания и неподчинении распоряжениям председательствующего, также не нашло своего подтверждения, поскольку в протоколе судебного заседания от 21 февраля 2020 г. нет указаний на какие-либо сделанные адвокату Р. замечания.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката Р. не опровергнута, и им не было допущено нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и(или) Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Совет Адвокатской палаты города Москвы решил:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. по обращению (частному определению) судьи П. районного суда города Москвы... от 21 февраля 2020 г. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокатская практика

Право на защиту в чрезвычайных условиях

Сергей Александрович Соловьев,

адвокат, управляющий партнер Адвокатского бюро города Москвы «СОСЛОВИЕ», член Совета Адвокатской палаты города Москвы, кандидат юридических наук

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила, что распространение нового коронавируса (COVID-19) приобрело характер пандемии. Более 120 стран, включая Российскую Федерацию, несмотря на разный уровень инфицирования населения, предприняли соответствующие меры эпидемиологического характера, затрагивающие практически все сферы жизнедеятельности человека, включая отправку правосудия. Пандемия коронавируса сформировала новые запросы в отношении уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации о возможности и способах отправления уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях с сохранением всех гарантий защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. Следует отметить, что в настоящее время не принято нормативных актов, в которых бы содержались ответы на данные вопросы.

Одной из острых проблем в сложившейся чрезвычайной эпидемиологической ситуации явилось обеспечение права на защиту лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Перед правоприменителями встал вопрос о соблюдении процессуальных сроков, как связанных с действием мер уголовно-процессуального принуждения, так и с точки зрения ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства во взаимосвязи с конституционным правом на жизнь и на охрану здоровья и медицинскую помощь (ч. 1 ст. 20 и ч. 1 ст. 41 Конституции РФ) и положениями ч. 1 ст. 9 УПК РФ, запрещающими в ходе уголовного судопроизводства создавать опасность для жизни и здоровья человека, вовлеченного в его отправление.

В то же время ситуация с пандемией COVID-19 не внесла каких-либо существенных изменений в отношении публичных органов власти к вопросам избрания меры пресечения в виде заключения под стражу и продления сроков ее действия. В большинстве случаев суды не учитывали сложившуюся эпидемиологическую ситуацию при принятии решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении сроков действия этой меры пресечения. Однако были и исключения.

Например, широкий резонанс получило решение Гатчинского городского суда Ленинградской области от 13 апреля 2020 г., в котором в качестве одного из оснований для изменения меры пресечения с содержания под стражей на домашний арест судом была учтена как опасность заражения коронавирусной инфекцией в условиях следственного изолятора, так и введенные в связи с пандемией ограничения, объективно затрудняющие выполнение следственных и процессуальных действий с лицами, содержащимися под стражей, включая процедуру ознакомления с материалами уголовного дела. При этом надо отметить, что инициатором принятия данного решения стал орган расследования, а не сам суд, и подобные случаи наиболее часто имели место в правоприменительной практике в течение последних месяцев.

По одному из дел в практике автора орган расследования для упрощения реализации обвиняемой ее права на ознакомление с материалами уголовного дела самостоятельно изменил ей 13 мая 2020 г. меру пресечения с домашнего ареста на подписку о невыезде¹.

По другому делу, рассмотренному в г. Санкт-Петербурге, суд, изменяя меру пресечения подсудимому с домашнего ареста на запрет определенных действий, указал, что действующая в городе система повышенной готовности из-за распространения вируса COVID-19 существенным образом затягивает возможность рассмотрения дела, *«время получения ожидаемого судом заключения экспертов неизвестно, доходы граждан ввиду закрытия предприятий резко упали, что свидетельствует о том, что необходимо применение в отношении подсудимого сбалансированной меры пресечения»*, которая обеспечит соблюдение как публичных интересов, так и частных, а именно *«возможность получения подсудимым законного дохода или пособия по безработице»*. Показательным в этом решении был вывод суда о необходимости предоставить подсудимому возможность пользоваться информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет», поскольку это требовалось подсудимому для работы².

Ситуация повышенной готовности, связанная с пандемией коронавируса, вызвала существенные ограничения в отношении личного и непосредственного участия в судебном разбирательстве лиц, содержащихся под стражей³. Однако практика показала, что суды, имеющие техническую возможность рассмотреть соответствующие ходатайства органа расследования посредством видео-конференц-связи (далее – ВКС), отказались от данного процессуального инструментария со ссылкой на ч. 13 ст. 109 УПК РФ.

Действительно, как справедливо отмечается С.А. Насоновым и Ю.В. Стрелковой⁴, ранее в редакции пункта 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» к «иным обстоятельствам», касающимся исключительных обстоятельств, указанных в ч. 13 ст. 109 УПК РФ, могли быть отнесены как болезнь обвиняемого, так и карантин в месте содержания под стражей. Тем не менее Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 31 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам (с изменениями и дополнениями)» данное положение было исключено, что, к сожалению, не нашло отражения в правоприменительной практике судов и, в частности, Московского городского суда. Суды продолжали признавать факт введения в следственном изоляторе карантина в качестве исключительного обстоятельства, позволяющего рассматривать ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей без участия обвиняемого, в том числе посредством ВКС.

Буквальное толкование судьями Московского городского суда уголовно-процессуального закона, отмечавшее отсутствие в ст. 109 УПК РФ прямого указания на возможность в исключительных случаях проводить судебное разбирательство при

¹ Уголовное дело № 11801450006000123 в СУ УВД по ЮЗАО ГУ МВД России по г. Москве по обвинению Ф. по девяти эпизодам преступлений по ч. 4 ст. 159 УК РФ // Из адвокатской практики автора.

² Фрагменты текста указанного судебного решения есть, однако более полных данных судебного решения не установлено.

³ См.: Соловьев С.А. Обжаловать продление «стражи» без участия обвиняемого // Уголовный процесс. 2020. № 6. С. 8.

⁴ См.: Насонов С.А., Стрелкова Ю.В. Как обжаловать решение о продлении срока содержания под стражей, принятое без обвиняемого // Уголовный процесс. 2020. № 7. С. 24–33.

помощи ВКС, не было пересмотрено даже после принятия Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 831⁵, в пункте 5 которого указывается, что в сложившейся в стране эпидемиологической ситуации судам при наличии технической возможности надлежит инициировать рассмотрение дел путем ВКС.

Надо отметить, что практически все решения Московского городского суда, вынесенные им в качестве суда первой инстанции, при отказе от применения ВКС при рассмотрении ходатайства органа расследования о продлении сроков содержания обвиняемых под стражей свыше 12 месяцев были отменены Первым апелляционным судом общей юрисдикции по соответствующим жалобам стороны защиты.

Так, в частности, по делу в отношении Р., Ю., и Г., где автор принимал непосредственное участие, суд апелляционной инстанции в апелляционном определении от 19 мая 2020 г. об отмене постановления Московского городского суда указал, что *«оснований о невозможности участия обвиняемых в судебном заседании с использованием видео-конференц-связи материалы дела не содержат»*.

Суд первой инстанции не только не обеспечил возможность участия обвиняемых в судебном заседании с использованием ВКС, но и не уведомил обвиняемых о месте и времени судебного заседания по месту содержания под стражей, что повлекло невозможность обвиняемых сообщить суду свое мнение относительно ходатайства.

Указанное обстоятельство является нарушением принципов состязательности и равноправия сторон, гарантированных частями 1 и 4 ст. 15 УПК РФ, а также нарушением предусмотренного частью 1 ст. 16 УПК РФ права обвиняемых на защиту в рамках уголовного судопроизводства»⁶.

Представляется, что искусственный отказ судов от расширенного применения ВКС в сложившихся чрезвычайных обстоятельствах нарушает не только указанные в апелляционном определении положения уголовно-процессуального закона, но и требования ч. 3 ст. 15 УПК РФ по созданию необходимых условий для исполнения стороной защиты своих обязанностей и осуществления предоставленных этой стороне прав, а равно по соблюдению положений ч. 2 ст. 16 УПК РФ с целью обеспечения обвиняемому возможности защищаться всеми незапрещенными законом способами и средствами.

Отсутствие в ст. 109 УПК РФ положения о возможности применения ВКС в чрезвычайных обстоятельствах, по моему мнению, не образует безусловного нормативного запрета на применение данной формы участия обвиняемого в судебном заседании. Напротив, допускаемая в уголовно-процессуальном правоприменении аналогия формирует обязанность суда с учетом сложившихся обстоятельств, связанных с эпидемиологической ситуацией в Российской Федерации, применить ее в целях наибольшего обеспечения права на защиту лица, в отношении которого рассматривается вопрос об ограничении его конституционных прав и свобод⁷.

Еще одним фактом, посягающим на надлежащее обеспечение права на защиту в чрезвычайных условиях и установленных в связи с ними нормативных ограничений на передвижение, стало произвольное толкование органом расследования возможности допуска защитников, прибывающих для оказания квалифицированной юри-

⁵ См.: <http://www.supcourt.ru/files/28837/> (дата обращения – 20 июля 2020 г.).

⁶ См. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 19 мая 2020 г. по делу № 55К-786/2020 в отношении Р., Ю. и Г. // Архив Московского городского суда.

⁷ См.: Соловьев С.А. Указ. соч.

дической помощи из других регионов. Это препятствие было успешно преодолено с помощью активных действий защитников по обжалованию подобных заведомо неправомερных действий следователя.

В частности, адвокаты Адвокатской палаты города Москвы А.Н. Чегодайкин и Е.Н. Мартынов, прибыв в город Казань для оказания квалифицированной юридической помощи своему подзащитному, столкнулись с решением следователя по ОВД первого следственного отдела третьего следственного управления (с дислокацией в Нижнем Новгороде) ГСУ СК России, установившего порядок реализации указанными защитниками, прибывающими из города Москвы, права на ознакомление с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ с обязательной предварительной самоизоляцией на дому в городе Казани в течение 14 календарных дней. Одновременно с этим данные обстоятельства стали поводом и основанием для обращения следователя с ходатайством об ограничении указанных защитников во времени ознакомления с материалами дела, так как их 14-дневная изоляция, по мнению следствия, являлась умышленным затягиванием ознакомления с материалами дела.

Постановлением заместителя начальника Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Приволжском федеральном округе от 27 апреля 2020 г. данное решение следователя было признано незаконным. Возложенные на адвокатов дополнительные, не предусмотренные уголовно-процессуальным законом обязательства и ограничения были признаны не соответствующими требованиям п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и существенным образом нарушающими право на защиту обвиняемого, предусмотренное ч. 1 ст. 16 УПК РФ⁸.

Краткий анализ правоприменения и обеспечения права на защиту в чрезвычайных условиях отправления уголовного судопроизводства позволяет сделать следующие выводы.

Уголовно-процессуальное законодательство, порядок отправления которого основан на Конституции РФ, должен предусматривать целый спектр норм, которые регулировали бы нормативную формализацию уголовного судопроизводства в чрезвычайных условиях.

В данном случае это могли бы быть и общие нормы, касающиеся действия уголовно-процессуального закона во времени, на которое распространяется действие чрезвычайных условий в стране (ст. 4 УПК РФ), дополнительные поводы и основания для отмены или изменения меры пресечения (ст. 110 УПК РФ⁹), дополнительные основания, сроки и порядок приостановления предварительного следствия (ст. 208 УПК РФ), возможные элементы благоприятствования в исчислении сроков наказаний и зачете наказаний при содержании под стражей в чрезвычайных условиях (ст. 72 УК РФ), когда в связи с такими условиями сроки рассмотрения дел были отложены (например, время содержания под стражей в эти дни засчитывать из расчета один день в следственном изоляторе за три дня срока лишения свободы, а при оправдании обвиняемого – за пять дней дополнительной компенсации).

⁸ См. материалы по Постановлению № Пост-32-92-20/11975 по делу в отношении Г. // Архив Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Приволжском федеральном округе.

⁹ В частности, Адвокатская палата города Москвы 23 марта 2020 г. в связи с развивающейся эпидемиологической ситуацией в г. Москве предложила адвокатам – защитникам по уголовным делам незамедлительно выйти с самостоятельными ходатайствами или жалобами, направленными на изменение мер пресечения в отношении арестованных лиц пожилого возраста и (или) страдающих хроническими заболеваниями как наиболее уязвимых с точки зрения действия новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) // См. подробнее: <https://www.advokatymoscow.ru/advocate/activity/info/6526/> (дата обращения – 20 июля 2020 г.).

Судебная практика

Судья Минин С.Ю.

Дело № 10-3287/2020

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ^{1,2}

город Москва

6 июля 2020 года

Московский городской суд в составе:
председательствующего судьи Шараповой Н.В.,
при помощнике секретаре Бурылевой Е.С.,
с участием
прокурора отдела прокуратуры г. Москвы Радина А.В.,
адвоката Резника Г.М., представившего удостоверение и ордер,
оправданного Лебедева А.А.,

рассмотрела в открытом судебном заседании апелляционное представление государственного обвинителя прокуратуры города Москвы А.С. Бирюкова на приговор Тверского районного суда города Москвы от 5 декабря 2019 года, которым

Лебедев Александр Александрович, (данные изъяты), являющийся адвокатом – членом Адвокатской палаты города Москвы... ранее не судимый,

оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, на основании п. 3 ч. 1 ст. 302 УПК РФ, в связи с отсутствием в действиях Лебедева А.А. состава преступления.

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 133 УПК РФ за Лебедевым А.А. признано право на реабилитацию.

Приговором разрешен вопрос о мере пресечения оправданного и вещественных доказательств по делу.

Заслушав доклад судьи Шараповой Н.В., мнение прокурора Радина А.В., поддержавшего доводы апелляционного представления и полагавшего приговор суда подлежит отмене, пояснения оправданного Лебедева А.А. и адвоката Резника Г.М., полагавшие приговор суда оставить без изменения, суд апелляционной инстанции

УСТАНОВИЛ:

Лебедев обвинялся в совершении преступления, предусмотренном ч. 1 ст. 294 УК РФ, а именно: в совершении вмешательства в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствованию осуществлению правосудия.

Лебедев, являясь адвокатом города Москвы и осуществляя защиту обвиняемой Краснихиной, в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ, по уголовному делу, находящемуся в производстве старшего следователя по особо важным делам второго отдела управления по расследованию организованной преступной деятельности СД МВД России Сильченко, в ходе судебного заседания по рассмотрению ходатайства следствия об изменении обвиняемой

¹ Судебные акты и иные документы, касающиеся дела адвоката А.А. Лебедева, опубликованы в «Вестнике Адвокатской палаты города Москвы» №1/2020.

² Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

Краснихиной меры пресечения на заключение под стражу 23 октября 2017 года в период с 16 часов 20 минут до 18 часов 50 минут, находясь в зале судебных заседаний Тверского районного суда города Москвы, с целью воспрепятствования осуществлению правосудия путем введения суда в заблуждение относительно исполнения Краснихиной меры пресечения и принятия незаконного решения по результатам рассмотрения указанного ходатайства следствия, вмешался в деятельность суда, предъявив оригиналы справки медицинского центра (данные изъяты) с недостоверными сведениями о посещении 12 октября 2017 года обвиняемой вместе с ребенком этого центра и осмотре врачом, а также кассового чека № 7111 о нахождении Краснихиной в этот день в кафе медицинского центра в качестве доказательств, подтверждающих необоснованность заключения Краснихиной под стражу.

Приговором суда Лебедев оправдан по всем пунктам предъявленного обвинения за отсутствием в его действиях состава преступления.

В апелляционном представлении государственный обвинитель полагает, что приговор постановлен с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона. Вывод суда о том, что представленные стороной обвинения доказательства не свидетельствуют о наличии в действиях Лебедева умысла на вмешательство, в какой бы то ни было форме, в деятельность суда, опровергаются совокупностью представленных доказательств. Указывает, что суд не учел, что Лебедев, будучи защитником обвиняемой Краснихиной, при рассмотрении ходатайства следователя об изменении меры пресечения Краснихиной с домашнего ареста на заключение под стражу, представил суду справку, содержащую в себе сведения не соответствующие действительности. При этом Лебедев осознавал и знал, что представленная им справка содержит недостоверную информацию. Таким образом, Лебедев был осведомлен о том, что заявленное им ходатайство о приобщении данного документа является незаконным и выполнить его был не вправе, как адвокат, осуществляющий защиту обвиняемой в суде, Лебедев. Отмечает, что судом при рассмотрении уголовного дела были существенно нарушены нормы уголовно-процессуального законодательства, выразившиеся в проведении 27 сентября 2019 года предварительного слушания с участием адвокатов Араева и Бочкарева, которые заявляли ходатайство об отложении судебного разбирательства, в связи с тем, что они не готовы к процессу. Просит приговор суда отменить и уголовное дело направить на новое судебное разбирательство в ином составе суда.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в апелляционном представлении, суд апелляционной инстанции находит приговор суда законным и обоснованным.

Как указано в ч. 2 ст. 297 УПК РФ, приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона.

В соответствии со ст. 305 УПК РФ, в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора излагаются существо предъявленного обвинения, обстоятельства уголовного дела, установленные судом, основания оправдания подсудимого и доказательства их подтверждающие, мотивы, по которым суд отвергает доказательства, представленные стороной обвинения.

Данные требования закона судом были выполнены в полном объеме.

Суд апелляционной инстанции не может согласиться с утверждением автора апелляционного представления о неправильности выводов суда и несоответствия их фактически установленным обстоятельствам уголовного дела.

Диспозиция ч. 1 ст. 294 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия.

Исходя из положений закона, суд обоснованно указал, что объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, является конституционный принцип независимости судей.

Допросив свидетелей и исследовав письменные доказательства по делу, представленные стороной обвинения, суд установил, что Лебедев при рассмотрении судом ходатайства сле-

дователя об изменении Краснихиной меры пресечения с домашнего ареста на заключение под стражу представил суду справку о нахождении 12 октября 2017 года его подзащитной вместе с ребенком в медицинском центре, а также чек обслуживания в кафе данного центра.

При этом справку о посещении 12 октября 2017 года медицинского центра и кафе, предоставила Лебедеву непосредственно Краснихина, а обращение Лебедева непосредственно в медицинский центр с требованиями получить информацию о посещении Краснихиной данного медицинского учреждения, не может служить основанием для признания Лебедева виновным в совершении вмешательства в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия.

Показания Лебедева о том, что сведения о посещении медицинского центра и кафе были представлены ему самой Краснихиной, в связи с чем он намеревался их подтвердить документально, ничем не опровергнуты.

При таких обстоятельствах, как обоснованно указано в приговоре, в действиях адвоката Лебедева отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 294 УПК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 10 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» всякое вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия преследуется по закону. Не допускается внепроцессуальное обращение к судье по делу, находящемуся в его производстве, либо к председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по делам, находящимся в производстве суда.

Вместе с тем, при рассмотрении дела судом не было установлено, что 23 октября 2017 года Лебедев, осуществляя защиту обвиняемой Краснихиной в Тверском районном суде города Москвы, при рассмотрении ходатайства следователя об изменении обвиняемой меры пресечения с домашнего ареста на содержание под стражей, оказывал какое-либо воздействие на председательствующего по делу, с целью склонения его к принятию определенного решения в форме активных действий: дачи указания или «настоятельного совета», высказывания угроз, шантажа, обещания каких-либо благ, совершения посягательств на судью, его родственников или его имущество.

Ссылка в апелляционном представлении на нарушение прав Лебедева на защиту выразившееся в проведении предварительного слушания 27 сентября 2019 года с участием адвокатов Араева и Бочкарева, которые заявляли ходатайство об отложении судебного разбирательства, в связи с тем, что они не готовы к процессу, является необоснованной, поскольку согласно ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ отмена оправдательного приговора по мотивам нарушения права обвиняемого на защиту не допускается. Оправдательный приговор может быть изменен по указанным мотивам лишь в части, касающейся основания оправдания, по жалобе оправданного, его защитника, законного представителя и (или) представителя.

Нарушений уголовно-процессуального и уголовного закона, влекущих отмену приговора по доводам, изложенным в апелляционном представлении, не имеется.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 389.13, 389.20, 389.28 УПК РФ, суд апелляционной инстанции

ПОСТАНОВИЛ:

Приговор Тверского районного суда города Москвы от 5 декабря 2019 года в отношении Лебедева Александра Александровича оставить без изменения, апелляционное представление – без удовлетворения.

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией»

Источник публикации «Российская газета», № 156, 17.07.2020

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 17 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»

Источник публикации «Российская газета», № 157, 20.07.2020

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции»

Источник публикации «Российская газета», № 156, 17.07.2020

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции»

Источник публикации «Российская газета», № 156, 17.07.2020

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 7 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»

Источник публикации «Российская газета», № 138, 26.06.2020

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»

Источник публикации «Российская газета», № 136, 25.06.2020

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 5 «О применении судами норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»

Источник публикации «Российская газета», № 136, 25.06.2020

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 22 июля 2020 г. № 38-П

по делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части третьей статьи 159 УК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина М.А. Литвинова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое в жалобе законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В части третьей статьи 159 УК Российской Федерации установлена уголовная ответственность за мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере.

1.1. Конституционность приведенного законоположения оспаривает М.А. Литвинов, который органами предварительного следствия обвинялся в мошенничестве, а именно в хищении чужого имущества путем обмана в крупном размере. Ему инкриминировалось, что, приобретая квартиру за счет средств федерального бюджета, он представил в инспекцию ФНС России по Всеволожскому району Ленинградской области три налоговых декларации по налогу на доходы физических лиц (форма 3-НДФЛ) за 2011, 2012 и 2013 годы с заявлением о предоставлении имущественных налоговых вычетов в общей сумме 258 908 рублей, на получение которых он не имел права, будучи участником накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих.

Приговором Выборгского гарнизонного военного суда от 9 апреля 2018 года М.А. Литвинов по предъявленному обвинению оправдан. Суд установил, что подсудимый воспользо-

вался мерами социальной поддержки, которые финансируются из федерального бюджета, а потому не имел права на налоговый вычет. Причем это прямо следовало из представленных им в налоговый орган документов (договор купли-продажи квартиры, свидетельство о государственной регистрации права, договор целевого жилищного займа, кредитный договор, передаточный акт и расписка продавца), без которых налоговая декларация не подлежит отдельному рассмотрению. Ошибочное решение налогового органа о предоставлении вычета не было обусловлено подложными документами либо документами, скрывающими факт приобретения квартиры за счет средств федерального бюджета. Суд пришел к выводу, что обращение М.А. Литвинова за вычетом не свидетельствовало об обмане, а явилось следствием добросовестного заблуждения о законных основаниях к его получению.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского окружного военного суда от 4 июня 2018 года оправдательный приговор отменен, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение. При этом в определении не отрицалось, что представленных М.А. Литвиновым документов было достаточно для отказа в вычете, но, по мнению суда, неоднократное получение подсудимым, не имеющим на то права, соответствующего вычета после подачи им налоговой декларации говорит о наличии у него умысла на обман должностных лиц налогового органа с целью хищения денежных средств. По тем же мотивам судья Ленинградского окружного военного суда отказал в передаче кассационной жалобы стороны защиты на указанное решение для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции (постановление от 19 апреля 2019 года). Нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов при отмене приговора не нашли также судья Верховного Суда Российской Федерации (постановление от 25 июня 2019 года) и заместитель Председателя этого Суда (письмо от 2 сентября 2019 года).

По результатам нового рассмотрения уголовного дела Выборгский гарнизонный военный суд 25 июля 2018 года постановил обвинительный приговор, признав М.А. Литвинова виновным в совершении преступления, предусмотренного частью третьей статьи 159 УК Российской Федерации, и установив, что ошибочные действия сотрудников налоговой инспекции не находятся в причинно-следственной связи с содеянным, не свидетельствуют о невинности подсудимого, а лишь указывают на обстоятельства, способствовавшие преступлению. Суд отметил, что М.А. Литвинов, занимая должность научного сотрудника военно-морской академии, не мог не знать положений Налогового кодекса Российской Федерации. Смягчающим наказанием обстоятельством признано возмещение причиненного ущерба (в октябре 2017 года подсудимый полностью возвратил денежные средства, полученные им в результате предоставления налогового вычета).

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского окружного военного суда от 18 сентября 2018 года приговор оставлен без изменения. Суд отверг доводы стороны защиты о представлении М.А. Литвиновым в налоговый орган пакета документов, содержание которых не было недостоверным, о неопровержении факта его добросовестного заблуждения относительно правомерности своего поведения. Правильность квалификации деяния подтверждена постановлением судьи Ленинградского окружного военного суда от 26 декабря 2018 года, отказавшего в передаче кассационных жалоб М.А. Литвинова и его защитника для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. В аналогичном же постановлении судьи Верховного Суда Российской Федерации от 6 мая 2019 года дополнительно указано, что действия лиц, принявших решение о предоставлении налогового вычета, не освобождали М.А. Литвинова от подачи достоверных данных, свидетельствующих об источнике, из которого финансировалось приобретение им квартиры. С этим решением согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 8 июля 2019 года).

1.2. По мнению М.А. Литвинова, часть третья статьи 159 УК Российской Федерации противоречит статьям 18 и 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку

позволяет привлекать налогоплательщика к уголовной ответственности без опровержения презумпции добросовестности его действий и без установления признаков совершения им обмана, возлагая на него уголовное наказание за ошибочные решения налоговых органов о предоставлении ему налогового вычета.

В силу частей третьей и четвертой статьи 3, части второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает во внимание как буквальный смысл проверяемого законоположения, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходит из его места в системе правовых норм, решая при этом исключительно вопросы права и не исследуя фактические обстоятельства дела заявителя. Это, однако, не служит препятствием для оценки наличия неопределенности в вопросе о конституционности нормы, как того требует часть вторая статьи 36 того же Федерального конституционного закона, и для последующей проверки ее конституционности с учетом фактических обстоятельств, установленных другими судами в конкретном деле, и с учетом толкования, приданного ей судами в контексте установленных именно ими обстоятельств, особенно если правильность такого толкования подтверждена Верховным Судом Российской Федерации, куда заявитель обратился с кассационной или надзорной жалобой.

Тем самым часть третья статьи 159 УК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании решается вопрос о признании уголовно наказуемыми (мошенничеством) деяний, связанных с подачей налогоплательщиком налоговой декларации по налогу на доходы физических лиц в налоговые органы для получения имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, когда налоговым органом подтверждено, но в дальнейшем опровергнуто наличие у налогоплательщика права на такой вычет.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы и обязанность которого составляют признание, соблюдение и защита прав и свобод, обеспечиваемых правосудием на основе равенства всех перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон судопроизводства (статьи 1, 2 и 18; статья 19, часть 1; статья 45; статья 46, часть 1; статья 123, часть 3), чем обусловлены особые требования к качеству законов, опосредующих отношения граждан с публичной властью, в частности предусматривающих меры юридической ответственности за правонарушения. Обязывая каждого платить законно установленные налоги и сборы, а органы государственной власти и местного самоуправления – поощрять жилищное строительство, Конституция Российской Федерации позволяет законодателю, действуя в рамках своей дискреции с учетом принципов правового и социального государства, вводить нормативно-правовое регулирование в сфере налогов и сборов, ориентированное на определенные цели, включая создание условий для реализации права на жилище путем предоставления налоговых вычетов, а также предусматривать ответственность, в том числе уголовную, за противоправные посягательства на собственность, сопряженные с недобросовестным или неправомерным осуществлением названного права, соблюдая пределы законодательного усмотрения, которые очерчены критериями справедливости и соразмерности вводимых мер конституционно значимым целям, конституционной обязанностью охранять достоинство личности, нравственность, здоровье, честь и доброе имя каждого (статья 7; статья 8, часть 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 40, часть 2; статья 54, часть 2; статьи 55 и 57; статья 71, пункты «з», «о»; статья 72, пункт «и» части 1; статья 75, часть 3; статья 114, пункт «б» части 1).

Поскольку регулирование налоговых правоотношений осуществляется с использованием юридических средств межотраслевого характера и основано на властном методе,

предполагающем подчинение налогоплательщика требованиям государства, его органов и должностных лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П, от 24 марта 2017 года № 9-П, от 6 июня 2019 года № 22-П и др.), установление преступности и наказуемости посягательств на собственность, сопряженных с предоставлением налогового вычета при реализации права на жилище, и привлечение к ответственности конкретных лиц невозможны без учета нормативных положений, определяющих основания и порядок предоставления налогового вычета, полномочия органов и должностных лиц, которые разрешают вопрос о возможности применения этого механизма государственной поддержки граждан при улучшении ими жилищных условий.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности. В силу этого любое преступление, а равно наказание за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы – при необходимости с помощью толкования, данного ей судами, – каждый мог предвидеть уголовно-правовые последствия своих действий или бездействия (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П и др.). Закрепление в уголовном законе составов преступлений против собственности должно проводиться с соблюдением принципов вины, равенства, справедливости и правовой определенности, с тем чтобы содержание уголовно-правовых запретов одинаково воспринималось в правоприменительной практике и было доступно для понимания участникам общественных отношений, а сами запреты служили эффективной защите права собственности (Определение от 11 апреля 2019 года № 862-О).

Следовательно, уголовная ответственность за правонарушения, посягающие на собственность и сопряженные с предоставлением налогового вычета при реализации права на жилище, может считаться законно установленной и отвечающей требованиям статей 19, 54 и 55 Конституции Российской Федерации лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления, признаки которого, отграничивающие его от иных противоправных – и тем более от законных – деяний, ясно и четко определены уголовным законом, встроенным в общую систему правового регулирования, включая положения об основаниях и порядке предоставления налогового вычета.

2.1. Статья 159 УК Российской Федерации определяет мошенничество как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. При этом под хищением, согласно пункту 1 примечаний к статье 158 данного Кодекса, понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Нет оснований полагать, что приведенные нормы содержат неопределенность в части признаков преступления (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 года № 422-О-О, от 17 июня 2013 года № 1021-О, от 20 марта 2014 года № 588-О и от 23 декабря 2014 года № 2859-О). Закрепленные в них общие признаки мошенничества и предусмотренные в частях второй – четвертой статьи 159 УК Российской Федерации квалифицирующие его признаки подлежат установлению во взаимосвязи с положениями Общей части данного Кодекса, в том числе о принципе и формах вины, об основании уголовной ответственности, о неоконченном преступлении (статьи 5, 8, 24, 25 и 30) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 78-О, от 19 декабря 2017 года № 2861-О и от 27 марта 2018 года № 834-О).

Уголовно-правовая охрана собственности осуществляется, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, лишь от тех деяний, которые содержат признаки соответствующего состава преступления, в частности предусмотренного статьей 159 УК Российской Федерации (определения от 28 июня 2018 года № 1453-О, от 27 сентября 2018 года № 2166-О и от 28 февраля 2019 года № 553-О), а действующее правовое регулирование не предполагает наступления уголовной ответственности за правомерное поведение (определения от 20 декабря 2016 года № 2774-О и от 27 сентября 2018 года № 2194-О).

Сама же по себе статья 159 УК Российской Федерации не содержит положений, определяющих специфические признаки мошенничества как хищения, сопряженного с предоставлением имущественного налогового вычета при реализации права на жилище, и потому установление объективных и субъективных признаков этого преступления, ограничение законных действий, обусловленных реализацией права на такой вычет, от общественно опасного поведения требуют обращения к нормам, предусматривающим данное право, основания и порядок предоставления налогового вычета.

3. В развитие предписаний статьи 40 (часть 2) Конституции Российской Федерации и в целях стимулирования граждан к улучшению жилищных условий законодатель закрепил в статье 220 Налогового кодекса Российской Федерации право налогоплательщиков, израсходовавших собственные денежные средства на новое строительство либо приобретение на территории России жилого дома, квартиры, комнаты или доли (долей) в них, получить имущественный налоговый вычет в размере фактически понесенных и документально подтвержденных расходов, связанных с приобретением соответствующего жилого помещения (подпункт 3 пункта 1 и пункт 6), установил особенности предоставления вычета, его предельный размер и порядок исчисления фактических расходов (подпункты 1, 3 и 4 пункта 3), определил перечень документов, представляемых в налоговый орган для подтверждения права на вычет (подпункты 6 и 7 пункта 3), обстоятельства, при которых вычет не предоставляется (пункты 5 и 11), а также порядок его предоставления (пункты 7–10).

Налогоплательщик представляет в налоговый орган указанные в названной статье документы, подтверждающие возникновение права на вычет и произведенные им расходы, налоговую декларацию, на основе которых налоговый орган принимает решение о наличии или отсутствии у налогоплательщика такого права. Учитывая, что сам факт строительства либо приобретения лицом жилого дома, квартиры, комнаты или доли (долей) в них служит одним из законных оснований для предоставления – при соблюдении установленных условий – налогового вычета и дает ему повод предположить наличие права на вычет, обращение в налоговый орган этого лица за подтверждением такого права само по себе не только не противоречит Налоговому кодексу Российской Федерации, но и выступает закрепленной законом формой реализации налогоплательщиком своих правомочий.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (статья 33), защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2). Данные конституционные нормы требуют, чтобы гражданин рассматривался не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, могущий защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, предполагают не только право подать в соответствующий государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и право получить на это обращение адекватный ответ (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 26 мая 2011 года № 619-О-О, от 29 марта 2016 года № 551-О, от 30 января 2020 года № 16-О и др.). Следовательно, не противоречат Налоговому кодексу Российской Федерации и не могут рассматриваться в качестве правонарушений неоднократные обращения лица, построившего либо

приобретшего жилой дом, квартиру, комнату или долю (доли) в них и предполагающего наличие у него права на налоговый вычет, в налоговый орган по вопросу о таком праве.

3.1. Конституционный Суд Российской Федерации уже обращал внимание на то, что не исключены как добросовестное заблуждение налогоплательщика относительно законности основания для получения имущественного налогового вычета (Постановление от 24 марта 2017 года № 9-П), так и ошибки в расчетах, в том числе вследствие незнания налогового закона, при самостоятельном, т.е. без участия налогового органа, исчислении подлежащей уплате суммы налога (Постановление от 31 октября 2019 года № 32-П и Определение от 21 июня 2001 года № 173-О). В связи с этим обращение приобретателя жилого помещения в налоговый орган и представление им документов, чтобы подтвердить наличие у него права на вычет, служат предпосылкой для выполнения налоговым органом своей обязанности по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах, для оценки представленных документов в ходе камеральной налоговой проверки (подпункт 2 пункта 1 статьи 32, статьи 80 и 88 Налогового кодекса Российской Федерации).

Камеральная налоговая проверка является формой текущего документального контроля за соблюдением налогового законодательства, проводится на основе налоговых деклараций (расчетов) и документов, представленных налогоплательщиком, а также других имеющихся у налогового органа документов и, по смыслу пункта 1 статьи 88 Налогового кодекса Российской Федерации, нацелена на своевременное выявление ошибок в налоговой отчетности и оперативное реагирование налоговых органов на обнаруженные нарушения, что позволяет смягчить для налогоплательщиков последствия от неправильного применения ими налогового закона (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года № 571-О). Если такой проверкой выявлены ошибки в налоговой декларации (расчете), противоречия между сведениями, содержащимися в представленных документах, несоответствие сведений, представленных налогоплательщиком, сведениям, содержащимся в документах, имеющихся у налогового органа, и полученным им в ходе налогового контроля, об этом сообщается налогоплательщику с требованием представить в течение пяти дней необходимые пояснения или внести надлежащие исправления в установленный срок (пункт 3 статьи 88 данного Кодекса).

Согласно письму Федеральной налоговой службы от 22 августа 2014 года № АС-4-15/16675 «О представлении имущественного вычета участникам в накопительной ипотечной системе жилищного обеспечения» если по результатам камеральной налоговой проверки установлено, что расходы на строительство или приобретение жилого дома, квартиры, комнаты или доли (долей) в них для налогоплательщика произведены за счет выплат из средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, то имущественный налоговый вычет, предусмотренный подпунктами 3 и 4 пункта 1 статьи 220 Налогового кодекса Российской Федерации, не предоставляется; вычет, предоставляемый участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, может быть применен к общей сумме расходов на приобретение жилья, уменьшенных на сумму денежных средств, полученных на приобретение этого жилья из средств федерального бюджета в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих». Данным письмом также предписано управлениям Федеральной налоговой службы по субъектам Российской Федерации провести дополнительный анализ материалов камеральных налоговых проверок налоговых деклараций по налогу на доходы физических лиц по предоставлению вычета участникам накопительно-ипотечной системы.

Тем самым фактически признано, что не только налогоплательщики, но и налоговые органы могут ошибочно оценить наличие у налогоплательщика права на соответствующий налоговый вычет. Такое ошибочное разрешение налоговым органом вопроса об этом праве, основанное в том числе на выборе одного из нескольких вариантов толкования норм

налогового законодательства, само по себе не говорит об обмане должностных лиц налогового органа или о злоупотреблении доверием при обращении к ним за разрешением данного вопроса, притом что налогоплательщик представил в налоговый орган документы, не содержащие признаков подделки или подлога, либо не совершил других намеренных действий, специально направленных на создание условий для принятия должностными лицами неверного решения. Неоднократность обращений при указанных обстоятельствах также не свидетельствует как таковая ни об обмане должностных лиц налогового органа, ни о злоупотреблении их доверием.

3.2. Следовательно, предусмотренное налоговым законодательством действие в виде обращения в налоговый орган налогоплательщика, представившего достоверные сведения в документах, на основе которых заполнена налоговая декларация, не может расцениваться в качестве элемента состава преступления (хищения), если не будет установлено, что при этом налогоплательщиком предприняты целенаправленные действия к тому, чтобы сформировать условия для принятия налоговым органом ошибочного решения (в частности, имел место сговор с сотрудником налогового органа в целях хищения), поскольку предоставление необоснованного налогового вычета должно быть в такой ситуации – согласно требованиям налогового законодательства и в силу наличия оснований ожидать надлежащего исполнения налоговым органом своих обязанностей – исключено действиями сотрудников этого органа, которыми по итогам камеральной налоговой проверки принимается решение о праве на налоговый вычет и его действительном размере.

В противном случае оценка поведения налогоплательщика как запрещенного уголовным законом или, напротив, как разрешенного налоговым законодательством, по существу, ставилась бы в зависимость от того, какое решение будет принято сотрудниками налогового органа, что вело бы к произвольному применению статьи 159 УК Российской Федерации во взаимосвязи с положениями, определяющими основания, порядок и условия предоставления налогового вычета, к нарушению уголовно-правовых принципов законности, вины и справедливости (статьи 3, 5 и 6 данного Кодекса). Более того, поскольку уголовный закон допускает ответственность и за неоконченное преступление (статьи 29 и 30 данного Кодекса), означенное может вести даже к тому, что любое обращение лица, не имеющего права на вычет, в налоговый орган за разрешением вопроса о наличии или отсутствии у него такого права будет подпадать под признаки приготовления к мошенничеству или покушения на это деяние, а ошибка налогового органа, хотя и не обусловленная поведением налогоплательщика, но послужившая основанием для предоставления налогового вычета, будет трансформировать его действия в оконченное преступление.

Соответственно, не содержит объективных признаков преступления, предусмотренного статьей 159 УК Российской Федерации, обращение лица, приобретшего жилой дом, квартиру, комнату или долю (доли) в них, в налоговый орган для подтверждения его права на вычет, если такое обращение повлекло ошибочное признание этого права налоговым органом или ошибочное установление его размера по результатам камеральной налоговой проверки, проведенной по документам, необходимым для разрешения данного вопроса и достаточным для его правильного разрешения, тем более когда эти документы не содержат признаков подделки или подлога либо их представление не сопряжено с совершением других намеренных действий, специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом ошибочного решения, и когда на их основании при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа могло бы быть принято решение об отказе в предоставлении налогового вычета. Само по себе такое обращение, хотя и может быть необоснованным, – например, если налогоплательщик ошибается в оценке наличия права на вычет и (или) полагается на компетентность сотрудников налогового органа, чтобы подачей обращения разрешить вопрос о наличии или отсутствии права на налоговый вычет, – не свидетельствует об умысле на совершение мошенничества.

4. Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны соотноситься с требованием адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств. Уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализованного деяния (постановления от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

Само по себе даже необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на имущественный налоговый вычет в связи с приобретением жилого помещения не может считаться представляющим достаточную для криминализации общественную опасность, поскольку предоставление вычета должно быть в такой ситуации исключено действиями сотрудников налогового органа, которыми принимается решение – по результатам камеральной налоговой проверки – о действительном размере налоговой обязанности лица за конкретный налоговый период. Тем более что Налоговый кодекс Российской Федерации предполагает возможность отмены или изменения решений нижестоящих налоговых органов в случае их несоответствия законодательству о налогах и сборах вышестоящим налоговым органом (пункт 3 статьи 31), что имеет целью восстановление в административном порядке законности, нарушенной неправомерным актом нижестоящего органа, по инициативе самого вышестоящего налогового органа, осуществляющего текущий контроль за деятельностью нижестоящих органов (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2010 года № 595-О-О); размер налоговых обязательств налогоплательщика также может быть пересмотрен в рамках выездной налоговой проверки с вынесением нового решения (статьи 89 и 101). Достаточны для минимизации потенциального вреда и правовые механизмы, закрепленные в налоговом и гражданском законодательстве, которым дана оценка в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2017 года № 9-П. Привлечение же лица к уголовной ответственности за невинные (в уголовно-правовом смысле) действия нарушает принципы законности, вины и справедливости.

Таким образом, часть третья статьи 159 УК Российской Федерации не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на получение имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, в случае когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто у него право на такой вычет, если он представил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать часть третья статьи 159 УК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому

смыслу в системе действующего правового регулирования она не предполагает возложения уголовной ответственности за необоснованное обращение налогоплательщика в налоговый орган с целью реализации права на получение имущественного налогового вычета в связи с приобретением им жилого помещения, в случае когда налоговым органом подтверждено, а в дальнейшем опровергнуто у него право на такой вычет, если налогоплательщик представил в налоговый орган предусмотренные законодательством документы, не содержащие признаков подделки или подлога, достаточные при обычной внимательности и осмотрительности сотрудников налогового органа для отказа в предоставлении соответствующего налогового вычета, и не совершил каких-либо других действий (бездействия), специально направленных на создание условий для принятия налоговым органом неверного решения в пользу налогоплательщика.

2. Конституционно-правовой смысл части третьей статьи 159 УК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении применительно к уголовной ответственности за деяния, сопряженные с обращением в налоговый орган для получения имущественного налогового вычета в связи с приобретением жилого помещения, является общеобязательным, что исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу гражданина Литвинова Михаила Анатольевича, основанные на части третьей статьи 159 УК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с ее конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Конституционный Суд
Российской Федерации*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 16 июля 2020 г. № 37-П

по делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 АПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ООО «Александра» и гражданина К.В. Бударина. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М. Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. Согласно положениям главы 6 «Представительство в арбитражном суде» АПК Российской Федерации (в действующей редакции, введенной Федеральным законом от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ):

представителями граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и организаций могут выступать в арбитражном суде адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности; требования, предъявляемые к представителям, не распространяются на патентных поверенных по спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, арбитражных управляющих при исполнении возложенных на них обязанностей в деле о банкротстве, а также иных лиц, указанных в федеральном законе (часть 3 статьи 59);

иные (помимо руководителей организаций, законных представителей и адвокатов) оказывающие юридическую помощь лица представляют суду документы о высшем юри-

дическом образовании или об ученой степени по юридической специальности, а также документы, удостоверяющие их полномочия; полномочия на ведение дела в арбитражном суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с федеральным законом, а в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом, в ином документе; полномочия представителя также могут быть выражены в заявлении представляемого, сделанном в судебном заседании, на что указывается в протоколе судебного заседания (часть 4 статьи 61);

в случае непредставления лицом, участвующим в деле, его представителем необходимых документов в подтверждение полномочий или представления документов, не соответствующих требованиям, установленным данным Кодексом и другими федеральными законами, а также в случае нарушения правил о представительстве, установленных статьями 59 и 60 данного Кодекса, арбитражный суд отказывает в признании полномочий соответствующего лица на участие в деле, на что указывается в протоколе судебного заседания (часть 4 статьи 63).

1.1. При рассмотрении кассационной жалобы ООО «Александра» на судебные акты арбитражных судов первой и апелляционной инстанций по делу об оспаривании решения налогового органа Арбитражный суд Дальневосточного округа отказал в удовлетворении ходатайства общества о допуске гражданина К.В. Бударина – одного из учредителей общества и его исполнительного директора – к участию в судебном заседании в качестве представителя общества, поскольку тот не являлся лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа и потому обладающим полномочиями на представительство в силу своего статуса, и не подтвердил наличие высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности. При этом требование об их наличии было адресовано К.В. Бударину несмотря на то, что интересы ООО «Александра» в суде кассационной инстанции защищали два представителя по доверенности, удовлетворяющие данному квалификационному требованию.

По мнению ООО «Александра» и К.В. Бударина, часть 3 статьи 59, часть 4 статьи 61 и часть 4 статьи 63 АПК Российской Федерации противоречат статьям 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 7 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 21, 37 (часть 1), 54 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку не позволяют участнику (учредителю) общества с ограниченной ответственностью, являющемуся его исполнительным директором, глубоко осведомленному о специфике его предпринимательской деятельности и до того успешно выступавшему представителем в спорах с участием общества, представлять интересы общества в арбитражном суде на основании доверенности в случае отсутствия у такого лица юридического образования.

1.2. В силу пункта 3 части первой статьи 3, статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» жалоба на нарушение конституционных прав и свобод законом допустима, если закон затрагивает конституционные права и свободы заявителя и применен в конкретном деле с его участием, рассмотрение которого завершено в суде. Конкретным же, по смыслу данного Федерального конституционного закона, является то дело, в котором суд в надлежащей юрисдикционной процедуре разрешает затрагивающий права и свободы заявителя вопрос на основе норм соответствующего закона, устанавливает или исследует фактические обстоятельства (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 года № 77-О, от 19 июля 2016 года № 1704-О и др.).

К.В. Бударин непосредственно не был лицом, участвующим в деле о правах и обязанностях ООО «Александра». Однако, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 24 октября 1996 года № 17-П, граждане и созданные ими объединения вправе обратиться с конституционной жалобой на нарушение прав, в частности самого объединения, в тех случаях, когда его деятельность связана с реализацией

конституционных прав граждан, являющихся его членами (участниками, учредителями). Это обусловлено тем, что хозяйственные товарищества и общества являются юридическими лицами, которые созданы гражданами для реализации права свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть 1, Конституции Российской Федерации). Учитывая, что в указанном деле речь шла о наделении процессуальными полномочиями представителя именно К.В. Бударина и именно в отношении хозяйственного общества, учредителем которого он стал, К.В. Бударин может быть признан надлежащим заявителем наряду с самим этим обществом.

1.3. Согласно частям первой и второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение, основываясь на исследованных материалах и оценивая как буквальный смысл рассматриваемого закона, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой. Соответственно, Конституционный Суд Российской Федерации при принятии решения обязан учитывать обстоятельства конкретного дела, которые в данной ситуации свидетельствуют о практике недопуска лица к осуществлению полномочий представителя, если о том ходатайствует организация – сторона арбитражного судопроизводства ввиду вовлеченности этого лица, обладающего статусом ее учредителя (участника) или работника, в ее деятельность, даже несмотря на то что она уже имеет в процессе профессиональных представительств, удовлетворяющих предъявляемым к ним квалификационным требованиям.

Таким образом, часть 3 статьи 59, часть 4 статьи 61 и часть 4 статьи 63 АПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой они служат основанием для ограничения права организации на представительство ее интересов в арбитражном суде связанным с ней лицом, не имеющим высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, в частности ее учредителем (участником) или работником, в случаях, когда ее интересы в том же процессе одновременно представляет адвокат или иное оказывающее юридическую помощь лицо, имеющее такое образование либо такую степень.

2. Конституция Российской Федерации наделяет каждого правом защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), в том числе прибегнув к судебной защите, которая также гарантируется каждому (статья 46, часть 1) и право на которую относится к основным неотчуждаемым правам человека и гражданина, распространяется равным образом на организации и выступает гарантией всех других принадлежащих им прав и свобод (статья 17, части 1 и 2; статья 18). Реализации права на судебную защиту служит и институт судебного представительства, обеспечивающий заинтересованному лицу получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Названный институт прямо связан с таким элементом права на судебную защиту, как право на доступ к суду, которое, по смыслу правовой позиции, нашедшей отражение в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2011 года № 17-П, предполагает необходимость равного предоставления сторонам спора реальной возможности довести до сведения суда свою позицию относительно всех аспектов дела. Судебное представительство приобретает особую значимость в обеспечении доступности правосудия для тех субъектов права, которые в отличие от граждан по своей природе не могут лично участвовать в судопроизводстве, и в первую очередь для организаций.

Согласно неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции, осуществляя нормативное регулирование, затрагивающее право на доступ к правосудию, законодатель располагает определенной свободой усмотрения,

которая, однако, не абсолютна и не освобождает его от обязанностей не допускать ограничений данного права и соблюдать вытекающее из Конституции Российской Федерации требование разумной соразмерности между используемыми средствами и поставленной целью (постановления от 6 апреля 2006 года № 3-П, от 19 апреля 2010 года № 8-П, от 1 марта 2012 года № 5-П, от 20 мая 2014 года № 16-П, от 11 ноября 2014 года № 28-П и др.). Учитывая двойственную природу судебного представительства, служащего одновременно средством реализации права на судебную защиту и одним из проявлений права на получение квалифицированной юридической помощи, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что право на судебную защиту не предполагает выбора по своему усмотрению любых ее способов и процедур, а право вести свои дела в суде через самостоятельно избранного представителя не означает возможности участия в судопроизводстве любого лица в качестве представителя. Законодатель полномочен установить критерии квалифицированной юридической помощи и обусловленные ими особенности допуска тех или иных лиц в качестве защитников или представителей в конкретных видах судопроизводства, но при этом должен обеспечивать баланс публичных интересов и законных интересов лица при выборе представителя, не допуская несоразмерного ограничения как права на судебную защиту, так и права на юридическую помощь (постановления от 28 января 1997 года № 2-П и от 16 июля 2004 года № 15-П).

Исходя из приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и особого места, которое право иметь представителя в суде занимает в системе конституционно защищаемых ценностей, реализация отмеченных дискреционных полномочий в сфере нормативного регулирования института судебного представительства требует от законодателя учитывать особенности конкретного вида судопроизводства, а равно правовую природу представляемого лица (гражданина, организации, публичного образования).

2.1. Конституция Российской Федерации гарантирует свободу экономической деятельности, признание и защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 8; статья 34, часть 1; статья 35). На этих конституционных предписаниях основаны положения Гражданского кодекса Российской Федерации о равенстве участников гражданских правоотношений, о свободном установлении ими своих прав и обязанностей на основе договора, о недопустимости произвольного вмешательства в частные дела (пункты 1 и 2 статьи 1, пункт 1 статьи 2 и пункт 1 статьи 9).

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, природой гарантируемых Конституцией Российской Федерации гражданских прав, материальных по своей сути, обусловлено диспозитивное начало гражданского судопроизводства, находящее выражение в законодательстве при конкретизации таких общих принципов, как состязательность и равноправие сторон, и, наряду с другими принципами, отражающее цели правосудия по гражданским делам – прежде всего конституционную цель защиты прав и свобод человека и гражданина (статья 2; статья 17, часть 1; статья 18; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации). Диспозитивность в гражданском судопроизводстве означает, что процессуальные отношения возникают, изменяются и прекращаются, главным образом, по инициативе непосредственных участников спорного материального правоотношения, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться своими процессуальными правами, а также спорным материальным правом (Постановление от 14 февраля 2002 года № 4-П).

Соответственно, обладающее тождественным содержанием диспозитивное начало, присущее производству в арбитражных судах (как судопроизводству преимущественно гражданскому), предопределено природой тех материальных правоотношений, связанных

с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, споры из которых относятся к компетенции арбитражных судов (глава 4 АПК Российской Федерации). Принцип диспозитивности в совокупности с другими принципами арбитражного процесса, в том числе равенством всех перед законом и судом, состязательностью и равноправием сторон, в наибольшей степени способствует выполнению задач правосудия по делам, подсудным арбитражным судам (статья 2 АПК Российской Федерации), и выступает системообразующим элементом арбитражной процессуальной формы. В таком качестве данный принцип распространяется и на процессуальные отношения, возникающие в связи с выбором лицами, участвующими в деле, представителей для отстаивания своих интересов в арбитражном суде и с допуском выбранных представителей к участию в судебном заседании.

Учитывая особенности производства в арбитражных судах, обусловленные спецификой дел, отнесенных к их компетенции, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2004 года № 15-П пришел к выводу, что отступление от принципа диспозитивности при выборе представителя в арбитражном процессе возможно, лишь если ограничения, установленные законодателем, продиктованы конституционно значимыми целями (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Этот вывод – по смыслу выраженных в данном Постановлении правовых позиций – в равной мере распространяется как на дела искового производства, так и на дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

2.2. Порожденные отраслевой природой материально-правовых требований особенности процессуального порядка их разрешения принимаются во внимание законодателем и при регулировании института представительства в иных видах судопроизводства – административном и гражданском.

В соответствии с частью 1 статьи 55 КАС Российской Федерации представителями в суде по административным делам могут быть адвокаты и иные лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности. Требование о наличии у представителя высшего юридического образования входило в содержание приведенной нормы с момента вступления данного Кодекса в силу 15 сентября 2015 года и неоднократно становилось предметом обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, который в ряде определений указал на согласованность такого требования со статьей 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации, отметив в качестве дополнительной гарантии защиты прав граждан в административном судопроизводстве предоставленную им возможность вести свои административные дела в суде лично (определения от 29 марта 2016 года № 680-О, от 23 июня 2016 года № 1405-О, от 24 ноября 2016 года № 2556-О, от 28 февраля 2017 года № 245-О, от 28 сентября 2017 года № 1843-О и от 28 ноября 2019 года № 2993-О). Касаясь еще более жесткого варианта регламентации доступа к суду в сфере административно-судебного нормоконтроля, где само право гражданина вести свое дело лично ограничено требованием иметь высшее юридическое образование, Конституционный Суд Российской Федерации указывал и на его допустимость, что обусловлено как сущностью нормоконтроля (нормативный правовой акт оспаривается гражданином фактически в абстрактном порядке, при этом затрагиваются интересы всех лиц, которые попадают в сферу регулирования данного акта), так и доступностью гражданам другого, не связанного с оспариванием нормативных правовых актов, способа защиты своих прав, а именно оспаривания в судебном порядке решений, действий или бездействия соответствующих органов и должностных лиц, реализуемого уже на основе общих правил о доступе к суду – лично гражданином, не обладающим специальным образованием, либо при помощи представителя-профессионала (определения от 10 марта 2016 года № 444-О, № 445-О, № 446-О и № 447-О, от 27 сентября 2016 года № 1781-О и № 1782-О).

Однако такие подходы, будучи продиктованы спецификой административного судопроизводства с участием граждан по конкретным делам, предметом которых были публичные отношения, не связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, не могут быть автоматически распространены на любые дела с участием организаций в арбитражном процессе.

С принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ изменения претерпели и положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о представительстве. Данный Кодекс в действующей редакции позволяет представителям, не имеющим высшего юридического образования, осуществлять свои полномочия при рассмотрении дел мировыми судьями и районными судами, к подсудности которых отнесено подавляющее большинство дел (статьи 23 и 24), а требование о профессиональном представительстве задействуется при рассмотрении дела судом субъекта Российской Федерации (краевым, областным и равным по уровню) и вышестоящими судами (часть вторая статьи 49).

Как можно видеть, применительно к разным видам судопроизводства институт процессуального представительства урегулирован законодателем не единообразно, что направлено на учет особенностей спорных материальных правоотношений и само по себе не выходит за пределы его допустимой дискреции. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что конституционный принцип равенства, предполагая равный подход к формально равным субъектам, не означает предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимости их учета законодателем (определения от 15 апреля 2008 года № 263-О-О, от 29 мая 2014 года № 996-О, от 28 сентября 2017 года № 1966-О и др.).

2.3. Как было отмечено, регламентируя институт судебного представительства, законодатель должен иметь в виду не только вид судопроизводства, но и правовую специфику представляемого лица.

В отличие от граждан организации по своей природе не могут непосредственно участвовать в судопроизводстве, а потому отсутствие у организации возможности иметь представителя для реализации своих прав как участника арбитражного процесса лишало бы ее самого права на судебную защиту на основе закрепленных в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов состязательности и равноправия сторон.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает, что дела организаций ведут в арбитражном суде их органы, действующие в соответствии с федеральным законом, иным нормативным правовым актом или учредительными документами организаций, включая руководителя (единоличный исполнительный орган), а также адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности (части 3 и 4 статьи 59 и статья 61). При этом квалификационное требование в виде наличия такого образования либо такой степени к лицам, уполномоченным в силу закона, иного правового акта или учредительного документа выступать от имени организации, не предъявляется, что составляет дополнительную гарантию доступности судебной защиты. Кроме того, названное требование не распространяется на патентных поверенных по спорам, связанным с правовой охраной результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, и арбитражных управляющих при исполнении возложенных на них обязанностей в деле о банкротстве (часть 3 статьи 59 данного Кодекса).

Сходного регулирования – в отношении представительства организаций их руководителями (специально уполномоченными органами) – придерживаются все упомянутые процессуальные законы: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

3. Особенности арбитражного процесса как самостоятельного вида судопроизводства и организаций как субъектов права учитывались Конституционным Судом Российской Федерации при принятии Постановления от 16 июля 2004 года № 15-П, где рассматривался вопрос о конституционности части 5 статьи 59 АПК Российской Федерации (в редакции, сохранявшей силу с 2002 по 2005 год), согласно которой представителями организаций могли выступать в арбитражном суде по должности руководители организаций, действующие в пределах полномочий, предусмотренных федеральным законом, иным нормативным правовым актом, учредительными документами, или лица, состоящие в штате этих организаций, либо адвокаты. Данная норма признана не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 55 (часть 3) и 123 (часть 3), в той мере, в какой она во взаимосвязи с пунктом 4 статьи 2 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в системе правового регулирования исключала для выбранных организациями лиц, оказывающих юридическую помощь, возможность выступать в арбитражном суде в качестве представителей, если они не относились к числу адвокатов или лиц, состоящих в штате этих организаций.

Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что такое ограничение не продиктовано конституционно значимыми целями и не отвечает критерию, установленному статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку связывается законодателем лишь с организационно-правовой формой представляемого: будучи адресованным только организациям в арбитражном процессе, оно не распространено на граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, и не предусмотрено другими процессуальными регламентами применительно к другим видам судопроизводства. При этом Конституционный Суд Российской Федерации исходил также из того, что государство, позволяя в действующей на тот момент системе правового регулирования выступать в арбитражном суде в качестве представителей организаций штатным сотрудникам либо адвокатам, а в качестве представителей граждан – иным, помимо адвокатов, лицам, оказывающим юридическую помощь, тем самым, по существу, не предъявляет особых требований к качеству предоставляемой юридической помощи и, следовательно, не гарантирует ее надлежащий уровень, а потому не вправе возлагать на организации обязанность выбирать в качестве представителей только адвокатов или содержать юристов в штате. В то же время в названном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации лишь несколько ограничил адвокатскую монополию и не ставил под сомнение тот факт, что помощь в отстаивании интересов организации в арбитражном процессе, реализуемая усилиями представителя, должна иметь квалифицированный характер.

В соответствии с Федеральным законом от 31 марта 2005 года № 25-ФЗ, принятым во исполнение названного Постановления, в нормах Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о представительстве нашли закрепление правила, аналогичные установленным в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации, согласно которым к представительству допускались любые – за исключением прямо указанных в законе – лица, оказывающие юридическую помощь. Такая ситуация сохранялась до 1 октября 2019 года – даты вступления в силу Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ, которым введено оспариваемое заявителями по настоящему делу регулирование.

4. Наряду с историческим контекстом выявление конституционно-правового смысла нормы предполагает необходимость учета целей, преследуемых при ее принятии (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 года № 1-П).

Обстоятельства принятия Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ не дают оснований для вывода, что законодатель, изменяя законоположения о судебном представительстве интересов организаций в арбитражном процессе, намеревался кардинально поменять сложившийся баланс конституционно значимых ценностей, отдав безогово-

рочный приоритет институту оказания профессиональной юридической помощи в ущерб праву на судебную защиту (особенно такому его элементу, как право на доступ к суду). Основными целями принятия этого Федерального закона – что явствует, в частности, из пояснительной записки к соответствующему законопроекту – послужили цели повысить эффективность защиты прав граждан и организаций, качество правосудия, оптимизировать судебную нагрузку, достижение чего предполагает разумную профессионализацию арбитражного процесса, усиление гарантий получения квалифицированной юридической помощи и повышение ее качества.

Конституционно-правовое измерение целей, связанных с оптимизацией работы государственных, в том числе судебных, органов и самих по себе совершенно оправданных, раскрывалось ранее Конституционным Судом Российской Федерации, подчеркнувшим, что задачи одной лишь рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод (постановления от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 20 июля 2012 года № 20-П и др.). Касаясь такого средства улучшения работы судов, как процессуальная экономия, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 июля 2011 года № 17-П указал, что она не является самоцелью: в первую очередь процессуальная экономия призвана заложить основу для организационно наиболее быстрого и эффективного разрешения дел в судебной системе в целом, что обязывает к принятию законодательных решений в сфере процессуального регулирования с учетом статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а в части предоставления сторонам гарантий реальной судебной защиты их прав – и с учетом вытекающего из ее статьи 55 (часть 3) требования соразмерности возможного ограничения этих прав конституционно защищаемым ценностям, которая определяется, в частности, характером материальных правоотношений, составляющих предмет соответствующей категории дел; недопустимо снижение уровня процессуальных гарантий в целях процессуальной экономии.

5. Таким образом, оспариваемые положения главы 6 АПК Российской Федерации, изложенные в редакции Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ, направлены на поддержание баланса и обеспечение защиты как права, предусмотренного статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, так и права, предусмотренного ее статьей 48 (часть 1), и – по своему буквальному смыслу и в свете сохраняющих силу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, продекларированных законодателем при их принятии целей и предшествующего развития правового регулирования института судебного представительства – не предполагают возложения на заинтересованных лиц таких обременений при ведении дел в арбитражном суде через представителей, которые повлекли бы существенное умаление права на доступ к суду. Это означает, что часть 3 статьи 59, часть 4 статьи 61 и часть 4 статьи 63 АПК Российской Федерации лишь устанавливают минимальный стандарт обеспеченности участников арбитражного судопроизводства квалифицированной юридической помощью, предполагая необходимость того, чтобы в случае ведения лицом дела в арбитражном суде через представителей (за исключением лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа уполномочены выступать от имени организации) оно гарантированно бы имело профессионального представителя.

При этом указанные нормы не ограничивают право лиц, участвующих в деле, иметь нескольких представителей. Такая возможность – когда хотя бы один представитель в силу императивного указания закона должен иметь высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, а иные в силу обусловленной их статусом учредителей (участников) или трудовыми отношениями правовой связи между ними и организацией обладают практическими познаниями и могут довести до суда значимую информацию применительно к тем отношениям с участием данной организации,

спор из которых вынесен на разрешение арбитражного суда, – отвечает как цели реализации права на доступ к суду, так и целям достижения процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, поскольку позволяет сторонам разбирательства представить суду свои доводы максимально компетентно, наиболее полно раскрыть детали спорных материальных правоотношений.

Соответственно, требуя, чтобы при наличии у лица, участвующего в деле, нескольких представителей хотя бы один из них (за исключением лиц, осуществляющих представительство в силу закона, иного правового акта или учредительного документа организации) имел высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности, указанные нормы не накладывают тех же ограничений в части квалификационных требований на иных представителей данного лица. Это не расходится и с подходами, принятыми законодателем в иных отраслях права. Так, уголовно-процессуальный закон (где в силу особой конституционно-правовой ценности защищаемых прав критерии квалифицированной юридической помощи являются наиболее строгими) закрепляет возможность допуска по определению или постановлению суда в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, о допуске которого ходатайствует обвиняемый (часть вторая статьи 49 УПК Российской Федерации).

6. Такой исключительно формальный критерий, как наличие высшего юридического образования либо ученой степени в области права, а равно адвокатского статуса, не дает реальной гарантии оказания представителем эффективной помощи, поскольку многообразие споров, входящих в компетенцию арбитражных судов, сложность в регулировании отдельных правоотношений позволяют утверждать, что даже самый опытный адвокат не может быть достаточно компетентным во всяком арбитражном деле. Во многих случаях о необходимой квалификации для ведения дела может свидетельствовать наличие у лица, вовлеченного в деятельность представляемой организации, не столько юридического, сколько иного специального образования. Работники организации, осведомленные о специфике ее деятельности и являющиеся специалистами в прикладных сферах (таможенное, банковское, страховое дело, антикризисное управление, бухгалтерский учет и др.), зачастую могут оказать по соответствующим категориям споров не менее компетентную помощь.

Кроме того, отсутствие возможности привлечь в качестве представителей (наряду с адвокатами и другими лицами, имеющими высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности) тех лиц, которые связаны с организацией и в силу корпоративного участия, имущественных, трудовых отношений способны оказывать влияние на ее деятельность, вело бы к несоразмерному ограничению права участвующей в деле организации довести до суда свою позицию в тех случаях, когда организация заинтересована в представлении суду их объяснений, поскольку привлечение к участию в деле этих лиц в ином процессуальном статусе (предполагающем независимое содействие правосудию – в качестве свидетеля, специалиста) невозможно либо затруднительно, принимая во внимание наличие у них обусловленной такой связью прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела.

В деле с участием заявителей ООО «Александра» добивалось наделения К.В. Бударина, не имеющего высшего юридического образования, статусом представителя учрежденного им общества, исполнительным директором которого он являлся, в налоговом споре по причине его глубокой вовлеченности в деятельность общества (его объяснения могли бы содержать ценную для суда информацию), обоснованно полагая, что рассмотрение налоговых споров связано с разрешением не только сугубо правовых вопросов, но и вопросов правильности ведения бухгалтерского и налогового учета и отчетности и что такой вид деятельности осуществляют бухгалтеры, аудиторы и в целом лица, имеющие финансовое

и экономическое образование. Сфера налогообложения, будучи специфической отраслью общественных отношений, требует специальных знаний и квалификации (не только в области юриспруденции) для результативной защиты прав налогоплательщика – юридического лица, а потому в практике разрешения налоговых споров востребована возможность совместного представительства интересов налогоплательщика с участием одновременно профессионального юриста и профильного работника организации (исполнительного директора, главного бухгалтера, бухгалтера), обладающего финансовым или экономическим образованием и сведущего в тех аспектах ее деятельности, которые подлежат судебному исследованию. Это способствует достижению конституционно значимых целей полноты, эффективности и своевременности судебной защиты.

Тем самым участие К.В. Бударина в заседании суда в качестве представителя ООО «Александра» (притом что, будучи аффилированным лицом по отношению к данному обществу, он не мог участвовать в процессе в ином качестве) само по себе даже предположительно не могло бы повлечь умаления гарантий состязательности и равноправия сторон, а также снижения качества их процессуальных действий и в конечном итоге – качества отправления правосудия, имея в виду, что интересы организации защищали в суде два профессиональных представителя. Следовательно, заявители по настоящему делу столкнулись с неоправданным и непропорциональным ограничением права на доступ к суду, а значит, и на судебную защиту.

7. Таким образом, часть 3 статьи 59, часть 4 статьи 61 и часть 4 статьи 63 АПК Российской Федерации – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не предполагают ограничения права организации поручать ведение дела от имени этой организации в арбитражном процессе связанному с ней лицу, в частности ее учредителю (участнику) или работнику, не имеющему высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, за исключением лиц, которые не могут быть представителями в силу прямого указания закона (статья 60 данного Кодекса), при условии что интересы этой организации в арбитражном суде одновременно представляют также адвокаты или иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие такое образование либо такую степень.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать часть 3 статьи 59, часть 4 статьи 61 и часть 4 статьи 63 АПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не предполагают ограничения права организации поручать ведение дела от имени этой организации в арбитражном процессе связанному с ней лицу, в частности ее учредителю (участнику) или работнику, не имеющему высшего юридического образования либо ученой степени по юридической специальности, однако обладающему, по мнению представляемой организации, необходимыми знаниями и компетенцией в области общественных отношений, спор из которых подлежит разрешению арбитражным судом, за исключением лиц, которые не могут быть представителями в силу прямого указания закона (статья 60 данного Кодекса), при условии что интересы этой организации по соответствующему делу в арбитражном суде одновременно представляют также адвокаты или иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

2. Правовременительные решения, вынесенные в отношении общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина Бударина Константина Вадимовича

на основании части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 АПК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, если для этого нет других препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Конституционный Суд
Российской Федерации*

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 9 июля 2020 г. № 34-П

по делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части второй статьи 313 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба администрации муниципального образования город Мурманск. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И. Бойцова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. Администрация муниципального образования город Мурманск, наделенного статусом городского округа, оспаривает конституционность части второй статьи 313 УПК Российской Федерации, согласно которой при наличии у осужденного имущества или жилища, остающихся без присмотра, суд одновременно с вынесением приговора выносит определение или постановление о принятии мер по их охране.

Постановлением Первомайского районного суда города Мурманска от 2 июля 2018 года было удовлетворено ходатайство осужденного приговором этого же суда к лишению свободы гражданина С. о принятии мер по охране принадлежащего ему на праве собственности жилого помещения на период отбывания им наказания, обязанность по охране данного жилого помещения возложена на администрацию муниципального образования город Мурманск.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Мурманского областного суда от 22 августа 2018 года резолютивная часть названного постановления рай-

онного суда была изменена, установлен запрет на проживание любых лиц в указанном жилом помещении, на владение, пользование и распоряжение этим помещением, в том числе на его продажу, сдачу внаем и на осуществление иных сделок с данным помещением без согласия собственника; на регистрацию каких-либо лиц в нем без согласия собственника; на администрацию муниципального образования город Мурманск возложена обязанность по опечатаванию жилого помещения и его передаче под присмотр службы жилищно-коммунального хозяйства. Суд апелляционной инстанции также определил направить копии этого определения осужденному С. и в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Мурманской области, государственное областное бюджетное учреждение «МФЦ Мурманской области» и в администрацию муниципального образования город Мурманск для его исполнения.

Администрация муниципального образования город Мурманск обратилась в Мурманский областной суд с заявлением о разъяснении порядка исполнения данных судебных решений, поскольку, по ее мнению, в них не содержалось указаний на то, какой службе жилищно-коммунального хозяйства должно быть передано под присмотр названное жилое помещение. К этому заявлению был также приложен акт комиссии (образованной территориальным структурным подразделением администрации муниципального образования город Мурманск), во исполнение постановления Первомайского районного суда города Мурманска от 2 июля 2018 года составленный в присутствии представителей органа внутренних дел и управляющей компании, а также собственника соседнего жилого помещения. Данным актом было зафиксировано, что квартира, принадлежащая С., опечатана, а представитель управляющей компании отказался принять указанное помещение под присмотр. Судья Мурманского областного суда, с которым согласилась судебная коллегия по уголовным делам этого же суда, не усмотрев каких-либо сомнений и неясностей, препятствующих исполнению этого постановления районного суда, принял решение об отказе в принятии заявления местной администрации (постановление от 10 октября 2018 года, апелляционное определение от 22 ноября 2018 года). При этом доводы заявителя об отсутствии в структуре администрации муниципального образования город Мурманск службы жилищно-коммунального хозяйства были отклонены судом, в частности, со ссылкой на то, что решение вопросов жилищно-коммунального хозяйства, согласно муниципальному правовому акту (в редакции, действовавшей на момент рассмотрения вопроса о принятии мер по охране жилого помещения), возложено на комитет по жилищной политике администрации муниципального образования город Мурманск.

В передаче кассационных жалоб на указанные судебные решения для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции заявителю было отказано (постановления судей Мурманского областного суда от 19 ноября 2018 года и от 26 декабря 2018 года, постановления судей Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2018 года и от 7 февраля 2019 года). Не нашли оснований для передачи данных жалоб на рассмотрение в соответствующих судебных заседаниях и заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письма от 18 февраля 2019 года и от 23 апреля 2019 года).

По мнению заявителя, часть вторая статьи 313 УПК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 46 (часть 1) и 123 (часть 3), поскольку по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, в силу неопределенности своего нормативного содержания не позволяет определить, какой именно орган, предприятие или учреждение должен нести обязанность по охране жилого помещения, собственником которого является осужденный, на период отбывания им наказания, а также допускает возможность неоднозначного толкования понятия «меры по охране имущества» и, следовательно, их произвольного применения.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» часть вторая статьи 313

УПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на ее основании в системе действующего правового регулирования определяются меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, а также устанавливаются субъекты, на которых судом может быть возложена обязанность по принятию таких мер.

2. Провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства, Конституция Российской Федерации устанавливает, что Россия является демократическим правовым и социальным государством, в котором указанные права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, а также местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (статья 1, часть 1; статья 2; статья 7, часть 1; статьи 17 и 18).

Особым объектом конституционно-правовой охраны является жилище в силу естественной потребности человека в нем. Оно выступает объектом или опосредует реализацию (связано с реализацией) значительного числа конституционных прав и свобод, в том числе гарантированных статьями 23 (часть 1), 25, 35 (часть 1) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации, а также объектом различных правоотношений, что в силу статей 1 (часть 1), 2, 7 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2) и 71 (пункт «в») Конституции Российской Федерации обязывает государство принимать – в рамках имеющейся у него широкой дискреции, предопределенной в том числе наличием непосредственно у гражданина как собственника жилища бремени содержания принадлежащего ему имущества, нашедшего свою конкретизацию в статье 210 ГК Российской Федерации и положениях жилищного законодательства (статья 30 Жилищного кодекса Российской Федерации), – правовые и организационные меры, обеспечивающие защиту жилища (права на жилище), особенно в ситуации, когда гражданин в силу каких-либо объективных причин не способен самостоятельно позаботиться о своем жилище или реализация такой заботы для него существенно затруднена.

Вместе с тем соответствующие меры, принимаемые государством, не должны вопреки требованиям статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации приводить к несоразмерным и произвольным ограничениям прав и свобод как гражданина – собственника жилища, так и других лиц, в частности, ставить последних в неопределенное положение с точки зрения содержания возлагаемых на них обязанностей, порядка их исполнения и необходимых для этого источников финансирования.

3. На охрану права собственности и права каждого на жилище направлены в том числе нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающие полномочие следователя (дознателя) принимать меры по обеспечению сохранности имущества и жилища подозреваемых (обвиняемых), задержанных или заключенных под стражу (часть вторая статьи 160 УПК Российской Федерации), а также полномочие суда одновременно с вынесением обвинительного приговора (а по ходатайству заинтересованных лиц – и после провозглашения приговора) вынести определение или постановление о принятии мер по охране остающихся без присмотра жилища или имущества при наличии таковых у осужденного (части вторая и четвертая статьи 313 УПК Российской Федерации).

Наделение суда данными полномочиями для защиты, с одной стороны, прав и интересов осужденного, связанных с обладанием им жилищем (жилым помещением), а с другой – публичного интереса, который состоит в том числе в исключении бесхозяйственного обращения с жилыми помещениями, согласуется с конституционно-правовым предназначением правосудия.

Вместе с тем, принимая во внимание вытекающие из Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы неприкосновенности и свободы собственности, свободы

договора и равенства всех собственников как участников гражданского оборота, предполагающие автономию воли, имущественную самостоятельность и недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, которые обуславливают свободу владения, пользования и распоряжения имуществом, включая возможность отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, гражданин, жилое помещение которого остается без присмотра, не лишен возможности самостоятельно принять меры по обеспечению его сохранности, обеспечить осуществление присмотра за ним (статьи 1 и 2 ГК Российской Федерации).

Будучи лишенным возможности пользоваться находящимся в его собственности жилым помещением для личного проживания в связи с отбыванием уголовного наказания, такой гражданин тем не менее не лишен возможности вселить в принадлежащее ему жилое помещение членов своей семьи и иных граждан. При этом в силу статьи 31 Жилищного кодекса Российской Федерации члены семьи собственника жилого помещения, к которым относятся проживающие совместно с ним в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, дети и родители, а также другие родственники и в исключительных случаях иные граждане, которые могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи, имеют равные с ним права пользования данным помещением, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи, обязаны использовать это помещение по назначению, т.е. для проживания, обеспечивать его сохранность, неся при этом солидарную с собственником ответственность по обязательствам, вытекающим из пользования данным помещением, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи (части 1 и 2), а гражданин, пользующийся жилым помещением на основании соглашения с собственником данного помещения, имеет права, несет обязанности и ответственность в соответствии с условиями такого соглашения (часть 7).

Кроме того, в порядке реализации собственником помещения прав, закрепленных пунктами 1 и 2 статьи 288 ГК Российской Федерации, а также частью 1 статьи 17 и частью 2 статьи 30 Жилищного кодекса Российской Федерации, жилые помещения могут сдаваться им для проживания на основании договора найма, договора безвозмездного пользования (а юридическому лицу – на основании договора аренды) или на ином законном основании, а также передаваться согласно пункту 4 статьи 209 и статьям 1012 – 1026 ГК Российской Федерации в доверительное управление на определенный срок другому лицу – доверительному управляющему, который обязан осуществлять управление имуществом в интересах собственника или указанного им третьего лица. Действующее законодательство Российской Федерации также не ограничивает осужденного в возможности заключения гражданско-правовых договоров на охрану жилого помещения.

Более того, если у осужденного объективно имеется возможность охраны имеющегося у него жилого помещения гражданско-правовыми средствами, но он уклоняется от этого, суд, имея в виду публичный интерес в сохранности этого имущества как с точки зрения предотвращения причинения имущественного и (или) иного вреда другим лицам, так и с точки зрения сохранения условий для интеграции осужденного в общество после отбывания наказания, может возложить обязанность по принятию соответствующих мер на него самого.

Таким образом, по смыслу части второй статьи 313 УПК Российской Федерации, рассматриваемой в системе действующего правового регулирования, суд выносит определение или постановление о принятии мер по охране остающегося без присмотра жилого помещения осужденного при отсутствии сведений о том, что в данном помещении продолжают проживать члены его семьи, родственники либо иные лица, которым оно может предоставляться для проживания на основании договора или на ином законном основании, или что таким осужденным самостоятельно предприняты меры по охране принадлежащего ему жилого

помещения, притом что будет установлено отсутствие у него возможности самостоятельно обеспечить гражданско-правовыми средствами охрану своего жилого помещения.

4. Часть вторая статьи 313 УПК Российской Федерации не определяет круга субъектов, на которых судом может быть возложена обязанность по осуществлению определенных им мер по охране остающегося без присмотра жилища осужденного, равно как и перечень возможных мер, порядок и иные вопросы их исполнения. В отраслевом законодательстве, за исключением уголовно-процессуального, – а указанные вопросы с очевидностью носят межотраслевой характер – также не содержится положений, которые сопрягались бы с данной нормой и регулировали бы данные вопросы.

Суды, руководствуясь общими положениями жилищного законодательства, в частности частью 1 статьи 1 Жилищного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой жилищное законодательство основывается на необходимости обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления условий для осуществления гражданами права на жилище, его безопасности, а также положениями пункта 6 части 1 статьи 14 и пункта 6 части 1 статьи 16 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определяющими полномочия органов местного самоуправления городского, сельского поселений, муниципальных и городских округов в сфере жилищно-коммунального хозяйства, возлагают обязанность по принятию мер по охране жилого помещения осужденного, остающегося без присмотра, на органы местного самоуправления. При этом в судебной практике имеются и примеры, когда обязанность по принятию мер по охране жилого помещения осужденного возлагалась наравне с органом местного самоуправления и на орган внутренних дел, орган Федеральной службы судебных приставов либо коммерческую организацию, осуществляющую управление многоквартирным домом, и др.

Вместе с тем правовое регулирование мер по охране остающегося без присмотра жилища осужденного, в том числе находящегося в его собственности жилого помещения, и практика его применения в любом случае должны основываться на вытекающих из статей 17, 19 и 55 Конституции Российской Федерации принципах справедливости, правовой определенности, разумности и соразмерности. Принимаемые законодательные решения должны соотноситься с конституционными основами разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации, учитывать конституционную природу местного самоуправления как наиболее приближенного к населению территориального уровня публичной власти и вместе с тем соответствовать вытекающему из конституционного принципа равенства всех перед законом требованию формальной определенности, что предполагает ясное, четкое и непротиворечивое определение компетенции муниципальных образований, последовательное разграничение вопросов местного значения, решение которых возложено на органы местного самоуправления, и вопросов государственного значения, решение которых возложено на федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также взаимосогласованную регламентацию полномочий органов местного самоуправления нормативными правовыми актами различной отраслевой принадлежности (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 года № 2-П и от 3 июля 2019 года № 26-П).

По смыслу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации отнесение к исключительному ведению Российской Федерации правового регулирования судостроительства, уголовного, процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, гражданского законодательства (статья 71, пункт «о», Конституции Российской Федерации), а к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации – жилищного законодательства (статья 72, пункт «к» части 1, Конституции Российской Федерации), а также возложение именно на органы местного самоуправления самостоятельного

решения вопросов местного значения (статья 130, часть 1, Конституции Российской Федерации) не препятствуют конструктивному, основанному на признании и гарантировании самостоятельности местного самоуправления взаимодействию между органами местного самоуправления и органами государственной власти для наиболее эффективного решения общих задач, непосредственно связанных с вопросами местного значения, в интересах населения муниципальных образований, равно как и участием органов местного самоуправления в выполнении тех или иных имеющих государственное значение публичных функций и задач на соответствующей территории – как в порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (статья 132, часть 2, Конституции Российской Федерации), так и в иных формах (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 года № 26-П, от 26 апреля 2016 года № 13-П, от 18 июля 2018 года № 33-П).

Возложение обязанности по принятию мер по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, на органы местного самоуправления городских и сельских поселений, городских и муниципальных округов соотносится с имеющейся у них компетенцией в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а равно и полномочием по выявлению бесхозных недвижимых вещей (собственник которых неизвестен, отказался от них или у которых нет собственника) (пункт 3 статьи 225 ГК Российской Федерации).

Между тем ни Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ни Жилищный кодекс Российской Федерации, предусматривающий, что органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий обеспечивают условия для осуществления гражданами права на жилище, в том числе защиту прав и законных интересов граждан, приобретающих жилые помещения и пользующихся ими на законных основаниях, потребителей коммунальных услуг и услуг, касающихся обслуживания жилищного фонда, контроль за использованием и сохранностью жилищного фонда, а также осуществление в соответствии с их компетенцией государственного жилищного надзора и муниципального жилищного контроля (пункты 5, 6 и 8 статьи 2), не позволяют с определенностью сделать вывод о прямом наделении указанных органов полномочиями по принятию – хотя бы и на основании судебного решения – мер по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный. Не позволяет сделать иной вывод и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, который, допуская возможность взаимодействия органов местного самоуправления и учреждений уголовно-исполнительной системы при решении вопросов, связанных, в частности, с наличием у осужденного жилого помещения (часть вторая статьи 177 и часть первая статьи 180), не закрепляет каких-либо правил, связанных с обеспечением его сохранности.

Отсутствуют правовые основания рассматривать принятые органами местного самоуправления городского, сельского поселения, муниципального округа, городского округа, городского округа с внутригородским делением во исполнение судебного решения меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения, принадлежащего осужденному, как решение ими иных вопросов, не отнесенных к компетенции органов местного самоуправления других муниципальных образований, органов государственной власти и не исключенных из их компетенции федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, в соответствии с частью 2 статьи 14.1 и частью 2 статьи 16.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Соответственно, в условиях действующего правового регулирования, которое прямо не относит принятие мер по охране оставшегося без присмотра жилища осужденного, в том числе находящегося в его собственности жилого помещения, к вопросам местного значения органов местного самоуправления городского, сельского поселения, городского или муни-

ципального округа, возложение на органы публичной власти такой обязанности во всяком случае требует использования закрепленных Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» способов привлечения органов местного самоуправления к решению государственных задач с компенсацией затрат на их решение (посредством передачи им отдельных государственных полномочий с необходимыми для их исполнения материальными ресурсами или посредством компенсации затрат, связанных с исполнением судебного решения о принятии соответствующих мер по охране жилища таких граждан).

Однако действующим законодательством не урегулированы вопросы, связанные с охраной остающегося без присмотра жилища осужденного, в том числе содержание охранных мер и порядок их исполнения, что ставит под сомнение эффективность и реальное исполнение решения суда о принятии таких мер.

Между тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, защита нарушенных прав не может быть признана действенной, если судебный акт своевременно не исполняется; исполнение судебного решения, по смыслу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, следует рассматривать как элемент судебной защиты, что обязывает федерального законодателя при выборе в пределах своей конституционной дискреции того или иного механизма исполнительного производства осуществлять непротиворечивое регулирование отношений в этой сфере, создавать для них стабильную правовую основу и не ставить под сомнение конституционный принцип исполнимости судебного решения (постановления от 15 января 2002 года № 1-П, от 14 мая 2003 года № 8-П, от 14 июля 2005 года № 8-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 10 марта 2016 года № 7-П и др.).

Изложенное свидетельствует о наличии имеющего конституционную значимость пробела в правовом регулировании, который вступает в противоречие с конституционными гарантиями охраны права частной собственности, а также принципами равенства, справедливости и соразмерности ограничений прав и свобод.

Эта неопределенность не может быть устранена с помощью конституционно-правового истолкования части второй статьи 313 УПК Российской Федерации, поскольку оно не позволяет выявить волю федерального законодателя относительно решения вопроса о том, какие конкретно меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, могут быть определены судом, на каких субъектов им может быть возложена обязанность принимать данные меры по охране и за счет каких источников финансирования осуществляются затраты на исполнение названных мер.

5. Таким образом, часть вторая статьи 313 УПК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она не закрепляет конкретных мер по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, а также не устанавливает субъектов, на которых судом может быть возложена обязанность по принятию таких мер, и не определяет, за счет каких источников осуществляется финансирование этих мер.

Поскольку ненадлежащее исполнение вынесенных судебных решений об охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, а также невозможность вынесения соответствующих судебных решений может привести к последствиям, неблагоприятным для реализации таким осужденным прав, связанных с его жилым помещением, остающимся без присмотра, и иными лицами, заинтересованными в исключении бесхозяйственного обращения с данным жилым помещением, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в целях обеспечения безусловного и непрерывного исполнения органами пу-

бличной власти проистекающей из части второй статьи 313 УПК Российской Федерации обязанности считает необходимым установить особенности исполнения настоящего Постановления.

Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения и дополнения.

Впредь до внесения таких изменений, если осужденным самостоятельно не приняты гражданско-правовые меры по охране своего жилого помещения и будет установлено отсутствие у него возможности в их самостоятельном принятии, суд полномочен принять меры по охране остающегося без присмотра жилого помещения такого гражданина и возложить их исполнение на конкретных субъектов, а именно:

опечатывание жилого помещения и периодическая проверка его сохранности могут быть возложены на орган внутренних дел по месту нахождения жилого помещения и (или) на администрацию муниципального образования (поселения, городского округа, муниципального округа);

обязанность по запрету регистрации граждан в жилом помещении без согласия собственника – на органы регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации (территориальные органы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел);

обязанность по запрету государственной регистрации перехода права, ограничения права и обременения объекта недвижимости без личного участия собственника объекта недвижимости (его законного представителя) – на территориальный орган Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии;

иные обязанности, необходимые для охраны жилого помещения, – на администрацию муниципального образования (поселения, городского округа, муниципального округа) с учетом особенностей организации местного самоуправления и разграничения соответствующих полномочий в городах федерального значения и на иных территориях.

Принятые до вступления в силу настоящего Постановления судебные решения подлежат исполнению. Органы местного самоуправления, исполнявшие соответствующие судебные акты, а также органы местного самоуправления, на которые были возложены соответствующие обязанности по охране оставшегося без присмотра жилого помещения осужденного на основании временного регулирования, после принятия соответствующих изменений в законодательство вправе обратиться за возмещением расходов на принятие мер по охране жилого помещения за счет органа, на который эти функции будут возложены в соответствии с новым правовым регулированием, за период со дня официального опубликования настоящего Постановления.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать часть вторую статьи 313 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она не закрепляет конкретных мер по охране остающегося без присмотра жилого помещения, собственником которого является осужденный, а также не устанавливает субъектов, на которых судом может быть возложена обязанность по принятию таких мер, и не определяет, за счет каких источников осуществляется финансирование этих мер.

2. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения и дополнения.

3. Судебные решения по делу администрации муниципального образования город Мурманск, вынесенные на основании части второй статьи 313 УПК Российской Федерации, подлежат пересмотру на основании нового правового регулирования, если для этого нет иных препятствий.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Конституционный Суд
Российской Федерации*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 7 июля 2020 г. № 33-П

по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Р.А. Алиева. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю.М. Данилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации судья, присяжный заседатель не подлежат допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу.

1.1. Конституционность приведенного законоположения оспаривает гражданин Р.А. Алиев. Как следует из жалобы в Конституционный Суд Российской Федерации и приложений к ней документов, Р.А. Алиев приговором Свердловского областного суда от 5 апреля 2018 года, вынесенным в соответствии с обвинительным вердиктом коллегии присяжных заседателей в его отношении и в отношении другого подсудимого, признан виновным в преступлениях, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 33, пунктами «е», «з» части второй статьи 105 и частью второй статьи 222 УК Российской Федерации. Рассмотрев дело в апелляционном порядке, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 7 февраля 2019 года оставила приговор без изменения.

В апелляционных жалобах сторона защиты, ссылаясь на письменные объяснения, полученные ею от ряда присяжных заседателей, утверждала следующее: при вынесении вердик-

та не была соблюдена тайна совещания присяжных, в частности доступ к совещательной комнате имели посторонние лица – два секретаря судебного заседания, судебный пристав и запасной присяжный заседатель, а эксперт, свидетели обвинения и потерпевший контактировали с присяжными; во время обсуждения вердикта судебный пристав заносил в совещательную комнату гильзы и пули, которые не исследовались судом, угрожал одному из присяжных выводом из состава коллегии, если тот не перестанет высказывать мнения, идущие вразрез с обвинением; секретари судебного заседания указывали, что исход уголовного дела предрешен, а виновность подсудимых уже установлена вступившим в законную силу приговором в отношении третьих лиц, и торопили присяжных с вынесением вердикта; в день вынесения вердикта в совещательной комнате находился запасной присяжный заседатель.

В ходе судебного разбирательства в Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации защитниками заявлялись ходатайства о приобщении к материалам дела и оглашении объяснений, данных присяжными и подтверждающих факт нарушения тайны совещательной комнаты, а также о допросе присяжных в качестве свидетелей. Однако суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении ходатайств, сославшись на то, что в силу части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации присяжные не подлежат допросу в качестве свидетелей, а равно опросу защитниками об обстоятельствах уголовного дела, которые стали известны присяжным в связи с участием в производстве по нему. В результате суд пришел к выводу, что свидетельств незаконного воздействия на присяжных в материалах дела не имеется.

1.2. Р.А. Алиев утверждает, что оспариваемая норма противоречит статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, не позволяет удовлетворить ходатайство стороны защиты, просящей допросить присяжных заседателей об обстоятельствах нарушения тайны их совещания и об ином давлении на них, притом что в ходе допроса не предполагается выяснять обстоятельства уголовного дела, которые стали известны присяжным в связи с их участием в производстве по нему.

Соответственно, с учетом статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» пункт 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на его основании в системе действующего правового регулирования решается вопрос о допросе лиц, участвовавших в уголовном деле в качестве присяжных заседателей, об обстоятельствах нарушения тайны совещания при вынесении ими вердикта либо об ином противоправном воздействии на присяжных при отправлении ими правосудия.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, определяющей смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваемой правосудием, гарантируя каждому судебную защиту его прав и свобод, в том числе судом с участием присяжных заседателей (статьи 2 и 18; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 47, часть 2), отводит судебной власти, независимой и беспристрастной по своей природе, решающую роль в государственной защите прав и свобод.

В соответствии со статьями 118 (часть 1), 120 (часть 1), 121 (часть 1), 122 (часть 1) и 123 (часть 4) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими их положениями статей 1, 5, 8, 15 и 16 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом в лице судей и присяжных заседателей, привлекаемых в надлежащем порядке к отправлению правосудия; суд осуществляет судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли; судьи и присяжные независимы и под-

чиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, которыми, в свою очередь, устанавливаются гарантии их независимости; лица, виновные в оказании незаконного воздействия на судей и присяжных, а также в ином вмешательстве в деятельность суда, несут ответственность, предусмотренную федеральным законом. Тем самым право на объективный, независимый и непредвзятый суд входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту, выступает одним из неотъемлемых его свойств и необходимым условием справедливого судебного разбирательства. При этом принципиальное требование беспристрастности суда распространяется как на профессиональных судей, так и на входящих в состав суда присяжных заседателей (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 25 марта 2008 года № 6-П и от 19 апреля 2010 года № 8-П).

Следовательно, процессуальные правила принятия судебных актов, в том числе судом с участием присяжных заседателей, должны содержать институциональные и процедурные механизмы, позволяющие обеспечить вынесение судебного решения, отвечающего критериям справедливости, по результатам объективного разбирательства дела судом, независимость и беспристрастность которого не должны подвергаться обоснованному сомнению ни с субъективной точки зрения участников судопроизводства, ни с объективной точки зрения, выражающей публичный интерес в авторитетной и пользующейся доверием общества судебной власти. Такие механизмы призваны служить тому, чтобы судебные решения, выносимые именем Российской Федерации, не только были формально законными, но и воспринимались как правосудные, а также могли быть проверены в суде как минимум апелляционной инстанции на предмет соответствия указанным требованиям.

3. В целях обеспечения конституционных гарантий справедливого правосудия Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет следующие положения. Судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключая постороннее воздействие на них, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, а вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность (часть первая и вторая статьи 8.1). Судья и присяжные заседатели оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (часть первая статьи 17). Приступая к исполнению обязанностей, присяжные присягают исполнять их честно и беспристрастно, принимать во внимание все рассмотренные в суде доказательства, как уличающие подсудимого, так и оправдывающие его, разрешать уголовное дело по своему внутреннему убеждению и совести, не оправдывая виновного и не осуждая невиновного, как подобает свободному гражданину и справедливому человеку (часть первая статьи 332). Присяжные не вправе нарушать тайну совещания и голосования по поставленным перед ними вопросам (пункт 5 части второй статьи 333), а их совещание, голосование и вынесение ими вердикта осуществляются в совещательной комнате, присутствие в которой иных лиц, за исключением коллегии присяжных, не допускается (часть вторая статьи 341).

По смыслу статей 17, 332, 333 и 341 УПК Российской Федерации, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации такое правовое регулирование, включая институт тайны совещания присяжных, направлено в том числе на достижение независимости и беспристрастности суда, принятие им решений по внутреннему убеждению, сформированному в состязательном процессе по результатам судебного следствия, а не в силу стороннего воздействия на суд или внепроцессуального обсуждения материалов дела с другими лицами. Тайной совещательной комнаты охватываются такие суждения суда и другие сведения, касающиеся существа и обстоятельств уголовного дела и вопросов, разрешаемых судом в совещательной комнате при вынесении приговора или иного судебного решения, распространение которых может помешать принятию решения по собственному убеждению, поставить под сомнение объективность и самостоятельность суда, справедли-

вость и безупречность судебного решения как акта правосудия (определения от 25 октября 2018 года № 2741-О, от 6 декабря 2018 года № 3105-О, от 12 марта 2019 года № 581-О и от 25 июня 2019 года № 1784-О).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации относит нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта к существенным нарушениям уголовно-процессуального закона, влекущим безусловную отмену приговора (пункт 8 части второй статьи 389.17). Вопрос о наличии или отсутствии подобного нарушения во всяком случае подлежит выяснению судом апелляционной инстанции по жалобе или представлению, содержащим доводы и материалы, указывающие на такое основание для отмены приговора (пункт 4 части первой статьи 389.6 и пункт 2 статьи 389.15 данного Кодекса).

Вместе с тем присяжные заседатели не вправе не только нарушать тайну совещания и голосования по поставленным перед ними вопросам, но и высказывать свое мнение по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта, общаться с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств этого дела, собирать сведения по делу вне судебного заседания (пункты 2–4 части второй статьи 333 данного Кодекса), поскольку подобное поведение присяжных позволяло бы усомниться в формировании их позиций по уголовному делу без постороннего влияния, а значит, и в их непредвзятости при вынесении вердикта. В этой связи присяжный при нарушении данных требований может быть отстранен от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела по инициативе судьи или по ходатайству сторон и заменен запасным (часть четвертая той же статьи).

Следовательно, такие факты, как способные поставить под сомнение справедливость, безупречность и правосудность судебного решения в целом, не могут быть оставлены судом апелляционной инстанции без внимания, когда в жалобе или представлении содержатся доводы и материалы, подтверждающие предположения о соответствующих нарушениях, в том числе с участием лиц, которые осведомлены о каких-либо имеющих значение для разрешения этого вопроса обстоятельствах и о вызове которых в судебное заседание вправе заявить лицо, подавшее жалобу или представление (часть первая.1 статьи 389.6 данного Кодекса). При этом положения статей 389.6, 389.11 и 389.13 УПК Российской Федерации, которые дают возможность заинтересованным лицам ходатайствовать перед судом апелляционной инстанции об исследовании доказательств, как уже изучавшихся судом первой инстанции, так и иных, не позволяют необоснованно отказывать в удовлетворении таких ходатайств, в частности на том основании, что доказательства являются новыми и не были исследованы судом первой инстанции, – новые доказательства принимаются судом, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и эти причины признаны уважительными (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2014 года № 2801-О, от 24 марта 2015 года № 490-О, от 25 мая 2017 года № 930-О, от 28 сентября 2017 года № 2243-О, от 19 декабря 2019 года № 3339-О и др.).

5. Согласно части первой статьи 56 УПК Российской Федерации свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний, за исключением случаев, предусмотренных ее частью третьей. По смыслу этой статьи в ее системной связи с положениями статей 29 и 30, а также главы 42 данного Кодекса присяжный заседатель, входящий в состав суда, рассматривающего уголовное дело, не может в том же самом деле иметь статус свидетеля, а потому вызываться на допрос и давать показания по правилам статей 187–190, 278, 278.1 и 389.13 данного Кодекса. Иное противоречило бы предназначению суда, разделению процессуальных функций участников судопроизводства, как они определены Конституцией Российской Федерации (статья 51, часть 2; статья 118, часть 1; статья 123, части 3 и 4) и данным Кодексом (раздел II). Равным

образом, возможность последующего вызова присяжного в качестве свидетеля на допрос, предполагающий обязательность явки, допустимость привода или денежного взыскания за неявку без уважительных причин (статьи 113 и 117 данного Кодекса), противоречила бы независимости присяжных, была бы несовместима со статусом лица, осуществляющего правосудие.

В силу пункта 2 статьи 10 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» и части 1 статьи 12 Федерального закона от 20 августа 2004 года № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» судья – а потому и присяжный заседатель – не обязан давать каких-либо объяснений по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, представлять их кому бы то ни было для ознакомления иначе как в случаях и порядке, предусмотренных процессуальным законом. Это согласуется с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о том, что присяжные не подлежат допросу в качестве свидетелей об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по нему, и о запрете присяжным нарушать тайну совещания и голосования по поставленным перед ними вопросам, разглашать суждения, имевшие место во время совещания, – сведения о таких суждениях не могут быть предметом собирания любым путем, как недопустимо и добывание любым способом показаний присяжных (опрос, допрос, получение объяснений) относительно таких суждений, об их убеждениях, легших в основу вердикта, который во всяком случае не предполагает мотивировки (пункт 1 части третьей статьи 56, пункты 2 и 5 части второй статьи 333, часть четвертая статьи 341, статьи 342 и 343).

Предметом процедуры, в которой устанавливаются нарушения тайны совещания присяжных, выступают – как следует из статей 298, 333 и 341 УПК Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – не составляющие тайну суждения присяжных сведения, касающиеся существа и обстоятельств разрешения в совещательной комнате поставленных перед ними вопросов, а факты нарушений уголовно-процессуального закона, которые ставят (могут поставить) под сомнение независимость и беспристрастность присяжных.

Так, информация о высказывании присяжными своих мнений по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта, об их общении с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств этого дела, о собирании данных по делу вне судебного заседания, о стороннем воздействии на них при обсуждении вердикта и при голосовании, о присутствии в совещательной комнате других лиц, помимо присяжных, свидетельствует о нарушении уголовно-процессуального закона либо ином противоправном поведении самих присяжных или других лиц и не может расцениваться в качестве сведений, ставших известными присяжным в связи с участием в производстве по уголовному делу, применительно к пункту 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации. Не является она и сведениями, составляющими тайну совещания присяжных, а потому такая информация может стать предметом изучения и оценки суда апелляционной инстанции, в том числе с привлечением к разрешению этого вопроса осведомленных лиц, каковыми могут быть и присяжные заседатели. При этом предпосылкой для изучения судом такой информации, в том числе для заявления ходатайств о приглашении в судебное заседание присяжных с целью выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, может являться опрос адвокатом с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь (подпункт 2 пункта 3 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Следовательно, по смыслу взаимосвязанных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О присяжных заседателях федераль-

ных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» и распространяющихся на присяжных норм Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» присяжные по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, могут быть приглашены в судебное заседание суда апелляционной инстанции и вправе предоставить сведения об обстоятельствах, касающихся предполагаемых нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта по заданным им вопросам, не разглашая при этом сведения о суждениях, имевших место во время совещания, о позициях присяжных при голосовании.

Федеральный законодатель не лишен возможности урегулировать процессуальные особенности такого участия присяжных, выносивших вердикт в первой инстанции, в заседании суда апелляционной инстанции, в том числе их ответственность за дачу ложных показаний.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать пункт 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по своему конституционно-правовому смыслу данная норма:

не препятствует суду апелляционной инстанции по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, постановленный судом с участием присяжных заседателей, пригласить в судебное заседание присяжных для выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта без придания им при этом процессуального статуса свидетеля;

предполагает право лиц, участвовавших в деле в качестве присяжных, дать пояснения суду апелляционной инстанции по поводу указанных обстоятельств, не разглашая при этом сведения о суждениях, имевших место во время совещания, о позициях присяжных при голосовании по поставленным перед ними вопросам.

2. Правоприменительные решения, вынесенные по делу гражданина Алиева Руслана Абдуллаевича и основанные на пункте 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру, если для этого нет иных препятствий.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Конституционный Суд
Российской Федерации*

Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 09.07.2020, Российская газета. № 153, 15.07.2020, Собрание законодательства РФ. 20.07.2020. № 29. Ст. 4734.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 9 июля 2020 г. № 1643-О

по жалобе гражданки Анисимовой Ольги Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и подпунктом 2 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки О.Б. Анисимовой,

у с т а н о в и л:

1. В соответствии с подпунктом 2 пункта 3 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь.

Пункт 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации устанавливает, что не подлежат допросу в качестве свидетелей судья, присяжный заседатель – об обстоятельствах уголовного дела, которые стали им известны в связи с участием в производстве по данному уголовному делу.

Конституционность приведенных законоположений оспаривает гражданка О.Б. Анисимова, которая, являясь адвокатом, участвовала в качестве защитника гражданина Е. в уголовном деле, рассматриваемом судом с участием присяжных заседателей. По результатам судебного разбирательства в суде первой инстанции на основании обвинительного вердикта присяжных 5 апреля 2018 года постановлен обвинительный приговор.

Предполагая, что при вынесении вердикта присяжными заседателями была нарушена тайна совещания, заявительница, действуя в качестве адвоката, в ходе подготовки к апелляционному обжалованию приговора опросила четверых присяжных заседателей с их согласия об обстоятельствах этого совещания и оформила данные ими показания как объяснения. В ходе рассмотрения апелляционной жалобы О.Б. Анисимова заявила ходатайство о приобщении к материалам уголовного дела полученных ею объяснений и об их оглашении, а также о допросе двух присяжных заседателей в качестве свидетелей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, принимая решение об оставлении приговора без изменения, а апелляционных жалоб – без удовлет-

ворения, отказала в удовлетворении ходатайства, указав, в частности, что представленные объяснения присяжных заседателей не подлежат проверке, поскольку в силу требований части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации участвовавший в деле присяжный заседатель не только не может быть допрошен в качестве свидетеля, но и опрошен адвокатом независимо от его согласия по обстоятельствам его участия в конкретном деле (апелляционное определение от 7 февраля 2019 года).

При этом суд апелляционной инстанции одновременно вынес частное определение, обратив внимание президента Адвокатской палаты Курганской области на недопустимость нарушений требований закона адвокатом О.Б. Анисимовой в ходе производства по названному уголовному делу и обязав сообщить о принятых мерах в Верховный Суд Российской Федерации (частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2019 года).

Совет Адвокатской палаты Курганской области по результатам дисциплинарного производства принял решение о наличии в действиях О.Б. Анисимовой нарушений требований статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и статьи 12 Кодекса профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года) и о применении меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения (решение от 15 мая 2019 года).

Не согласившись с вынесенным в отношении нее частным определением, О.Б. Анисимова обратилась с надзорной жалобой в Верховный Суд Российской Федерации, однако в передаче данной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного Суда Российской Федерации ввиду отсутствия к тому оснований ей было отказано (постановление судьи Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2019 года).

Заявительница просит признать пункт 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации и подпункт 2 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не противоречащими Конституции Российской Федерации, ее статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 48 (часть 1), 55 (часть 3) и 123 (часть 3), в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они позволяют адвокату опрашивать присяжных заседателей об обстоятельствах нарушения тайны совещания и ставить вопрос об их допросе в суде при условии, что в ходе адвокатского опроса и судебного допроса не будут раскрыты обстоятельства уголовного дела, которые стали известны присяжным заседателям в связи с их участием в производстве по данному уголовному делу.

2. В Постановлении от 7 июля 2020 года № 33-П, принятом по итогам рассмотрения жалобы гражданина Р.А. Алиева о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации признал названную норму не противоречащей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования по своему конституционно-правовому смыслу она:

не препятствует суду апелляционной инстанции по обоснованному ходатайству стороны, оспаривающей приговор, постановленный судом с участием присяжных заседателей, пригласить в судебное заседание присяжных для выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта без придания им при этом процессуального статуса свидетеля;

предполагает право лиц, участвовавших в деле в качестве присяжных, дать пояснения суду апелляционной инстанции по поводу указанных обстоятельств, не разглашая при этом сведения о суждениях, имевших место во время совещания, о позициях присяжных при голосовании по поставленным перед ними вопросам.

В силу статьи 6 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» конституционно-правовой смысл пункта 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации, выявленный в данном Постановлении, является общеобязательным и исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

Одновременно Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что предметом процедуры, в которой устанавливаются нарушения тайны совещания присяжных, выступают – как следует из статей 298, 333 и 341 УПК Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации – не составляющие тайну суждения присяжных сведения, касающиеся существа и обстоятельств разрешения в совещательной комнате поставленных перед ними вопросов, а факты нарушений уголовно-процессуального закона, которые ставят (могут поставить) под сомнение независимость и беспристрастность присяжных.

Так, информация о высказывании присяжными своих мнений по рассматриваемому уголовному делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта, об их общении с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств этого дела, о собирании данных по делу вне судебного заседания, о стороннем воздействии на них при обсуждении вердикта и при голосовании, о присутствии в совещательной комнате других лиц, помимо присяжных, свидетельствует о нарушении уголовно-процессуального закона либо ином противоправном поведении самих присяжных или других лиц и не может расцениваться в качестве сведений, ставших известными присяжным в связи с участием в производстве по уголовному делу, применительно к пункту 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации. Не является она и сведениями, составляющими тайну совещания присяжных, а потому такая информация может стать предметом изучения и оценки суда апелляционной инстанции, в том числе с привлечением к разрешению этого вопроса осведомленных лиц, каковыми могут быть и присяжные заседатели. При этом предпосылкой для изучения судом такой информации, в том числе для заявления ходатайств о приглашении в судебное заседание присяжных с целью выяснения обстоятельств предполагаемого нарушения тайны их совещания или иных нарушений уголовно-процессуального закона при обсуждении и вынесении вердикта, может являться опрос адвокатом с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь (подпункт 2 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Правовые позиции, сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации в указанном Постановлении, сохраняют свою силу.

Поскольку первичная жалоба О.Б. Анисимовой поступила в Конституционный Суд Российской Федерации до принятия к рассмотрению жалобы Р.А. Алиева, правоприменительные решения по ее делу, принятые на основании пункта 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 7 июля 2020 года № 33-П, и примененного во взаимосвязи с ним в таком истолковании подпункта 2 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в силу части второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежат пересмотру в установленном порядке при условии, что для этого нет иных препятствий.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 3 статьи 43, частью четвертой статьи 71, частью первой статьи 79 и частью второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать жалобу гражданки Анисимовой Ольги Борисовны не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявительницей вопроса не требуется вынесения предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Правоприменительные решения по делу Анисимовой Ольги Борисовны, принятые на основании пункта 1 части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 7 июля 2020 года № 33-П, и примененного во взаимосвязи с ним в таком истолковании подпункта 2 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в силу части второй статьи 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежат пересмотру в установленном порядке при условии, что для этого нет иных препятствий.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

4. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 26 мая 2020 г. № 1107-О

по жалобе гражданина Абдулхалимова Магомедшапи Магомедовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, С.М. Казанцева, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И. Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М.М. Абдулхалимова,

у с т а н о в и л:

1. Согласно части второй статьи 135 УПК Российской Федерации в течение сроков исковой давности, установленных Гражданским кодексом Российской Федерации, со дня получения копии документов, указанных в части первой статьи 134 УПК Российской Федерации, и извещения о порядке возмещения вреда реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда в суд, постановивший приговор, вынесший постановление, определение о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования, либо в суд по месту жительства реабилитированного, либо в суд по месту нахождения органа, вынесшего постановление о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования либо об отмене или изменении незаконных или необоснованных решений; если уголовное дело прекращено или приговор изменен вышестоящим судом, то требование о возмещении вреда направляется в суд, постановивший приговор, либо в суд по месту жительства реабилитированного.

М.М. Абдулхалимов оправдан приговором Советского районного суда города Махачкалы от 18 декабря 2017 года по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, за ним признано право на реабилитацию. В 2018 году адвокат, представляющий его интересы по доверенности, обратился в суд с ходатайством о возмещении имущественного вреда, причиненного М.М. Абдулхалимову в результате незаконного уголовного преследования. Однако постановлением Советского районного суда города Махачкалы от 15 апреля 2019 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Дагестан от 11 июня 2019 года, производство по данному ходатайству прекращено. При этом суды, мотивируя свои решения, сослались на то, что по смыслу части второй статьи 135 УПК Российской Федерации такое об-

ращение может быть подано в суд лишь самим реабилитированным, а не действующим в его интересах адвокатом.

По мнению М.М. Абдулхалимова, часть вторая статьи 135 УПК Российской Федерации не соответствует статьям 19 (часть 1) и 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, не позволяет обратиться в суд с требованием о возмещении имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, адвокату – представителю реабилитированного.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (статья 2), гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 53). Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда корреспондируют положения Всеобщей декларации прав человека (статья 8), Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5) и Протокола № 7 к ней (статья 3), из которых вытекает право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или осуждения за преступление, на компенсацию. Эти требования международного права должны быть обеспечены в правовой системе Российской Федерации, составной частью которой в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации они являются.

Федеральный законодатель, обеспечивая – на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости – пострадавшим от незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности эффективное и полное восстановление в правах, обязан гарантировать им, как более слабой стороне в правоотношении, специальные публично-правовые механизмы, упрощающие процедуру восстановления прав и обусловленные спецификой правового статуса реабилитированных как лиц, нуждающихся в особых гарантиях. Следует создавать такие процедурные условия, которые способствовали бы не только скорейшей компенсации вреда, но и беспрепятственной реализации права на квалифицированную юридическую помощь (вне зависимости от того, на какой стадии судопроизводства – досудебной или судебной – лицо было реабилитировано), а правоприменители, включая суды, должны неукоснительно соблюдать установленные права (статьи 2, 45, 46, 48 и 53 Конституции Российской Федерации).

3. В развитие указанных положений Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет в качестве назначения уголовного судопроизводства, в частности, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод; при этом уголовное преследование и справедливое наказание виновных в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (пункт 2 части первой и часть вторая статьи 6).

Реабилитированным признается лицо, имеющее право на возмещение вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием, в том числе подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор (пункт 35 статьи 5, часть вторая статьи 47 и пункт 1 части второй статьи 133 данного Кодекса). Правовое и фактическое положение лица, реабилитированного оправдательным приговором по обвинению, которое с него самым официально снято, отличается от положения лица, в отношении которого обвинение еще только выдвинуто и которое подвергается уголовному преследованию (обвиняемый в узком смысле слова). Так, данный Кодекс, устанавливая гарантии обеспечения подозреваемому и обвиняемому, подвергаемому уголовному пресле-

дованию, права на защиту, предусматривает, что это право они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя (часть первая статьи 16); в качестве защитников по уголовному делу допускаются адвокаты (статьи 49 и 50). Вместе с тем признание за лицом права на реабилитацию не может служить основанием для ограничения его права на участие в деле адвоката в качестве его представителя (часть пятая статьи 47 данного Кодекса).

Правовой статус и законные притязания реабилитированного на возмещение причиненного ему вреда неразрывно связаны с его предыдущим положением, обусловленным осуществлявшимся в отношении него уголовным преследованием и выдвигавшимся обвинением в совершении преступления, ввиду чего процессуальное положение такого лица является продолжением правового статуса обвиняемого, предполагающего, кроме прочего, право на квалифицированную юридическую помощь и защиту его интересов. Следовательно, это право распространяется и на возмещение реабилитированному причиненного незаконным уголовным преследованием вреда и на восстановление иных его прав.

Согласно части пятой статьи 135 УПК Российской Федерации требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном статьей 399 данного Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, часть четвертая которой, в свою очередь, прямо предусматривает, что осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката. Пленум Верховного Суда Российской Федерации, со своей стороны, разъяснил, что с учетом части четвертой статьи 399 данного Кодекса вопросы, связанные с исполнением приговора, могут рассматриваться судом по ходатайству адвоката (пункт 30 постановления от 20 декабря 2011 года № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»). При этом в соответствии с подпунктом 5 пункта 2 статьи 2 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», оказывая юридическую помощь, адвокат участвует в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и, выступая в таком качестве, преследует не личные интересы, а интересы представляемого им лица.

Приведенные правовые позиции высказаны Конституционным Судом Российской Федерации в ряде его решений (определения от 25 января 2012 года № 231-О-О, от 16 июля 2013 года № 1122-О, от 25 сентября 2014 года № 1916-О, от 28 марта 2017 года № 542-О, от 25 мая 2017 года № 1012-О, от 18 июля 2017 года № 1470-О и др.).

4. Закрепленное в статье 48 Конституции Российской Федерации, в ее части 2, право пользоваться помощью адвоката (защитника) конкретизирует более общее право, предусмотренное частью 1 той же статьи, – право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 года № 8-П, от 28 января 1997 года № 2-П, от 27 июня 2000 года № 11-П и др.). Поэтому статья 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации, дополнительно гарантирующая право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции Российской Федерации), не может толковаться как ограничивающая в возможности получить квалифицированную юридическую помощь адвоката лицо, имеющее право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 53 Конституции Российской Федерации), – такая возможность должна быть предоставлена каждому нуждающемуся лицу, тем более тому, в отношении которого признано право на реабилитацию. Иное умаляло бы конституционное право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах, и противоречило бы статьям 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Из того же исходит и Верховный Суд Российской Федерации, согласно письму которого, полученному Конституционным Судом Российской Федерации, по смыслу взаимос-

вязанных положений части второй статьи 47, части второй статьи 133 и пункта 1 части первой статьи 399 УПК Российской Федерации тем же, что и осужденный, правом осуществлять свои права с помощью адвоката (часть четвертая статьи 399 данного Кодекса) наделен и оправданный (реабилитированный).

Таким образом, часть вторая статьи 135 УПК Российской Федерации, применяемая в системе действующего правового регулирования, не может расцениваться как позволяющая ограничить реабилитированного в праве на квалифицированную юридическую помощь – включая возможность адвоката обратиться в интересах реабилитированного в суд с требованием о возмещении имущественного вреда – на том основании, что право на реабилитацию признано законом за самим этим лицом (обвиняемым, оправданным). Иное истолкование данной нормы лишало бы заинтересованных лиц возможности в полной мере пользоваться гарантированными им Конституцией Российской Федерации правом на получение квалифицированной юридической помощи и правом на судебную защиту, вело бы к умалению конституционных прав, не отвечало бы предписаниям статей 45, 46, 48, 53, 55 и 56 Конституции Российской Федерации.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации принимает во внимание, что М.М. Абдулхалимов, как следует из дополнительно полученной информации, в 2019 году самостоятельно обратился в суд с ходатайством о возмещении причиненного в результате уголовного преследования имущественного вреда. Рассмотрение этого обращения по существу с участием его адвоката продолжается: 12 мая 2020 года Верховный Суд Республики Дагестан, рассмотрев без участия М.М. Абдулхалимова апелляционную жалобу представляющего его интересы адвоката на постановление Советского районного суда города Махачкалы от 5 февраля 2020 года, которым отказано в удовлетворении указанного ходатайства ввиду отсутствия достаточных доказательств, подтверждающих фактически произведенные расходы на юридическую помощь, и придя к выводу, что данное постановление не может быть признано законным, обоснованным и мотивированным, отменил его и направил дело на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать жалобу гражданина Абдулхалимова Магомедшани Магомедовича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесения предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.
3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 11 февраля 2020 г. № 297-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крючкова Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина В.В. Крючкова,

у с т а н о в и л:

1. Часть четвертая статьи 61 «Основания для освобождения от доказывания» ГПК Российской Федерации предусматривает, что вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, иные постановления суда по этому делу и постановления суда по делу об административном правонарушении обязательны для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого они вынесены, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

1.1. Решением Куйбышевского районного суда Санкт-Петербурга от 20 декабря 2018 года частично удовлетворены исковые требования гражданина В.В. Крючкова и в его пользу взыскано 366 000 000 рублей. В.В. Крючков вступил в дело в порядке процессуального правопреемства на основании соглашения об уступке требования, переданного ему гражданином К., за которым приговором Верховного Суда Республики Дагестан от 15 июня 2017 года было признано право на обращение в порядке гражданского судопроизводства в суд с иском о возмещении причиненного преступлением ущерба, чью главную часть составила стоимость похищенных путем мошенничества акций. При этом районным судом была назначена судебная финансово-экономическая экспертиза, заключением которой рыночная стоимость похищенных акций определена как 30 080 000 рублей. Посчитав выводы эксперта достоверными, суд, тем не менее, в основу решения положил размер ущерба, указанный в приговоре, признав со ссылкой на часть четвертую статьи 61 ГПК Российской Федерации данное обстоятельство «не подлежащим повторному рассмотрению и доказыванию».

Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 19 марта 2019 года решение суда первой инстанции изменено: сумма взыскания в пользу В.В. Крючкова уменьшена до 30 080 000 рублей. Обосновывая свои выводы, городской суд исходил

из такого понимания названной нормы, в силу которого «размер ущерба от преступления, установленный в приговоре суда, даже если он имеет квалифицирующее значение для конкретного состава преступления, не имеет преюдициального значения» и «суд, рассматривающий гражданское дело о гражданско-правовых последствиях преступления, устанавливает этот факт на основе доказательств, представленных сторонами и другими лицами, участвующими в деле». Руководствуясь этой позицией, городской суд аргументировал свое решение заключением экспертизы, проведенной по гражданскому делу в суде первой инстанции, фактически расценив приговор в качестве письменного доказательства, не согласующегося к тому же с апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2017 года, в котором указано о похищенных акциях на сумму (округленно) 220 000 000 рублей.

1.2. В.В. Крючков просит признать часть четвертую статьи 61 ГПК Российской Федерации не соответствующей статьям 1 (часть 1), 17 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 52 и 118 (часть 1) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, размер ущерба от преступления, установленный вступившим в законную силу приговором, не имеет преюдициального значения для суда при рассмотрении дела о гражданско-правовых последствиях действий осужденного этим приговором.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, а решения и действия (бездействие) органов государственной власти и местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд (статья 46, части 1 и 2). Право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает их гарантией, оно признается и гарантируется согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, а также обеспечивается на основе закрепленных в ней принципов правосудия, включая независимость судей, их подчинение только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (статьи 17 и 18; статья 120, часть 1; статья 123, часть 3).

Приведенным конституционным положениям корреспондируют предписания статьи 10 Всеобщей декларации прав человека, статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в силу которых каждый для определения его прав и обязанностей и для подтверждения предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на то, чтобы его дело было рассмотрено независимым, беспристрастным и компетентным судом, созданным на основании закона, при предоставлении на основе полного равенства процессуальных гарантий справедливого судебного разбирательства, что также предполагает – имея в виду требования правовой определенности – обязательность и исполнимость судебных решений.

Указанные общие начала осуществления правосудия распространяются на все закрепленные Конституцией Российской Федерации, ее статьей 118 (часть 2), виды судопроизводства (конституционное, гражданское, административное и уголовное) и являются для них едиными, вне зависимости от природы и особенностей материальных правоотношений, определяющих предмет рассмотрения в каждом виде судопроизводства, в рамках которого граждане реализуют конституционное право на судебную защиту. Вместе с тем характером рассматриваемых дел, существом и значимостью назначаемых санкций и их правовых последствий обуславливается закрепление в федеральном законе – применительно к отдельным видам судопроизводства и категориям дел – конкретных способов и процедур судебной защиты, вводя которые федеральный законодатель обязан следовать принципам, лежащим в основе организации судов и их деятельности по осуществлению

правосудия, в том числе на основе разграничения видов судебной юрисдикции и с учетом требований статей 46–53, 118, 120, 123 и 125–128 Конституции Российской Федерации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 1999 года № 9-П, от 21 марта 2007 года № 3-П, от 17 января 2008 года № 1-П и от 21 декабря 2011 года № 30-П).

3. Конституционную основу статуса потерпевшего составляют статьи 45, 46, 52 и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которым каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод; права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба; судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает также из статьи 21 (часть 1) Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления.

Применительно к личности потерпевшего эти конституционные предписания предполагают обязанность государства не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать пострадавшему от преступления возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только тем, кто совершил противоправные действия, но и самим государством. Приведенные положения Конституции Российской Федерации, как и более общие ее нормы, провозглашающие человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту как непосредственно действующих – обязанностью государства (статьи 2 и 18), предписывают законодателю закрепить уголовно-процессуальные механизмы, которые в максимальной степени способствуют противодействию преступлениям, предотвращению их негативных последствий, а также упрощают их жертвам доступ к правосудию с целью восстановления прав и получения необходимой компенсации.

Гарантируя права потерпевших от преступлений, Конституция Российской Федерации не определяет, в какой именно процедуре им должен предоставляться доступ к правосудию, и возлагает решение этого вопроса на федерального законодателя, который, в свою очередь, вправе вводить различный порядок защиты их прав и законных интересов – как в рамках уголовного процесса, так и путем искового производства по гражданскому делу. Конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным, давал ему возможность быть выслушанным судом и эффективно восстановить свои права. Исходя из признания процессуального равенства потерпевших при восстановлении их прав путем уголовного или гражданского судопроизводства, им должны обеспечиваться равные условия, включая оказание содействия со стороны государства в лице его уполномоченных органов в получении доказательств, подтверждающих факт причинения вреда в результате противоправного деяния (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 25 июня 2013 года № 14-П и от 2 марта 2017 года № 4-П).

4. Право на полную и эффективную судебную защиту, по смыслу статьи 46 Конституции Российской Федерации и статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод с учетом принципа правовой определенности как неотъемлемого элемента права на суд, включает в себя исполнимость вступивших в законную силу судебных решений. Соответственно, гарантированному частью третьей статьи 42 УПК Российской Федерации праву потерпевшего на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, должна отвечать обязанность органов публичного уголовного преследования точно

установить ущерб от преступления – как того требует часть первая статьи 73 данного Кодекса, которая прямо относит к числу подлежащих доказыванию обстоятельств наряду с событием преступления (пункт 1) характер и размер причиненного им вреда (пункт 4), – а также обязанность суда, постановляя обвинительный приговор, отразить в нем установленные в ходе рассмотрения уголовного дела характер и размер вреда, причиненного преступлением, в том числе стоимость похищенного как неотъемлемый криминообразующий элемент состава преступления в виде хищения чужого имущества, приняв тем самым законное, обоснованное и мотивированное решение, обеспеченное гарантиями его признания и исполнения.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, из принципов общеобязательности и исполнимости вступивших в законную силу судебных решений в качестве актов судебной власти, обусловленных ее прерогативами, а равно нормами, определяющими место и роль суда в правовой системе Российской Федерации, юридическую силу и значение его решений (статьи 10 и 118 Конституции Российской Федерации), вытекает признание преюдициального значения судебного решения, предполагающего, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в том же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности (постановления от 21 декабря 2011 года № 30-П и от 8 июня 2015 года № 14-П; определения от 6 ноября 2014 года № 2528-О, от 17 февраля 2015 года № 271-О и др.).

Следовательно, факты, установленные вступившим в законную силу приговором суда, имеющие значение для разрешения вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением, впредь до их опровержения должны приниматься судом, рассматривающим этот вопрос в порядке гражданского судопроизводства (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июля 2017 года № 1442-О). Тем более это относится к случаям, когда вступившим в законную силу приговором суда размер вреда, причиненного преступлением, установлен в качестве компонента криминального деяния и влияет на его квалификацию по той или иной норме уголовного закона, на оценку его общественной опасности и назначение наказания.

5. Пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 30-П).

Задачей гражданского судопроизводства – в его конституционном значении (статья 15, часть 1; статья 118, часть 2; статья 120, часть 1, Конституции Российской Федерации) – является разрешение споров о праве и других дел, отнесенных к компетенции судов общей юрисдикции. В соответствии с этим частью четвертой статьи 61 ГПК Российской Федерации установлено, что вступивший в законную силу приговор по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. Приведенная норма предусматривает преюдициальное значение приговора по уголовному делу, включая дело, в котором гражданский иск не предъявлялся или не был разрешен, а также в котором он был оставлен без рассмотрения. В указанных случаях отсутствуют препятствия для предъявления гражданским истцом своих требований в порядке гражданского судопроизводства и такие требования

рассматриваются с учетом общего преюдициального значения вступившего в законную силу приговора.

В то же время приговор не может предрешать устанавливаемый в гражданском деле размер возмещения вреда, причиненного преступлением, что обусловлено особенностями гражданско-правовой ответственности. Определяя общие основания ответственности за причинение вреда, статья 1064 ГК Российской Федерации закрепляет, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. При этом размер возмещения подлежит установлению судом в том числе в результате оценки доказательств, представленных сторонами в соответствии с общими правилами доказывания, регламентированными статьей 56 ГПК Российской Федерации.

Этому соответствует и позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который в пункте 8 постановления от 19 декабря 2003 года № 23 «О судебном решении» указал: суд, принимая решение по иску, вытекающему из уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика, а может разрешать вопрос лишь о размере возмещения; в решении суда об удовлетворении иска, помимо ссылки на приговор по уголовному делу, следует также приводить имеющиеся в гражданском деле доказательства, обосновывающие размер присужденной суммы (например, учет имущественного положения ответчика или вины потерпевшего).

Таким образом, часть четвертая статьи 61 ГПК Российской Федерации, по своему смыслу в системе действующего правового регулирования, не может служить основанием для переоценки того размера вреда, причиненного преступлением, который установлен вступившим в законную силу приговором в качестве компонента криминального деяния (для переоценки фактов, установленных вступившим в законную силу приговором суда и имеющих значение для разрешения вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением). В любом случае вопрос о размере возмещения ущерба от преступления решается судом в порядке гражданского судопроизводства с соблюдением всех применимых конституционных и отраслевых принципов.

6. Согласно Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемый заявителем закон (часть вторая статьи 36). Следовательно, отсутствие такой неопределенности влечет отказ Конституционного Суда Российской Федерации в принятии обращения к рассмотрению.

Поскольку в свете сохраняющих свою силу правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации неопределенность в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации части четвертой статьи 61 ГПК Российской Федерации в указанном В.В. Крючковым аспекте отсутствует, его жалоба не может быть признана допустимой и принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению. Установление же в целях применения оспариваемой нормы обстоятельств, имеющих значение при решении вопроса о размере возмещения ущерба, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крючкова Владимира Владимировича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного

закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 14 января 2020 г. № 6-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И. Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.Е. Ефимова,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин А.Е. Ефимов оспаривает конституционность статьи 109 УПК Российской Федерации, регламентирующей сроки содержания под стражей и порядок их продления судом.

А.Е. Ефимов был задержан 6 марта 2018 года по подозрению в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, в рамках расследования уголовного дела, возбужденного 5 марта 2018 года следственным отделом по городу Всеволожску следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ленинградской области и соединенного в одно производство с рядом других уголовных дел. Постановлением Всеволожского городского суда от 9 марта 2018 года в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок применения которой неоднократно продлевался судом (вплоть до 12 месяцев – до 5 марта 2019 года). В удовлетворении ходатайства следователя об очередном продлении этого срока отказано постановлением Санкт-Петербургского городского суда от 1 марта 2019 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам того же суда от 7 мая 2019 года. Суды, приняв во внимание стадию производства по делу, расследование которого фактически завершено и по которому 15 января 2019 года начато выполнение требований статьи 217 УПК Российской Федерации об ознакомлении обвиняемого и его защитников с материалами дела, пришли к выводу, что обстоятельства, учтенные при избрании и предыдущих продлениях срока содержания под стражей, существенно изменились и утратили прежнюю актуальность, а потому подлежит удовлетворению ходатайство стороны защиты об изменении меры пресечения на домашний арест.

В это же время в производстве следственного управления УМВД России по Всеволожскому району находилось другое уголовное дело, которое было возбуждено 27 февраля

2018 года по признакам преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации, и расследование которого ввиду неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, было приостановлено 31 июня 2018 года на основании пункта 1 части первой статьи 208 УПК Российской Федерации, но 25 февраля 2019 года возобновлено. По подозрению в совершении данного преступления А.Е. Ефимов задержан 1 марта 2019 года, и постановлением Всеволожского городского суда от 2 марта 2019 года ему избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, срок которой исчислялся самостоятельно, независимо от времени содержания его под стражей по первому делу, и неоднократно продлевался судом со ссылкой в числе прочего на наличие у А.Е. Ефимова двойного гражданства, нескольких паспортов иностранных государств, его способность оказать воздействие на свидетелей с целью изменения их показаний. Доводы стороны защиты о необходимости учитывать при разрешении вопросов о мере пресечения время содержания А.Е. Ефимова под стражей по другому уголовному делу отвергнуты, и указано на самостоятельные исследование и оценку судом обстоятельств и оснований заключения под стражу по каждому делу (апелляционные постановления Ленинградского областного суда от 20 марта, 10 апреля и 24 июля 2019 года).

Как утверждается в жалобе, статья 109 УПК Российской Федерации не соответствует статье 22 Конституции Российской Федерации, поскольку содержит неопределенность в части установления срока содержания под стражей обвиняемого, чье уголовное преследование осуществляется в рамках двух и более уголовных дел. Такой дефект оспариваемой статьи влечет, по мнению заявителя, нарушение требования ее части второй о недопустимости превышения предельного (12 месяцев) срока данной меры пресечения.

2. По смыслу статей 17 (часть 2), 21 (часть 1) и 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, принадлежащее каждому от рождения право на свободу и личную неприкосновенность воплощает наиболее значимое социальное благо, которое, исходя из признания государством достоинства личности, предопределяет недопустимость произвольного вмешательства в сферу ее автономии. Названное право, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением задержания, ареста, заключения под стражу или с лишением свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований и вне надлежащей процедуры, а также сверх установленных либо контролируемых сроков (постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 марта 2002 года № 6-П и от 22 марта 2005 года № 4-П; определения от 23 июня 2000 года № 175-О, от 8 апреля 2004 года № 132-О и др.). Это отвечает требованиям как статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, допускающей ограничение прав и свобод человека и гражданина только федеральным законом и лишь в той мере, в какой оно необходимо в определенных ею целях, так и международно-правовых актов, согласно которым каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение (пункт 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах и пункт 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Приведенные требования Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, а также основанные на них правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации предполагают, что ограничение права на свободу и личную неприкосновенность в связи с необходимостью изоляции лица от общества, применяемой в виде меры пресечения в уголовном процессе, – вне зависимости от того, на какой его стадии принимаются решения о ее применении, – должно обеспечиваться судебным контролем и другими правовыми гарантиями справедливости и соразмерности такого ограничения, с тем чтобы данный вопрос не мог решаться произвольно или исходя из одних лишь формальных условий, а суд основывался на самостоятельной оценке существенных для соответствующих решений

обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. При этом конкретные границы контролируемых судом сроков содержания под стражей непосредственно Конституцией Российской Федерации не устанавливаются и не являются обязательным условием обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность и его судебной защиты, а определяются законодателем с учетом их разумности, недопустимости возложения на подозреваемого, обвиняемого обременений на неопределенное или слишком долгое время и имея в виду требования эффективной реализации публичных функций и процессуальной экономии (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 года № 23-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2016 года № 1436-О).

3. Конкретизируя положения Конституции Российской Федерации применительно к такой мере пресечения, как заключение под стражу, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации определяет единые для всего уголовного судопроизводства нормативные основания ее применения и подлежащие учету при ее избрании обстоятельства (статьи 97, 99, 100 и 108), устанавливает сроки содержания под стражей и порядок их продления в досудебном производстве (статья 109), закрепляет обязанность суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишенного свободы, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного данным Кодексом (часть вторая статьи 10).

Согласно статье 109 данного Кодекса содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца (часть первая); при невозможности закончить предварительное следствие в указанный срок он может быть продлен до 6 месяцев; дальнейшее продление срока до 12 месяцев допускается в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, только в случаях особой сложности уголовного дела (часть вторая), а в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, – до 18 месяцев (часть третья); дальнейшее продление пребывания под стражей, по общему правилу, не допускается, чем предопределяется обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого (часть четвертая). В соответствии с частью восьмой названной статьи судья на основании оценки приведенных в ходатайстве о продлении срока содержания под стражей мотивов, а также с учетом правовой и фактической сложности материалов уголовного дела, общей продолжительности досудебного производства по нему, эффективности действий органов предварительного расследования и своевременности производства следственных и иных процессуальных действий принимает в порядке, предусмотренном частями четвертой, шестой, восьмой и одиннадцатой статьи 108 данного Кодекса, решение либо о продлении срока содержания под стражей на определенный срок (пункт 1), либо об отказе в удовлетворении ходатайства следователя и освобождении обвиняемого из-под стражи (пункт 2).

Повторное обращение в суд с ходатайством о заключении под стражу одного и того же лица по тому же уголовному делу после вынесения судьей постановления об отказе в избрании этой меры пресечения возможно в силу части девятой статьи 108 данного Кодекса лишь при возникновении новых обстоятельств, обосновывающих необходимость заключения лица под стражу. В соответствии с этим частью двенадцатой статьи 109 данного Кодекса определен для такого рода ситуаций порядок исчисления сроков содержания под стражей, согласно которому в случае повторного заключения под стражу по тому же уголовному делу, а равно по соединенному с ним или выделенному из него уголовному делу срок содержания под стражей исчисляется с учетом времени, проведенного подозреваемым, обвиняемым под стражей ранее.

Приведенные законоположения устанавливают процессуальные гарантии от избыточно-го и несоразмерного содержания под стражей на досудебной стадии уголовного процесса, которые распространяются как на случаи повторного избрания этой меры пресечения в от-

ношении одного и того же лица по тому же уголовному делу, так и на случаи исчисления сроков содержания под стражей по соединенному с ним или выделенному из него делу, т.е. при условии официального подтверждения органом предварительного расследования связи существа нескольких дел посредством принятия решений об их соединении или выделении.

Вместе с тем установленный статьей 108 данного Кодекса порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу не содержит ограничений на ее применение по новому уголовному делу, возбужденному в отношении того же лица по признакам другого преступления, не совпадающего по фактическому составу – в силу недопустимости отступления от принципа *non bis in idem* – с деяниями, вменяемыми в вину по ранее возбужденному и оконченному расследованием уголовному делу, а статья 109 данного Кодекса, закрепляющая порядок исчисления сроков содержания под стражей, не включает положений, определяющих совокупный предельный срок (совокупную продолжительность) содержания под стражей лица, обвиняемого в совершении нескольких преступлений, если уголовные дела о них не соединены в одно производство и ни одно из таких дел не выделено из другого. Это обусловлено тем, что мера пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, не будучи мерой ответственности в уголовно-правовом смысле, относится к мерам уголовно-процессуального принуждения, имеющим собственные легитимные основания, наличие которых придает необходимую правомерность существенным правоограничениям, налагаемым на лицо, еще не признанное виновным в совершении преступления приговором суда, в целях обеспечения посредством правосудия защиты значимых для общества ценностей.

В силу уголовно-процессуальных норм, регламентирующих в своей взаимосвязи применение мер пресечения, избрание заключения под стражу, равно как и продление срока содержания под стражей возможны лишь при наличии указанных в статье 97 данного Кодекса достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, а также при необходимости обеспечить исполнение приговора или возможную выдачу лица иностранному государству. Соответствующие решения принимаются судом в рамках производства по конкретному уголовному делу, имея целью создать надлежащие условия для осуществления производства именно по данному делу, пределы которого определяет инкриминируемое лицу деяние, и выносятся, если суд считает, что это лицо будет нарушать свои обязанности (скроется, уничтожит доказательства и др.). Следовательно, применение судом в качестве меры пресечения заключения под стражу или замена ею ранее избранной меры пресечения возможны только в связи с установлением обстоятельств, свидетельствующих о наличии законных оснований для этого и указывающих на недостаточность предшествующих мер (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 года и Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 года № 92-О). При этом не могут не учитываться и изменения в отношении лица к исполнению своих обязанностей, вызванные предъявлением обвинения (выдвижением подозрения) в совершении другого преступления в рамках вновь возбужденного уголовного дела.

Таким образом, статья 109 УПК Российской Федерации предполагает принятие судом решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей, в том числе до предельного, на основе общих для всего уголовного судопроизводства положений статей 97, 99, 108 и 109 данного Кодекса, которые подлежат единообразному применению по каждому из отдельно расследуемых в отношении одного и того же лица дел, не требуя при этом учитывать по правилам части двенадцатой статьи 109 данного Кодекса время, проведенное им под стражей по ранее возбужденному уголовному делу, при определении срока содержания под стражей по новому делу в случае раздельного производства по ним. Иной порядок, предполагающий совокупное исчисление времени

содержания лица под стражей по уголовным делам, которые не соединены в одно производство и ни одно из которых не выделено из другого, приводил бы к взаимозависимости решений об избрании и продлении этой меры пресечения, что, вопреки основаниям и условиям ее избрания, вело бы к игнорированию общественной опасности инкриминированного по новому делу преступления и прочих значимых обстоятельств, диктующих необходимость ограничения свободы данного лица. Тем самым ставились бы под угрозу ценности, для защиты которых избирается мера пресечения.

3.1. Одним из процессуальных средств формирования пределов и изменения объема производства по уголовному делу посредством его расширения либо сужения в стадии предварительного расследования и на предварительном слушании в суде первой инстанции является соединение или выделение уголовных дел (статьи 153, 154, 239.1 и 239.2 УПК Российской Федерации).

Согласно статье 153 УПК Российской Федерации в одном производстве могут быть соединены в том числе уголовные дела в отношении одного лица, совершившего несколько преступлений (пункт 2 части первой), а также уголовные дела в случаях, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц (часть вторая). Принятие такого решения призвано не только обеспечить всесторонность, полноту и объективность рассмотрения дела в разумный срок без неоправданной задержки, но и содействовать эффективному осуществлению правосудия по уголовным делам за счет процессуальной экономии, связанной с возможностью одновременного расследования сразу нескольких преступных деяний, совершенных одним лицом, чем предопределяются особенности исчисления как сроков производства по делу, образовавшемуся в результате соединения нескольких уголовных дел (часть четвертая статьи 153 данного Кодекса), так и сроков содержания под стражей по такому делу (часть двенадцатая статьи 109 данного Кодекса).

Однако само по себе выявление новых эпизодов криминальной деятельности одного и того же лица, которые могут быть связаны либо не связаны с расследуемыми в его отношении преступными деяниями по различным объективным и субъективным признакам, не влечет автоматического соединения уголовных дел. В частности, они могут не соединяться в одно производство по той причине, что отдельные деяния расследуются разными органами по месту их совершения или совместное расследование преступлений (не являющихся однородными и совершенных с большим разрывом во времени) может привести к такой длительности производства по делу, когда к его окончанию истечет срок давности уголовного преследования по первоначальному делу, расследование которого тем самым становится бессмысленным. Поэтому соединение уголовных дел выступает проявлением дискреционного усмотрения осуществляющих производство по делу должностных лиц и органов, определяющих, имеются ли основания для соединения, обеспечит ли оно в конкретном случае решение задач уголовного судопроизводства и защиту прав и законных интересов участников процесса, и решающих данный вопрос, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, с учетом всех обстоятельств, включая доводы, приводимые сторонами в обоснование своей позиции. При этом Конституционный Суд Российской Федерации констатировал, что раздельным рассмотрением уголовных дел не нарушаются право на защиту и право на разрешение дела законным судом, поскольку они обеспечиваются обвиняемому по каждому из дел (определения от 16 марта 2006 года № 61-О и от 26 мая 2016 года № 1098-О). Сказанное в равной мере относится и к процедурам избрания и продления меры пресечения в виде заключения под стражу по раздельно расследуемым и рассматриваемым уголовным делам.

Следовательно, ни пункт 3 части второй статьи 38 данного Кодекса, уполномочивающий следователя по находящемуся в его производстве уголовному делу самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных

процессуальных действий (за исключением случаев, когда в соответствии с законом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа), ни пункт 2 части первой статьи 153 данного Кодекса, предоставляющий возможность соединения в одном производстве уголовных дел в отношении одного лица, совершившего несколько преступлений, не предполагают, что следователь действует по своему произвольному усмотрению. Учитывая же позицию Конституционного Суда Российской Федерации о том, что при решении вопросов, связанных с заключением под стражу, суд должен исследовать фактические и правовые основания для избрания или продления этой меры пресечения при обеспечении лицу возможности довести до суда свою позицию, с тем чтобы такие вопросы не могли решаться произвольно или исходя из каких-либо формальных условий, а суд мог бы самостоятельно оценить обстоятельства, приводимые как стороной обвинения, так и стороной защиты (постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, от 10 декабря 1998 года № 27-П и от 22 марта 2005 года № 4-П), и принимая во внимание взаимосвязь части двенадцатой статьи 109 и статьи 153 данного Кодекса, суд вправе при избрании этой меры пресечения дать оценку также законности и обоснованности проведения раздельного предварительного расследования соответствующих уголовных дел.

Судебные механизмы, используемые для защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применяется заключение под стражу, не исключают и возможность обжаловать в порядке статьи 125 данного Кодекса решение осуществляющих производство по делу должностных лиц и органов об отказе в соединении уголовных дел, если такой отказ будет признан способным причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, в частности если он повлиял или может повлиять на решение об избрании этой меры пресечения или продлении ее сроков.

3.2. Рассматривая вопрос о продлении срока содержания под стражей, суд исходит из анализа всего комплекса фактических обстоятельств и нормативных оснований применения этой меры пресечения, которые являются едиными для всего уголовного судопроизводства, оценивает достаточность представленных сторонами материалов для принятия законного и обоснованного решения и определения того, какие именно сведения свидетельствуют о наличии предусмотренных статьей 97 УПК Российской Федерации оснований для применения меры пресечения (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 14-П и от 22 марта 2005 года № 4-П).

При этом данный Кодекс, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2015 года № 23-П, содержит средства правовой защиты - как превентивного, так и компенсаторного характера - от произвольного или несоразмерно длительного содержания под стражей при осуществлении уголовного судопроизводства. К ним относятся сокращенный срок подачи и рассмотрения жалобы на судебные решения, связанные с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу (часть одиннадцатая статьи 108), право обвиняемого и его защитника в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство об отмене или изменении меры пресечения (статьи 47, 53 и 119–122), зачет времени содержания под стражей при определении общего срока назначенного судом наказания (пункты 5 и 9 части первой статьи 308), право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 данного Кодекса, в случае незаконного применения мер процессуального принуждения, включая меры пресечения, даже если органом предварительного расследования или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого (части третья и пятая статьи 133; пункты 4 и 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 года № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»), а также возможность присуждения компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по основаниям

и в порядке, которые закреплены Федеральным законом от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и статьей 6.1 данного Кодекса.

4. Таким образом, статья 109 УПК Российской Федерации сама по себе не может расцениваться как нарушающая права заявителя в указанном в его жалобе аспекте. Ставя вопрос о ее конституционности, он, по существу, выражает несогласие с решениями судов об избрании ему меры пресечения в виде заключения под стражу, предлагая Конституционному Суду Российской Федерации оценить их законность и обоснованность, а также правомерность бездействия органов уголовного преследования, выразившегося в несоединении возбужденных в отношении него уголовных дел в одно производство.

Между тем вопросы соединения дел не входят в предмет регулирования оспариваемой нормы, а из правоприменительных решений, связанных с избранием и продлением А.Е. Ефимову меры пресечения в виде заключения под стражу, следует, что судами не установлено каких-либо обстоятельств, свидетельствующих о неэффективной организации предварительного расследования и неоправданном затягивании проведения конкретных следственных действий по уголовному делу (постановление Всеволожского городского суда от 17 июня 2019 года и апелляционное постановление Ленинградского областного суда от 24 июля 2019 года). Проверка же того, имелись ли объективные предпосылки для изменения пределов судопроизводства путем соединения уголовных дел в отношении заявителя, не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 14 января 2020 г. № 5-О

по жалобе гражданки Мариной Анны Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 125 и частью четвертой статьи 221 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И. Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки А.Н. Мариной,

у с т а н о в и л:

1. Гражданка А.Н. Марина оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

части первой статьи 125, предусматривающей, что постановления органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления;

части четвертой статьи 221, согласно которой постановление прокурора о возвращении уголовного дела следователю может быть обжаловано им в течение 72 часов с момента поступления к нему уголовного дела с согласия руководителя следственного органа вышестоящему прокурору, а при несогласии с его решением – Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти); вышестоящий прокурор в течение 10 суток с момента поступления соответствующих материалов выносит постановление или об отказе в удовлетворении ходатайства следователя, или об отмене постановления нижестоящего прокурора, – в последнем случае вышестоящий прокурор утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд.

Как следует из представленных и дополнительно полученных Конституционным Судом Российской Федерации материалов, А.Н. Марина была признана потерпевшей по уголовно-

му делу, возбужденному 18 декабря 2014 года следственным отделом по городу Балашихе главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Московской области в связи с ненадлежащим исполнением врачами больницы в городе Реутов своих обязанностей при проведении 28 января 2014 года платной хирургической операции ее отцу, после которой он скончался в отделении реанимации. Дело возбуждено по части второй статьи 293 УК Российской Федерации, предусматривающей ответственность за халатность, повлекшую по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека. 2 марта 2015 года уголовное преследование, осуществляемое в рамках данного дела в отношении оперирующего хирурга Г. по обвинению в халатности, прекращено и продолжено по части второй статьи 109 того же Кодекса о причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей. 30 апреля 2015 года действия Г. переквалифицированы на пункт «в» части второй статьи 238 того же Кодекса, устанавливающий ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека.

По окончании расследования материалы уголовного дела вместе с обвинительным заключением 18 мая 2016 года переданы в прокуратуру. Однако постановлением заместителя прокурора города Реутов от 1 июня 2016 года дело возвращено в следственный орган для производства дополнительного следствия с указанием на необходимость квалификации содеянного – поскольку действия Г., будучи направлены на лечение пациента, совершены с неосторожной формой вины – по части второй статьи 109 УК Российской Федерации. Это решение обжаловано следователем в порядке части четвертой статьи 221 УПК Российской Федерации, но постановлениями прокурора города Реутов, заместителя прокурора Московской области и прокурора Московской области, принятыми соответственно 10 июня, 12 июля и 4 августа 2016 года, в удовлетворении жалобы отказано. Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации постановлением от 8 сентября 2016 года также отклонил жалобу, ссылаясь на то, что следствием не добыто сведений об умышленном нарушении Г. в своей врачебной деятельности требований безопасности жизни и здоровья потребителей.

По результатам дополнительного следствия Г. предъявлено обвинение в совершении предусмотренного частью второй статьи 109 УК Российской Федерации деяния, относящегося к преступлениям небольшой тяжести, срок давности уголовного преследования за которые составляет два года, и постановлением следователя от 20 ноября 2016 года уголовное дело прекращено на основании пункта 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации – за истечением этого срока. Данное постановление обжаловано потерпевшей в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации в Балашихинский городской суд, который в удовлетворении жалобы отказал, сославшись на то, что при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) следователя судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела и квалификации деяния (постановление от 30 ноября 2017 года), с чем согласился Московский областной суд (апелляционное постановление от 30 января 2018 года). Судья Верховного Суда Российской Федерации, отказывая в передаче поданной в интересах А.Н. Мариной жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, также указал, что правомерность переквалификации действий Г. со статьи 238 УК Российской Федерации на статью 109 того же Кодекса не может быть предметом проверки в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, поскольку этот вопрос относится к компетенции суда первой инстанции и разрешается при рассмотрении уголовного дела по существу (постановление от 27 июня 2018 года).

После этого представителем потерпевшей обжаловано в Балашихинский городской суд само решение заместителя прокурора города Реутов о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия с указанием о квалификации содеянного по статье уголовного закона, предусматривающей ответственность за менее тяжкое

преступление. В принятии жалобы к рассмотрению по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации отказано постановлением судьи от 18 января 2019 года со ссылкой на то, что уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок обжалования решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемого. С таким выводом согласился Верховный Суд Российской Федерации, судья которого, отказывая постановлением от 28 мая 2019 года в передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, отметил, что соответствующее решение прокурора не является предметом обжалования в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, поскольку оно вынесено в рамках осуществления прокурором надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и для его обжалования в досудебном производстве предусмотрен специальный порядок, установленный частью четвертой статьи 221 того же Кодекса.

По мнению А.Н. Мариной, часть первая статьи 125 и часть четвертая статьи 221 УПК Российской Федерации противоречат статьям 46 (части 1 и 2), 52 и 53 Конституции Российской Федерации в той мере, в какой по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, допускают отказ в принятии к рассмотрению судом жалоб участников уголовного судопроизводства на процессуальные решения органов прокуратуры, связанные с прекращением уголовного дела, по мотиву наличия ведомственного порядка их обжалования.

2. Согласно Конституции Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 2; статья 17, часть 1; статья 18; статья 21, часть 1; статья 45; статья 46, части 1 и 2; статьи 52 и 53) в России как демократическом правовом государстве права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, государство обеспечивает им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба на основе принципа уважения и охраны достоинства личности, предполагающего, в частности, обязанность обеспечивать каждому возможность отстаивать свои права в споре с любыми органами и должностными лицами, в том числе осуществляющими уголовное преследование.

Приведенным конституционным требованиям корреспондируют положения Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (утверждена Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года) о том, что лица, которым был причинен вред в результате деяния, нарушающего национальные уголовные законы, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством, а судебные и административные процедуры должны отвечать потребностям этих лиц в тех случаях, когда затрагиваются их личные интересы, но без ущерба для обвиняемых и согласно национальной системе уголовного правосудия (пункты 1, 4 и 6).

Соответственно, устанавливаемые законодателем уголовно-процессуальные механизмы должны – как того требует Конституция Российской Федерации и нормы международного права, являющиеся составной частью правовой системы России (статья 15, часть 4, Конституции Российской Федерации), – в максимальной степени способствовать предупреждению и пресечению преступлений, предотвращению их негативных последствий для прав и охраняемых законом интересов граждан, а также упрощать жертвам преступлений доступ к правосудию. Конституционно важно при этом, чтобы такой доступ был реальным и обеспечивал потерпевшему эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, поскольку иное означало бы умаление права на судебную защиту, а вместе с тем – чести и достоинства личности, причем не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 28 мая 1999 года № 9-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 1 марта 2012 года № 5-П, от 18 марта 2014 года № 5-П, от 16 ноября 2018 года № 43-П и др.).

3. В силу особенностей своего статуса потерпевший не наделяется правом предопределять осуществление и пределы уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения, самостоятельно выдвигать и поддерживать обвинение в суде. В то же время, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, потерпевший как лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации, имеет в уголовном судопроизводстве свои собственные интересы, несводимые исключительно к возмещению причиненного ему вреда, – эти интересы в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности и объеме обвинения, о применении уголовного закона и назначении наказания, от решения которых, в свою очередь, во многих случаях зависят реальность и конкретные размеры возмещения вреда (постановления от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 16 октября 2012 года № 22-П, от 18 марта 2014 года № 5-П и др.).

Реализация потерпевшим права официально довести свою позицию по названным вопросам в ходе досудебного производства по уголовному делу зависит прежде всего от обеспечения этого права органами публичного уголовного преследования и их должностными лицами. Так, потерпевший вправе в любой момент производства по уголовному делу заявить ходатайство о производстве процессуальных действий или принятии процессуальных решений для установления обстоятельств, имеющих значение для дела; ходатайство подлежит рассмотрению и разрешению дознавателем, следователем (статьи 119–122 УПК Российской Федерации), а полный или частичный отказ в его удовлетворении может быть обжалован руководителю следственного органа или прокурору (статьи 123 и 124 УПК Российской Федерации).

При этом установленный частями первой – третьей статьи 124 УПК Российской Федерации порядок рассмотрения прокурором или руководителем следственного органа жалобы участвующих в уголовном процессе частных лиц, включая потерпевших, не согласных с действиями (бездействием) и решениями должностного лица, ведущего производство по делу в досудебных стадиях, не распространяется на указанный в ее части четвертой порядок обжалования дознавателем или следователем действия (бездействия) и решения руководителя следственного органа или прокурора соответственно руководителю вышестоящего следственного органа или вышестоящему прокурору в порядке ведомственного контроля или прокурорского надзора. Для такого рода жалоб *suī generis*, в которых должностные лица, ведущие производство по уголовному делу, официально излагают свою позицию, расходящуюся с позицией их непосредственного ведомственного руководителя или осуществляющего надзор прокурора, предусмотрена специальная процедура обжалования. В частности, пунктом 5 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации следователь уполномочен обжаловать с согласия руководителя следственного органа в порядке, установленном частью четвертой статьи 221 того же Кодекса, решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков. Соответственно, в предмет регулирования статьи 221 УПК Российской Федерации, обращенной к прокурору и определяющей его действия и решения по поступившему к нему от следователя уголовному делу с обвинительным заключением, а также возможность обжалования следователем этих действий и решений вышестоящему прокурору, не входит порядок обжалования потерпевшим действий (бездействия) и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, который определен иными нормами того же Кодекса.

Из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащихся в постановлении от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», также следует, что не подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации решения и действия (бездействие) должностных лиц, полномочия которых не связаны с осуществлени-

ем уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу, в том числе прокурора, осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (абзац второй пункта 3), а равно действия (бездействие) и решения, для которых уголовно-процессуальным законом предусмотрен специальный порядок их обжалования в досудебном производстве, включая решение прокурора о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, решение прокурора о возвращении уголовного дела для производства дополнительного дознания либо пересоставления обвинительного акта в случае его несоответствия требованиям закона (пункт 3.1).

Наличие ведомственного порядка обжалования решения прокурора о возвращении уголовного дела следователю означает, в частности, что обвинение по делу должно исходить от государства в лице органов уголовного преследования, а потому автономные споры органов предварительного расследования и прокурора относительно существа или объема обвинения и квалификации содеянного соответствуют публично-правовой природе уголовного процесса. В этой связи закрепленный частью четвертой статьи 221 УПК Российской Федерации порядок обжалования следователем постановления прокурора о возвращении дела, определяющий взаимоотношения соответствующих должностных лиц при отправлении ими должностных полномочий в ходе досудебного производства, не распространяется на потерпевших и иных лиц, выступающих в защиту собственных интересов, а потому не может расцениваться как нарушающий конституционные права А.Н. Мариной в обозначенном ею аспекте, тем более в случаях, когда процессуальное решение, принятое в рамках прокурорско-надзорных полномочий, само по себе не ведет к причинению ущерба конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо реальному ограничению их доступа к правосудию.

Такого рода ограничения связаны с последующими процессуальными актами следователя как процессуально самостоятельного лица, на которое возложены обязанности по раскрытию преступлений, изобличению виновных, формулированию обвинения и его обоснованию, для того чтобы уголовное дело могло быть передано в суд, разрешающий его по существу, а также уполномоченного статьей 213 УПК Российской Федерации прекратить уголовное дело своим постановлением, которое, в свою очередь, подлежит отдельному судебному контролю. При этом предшествующее оспаривание указанного решения прокурора следователем на основании части четвертой статьи 221 УПК Российской Федерации не может служить основанием для отказа потерпевшему в разрешении его жалобы судом по правилам статьи 125 того же Кодекса. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, если лицо не согласно с постановлением прокурора или руководителя следственного органа, вынесенным в соответствии со статьей 124 УПК Российской Федерации, то предметом судебного обжалования выступает не сам по себе отказ прокурора или руководителя следственного органа в удовлетворении обращения лица, а непосредственно те действия (бездействие) и решения органов дознания, их должностных лиц или следователя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (абзац третий пункта 3 постановления от 10 февраля 2009 года № 1).

3.1. Тем самым отсутствие возможности обжаловать в судебном порядке акты, принятые прокурором в рамках его надзорных полномочий по поступившему к нему от следователя уголовному делу с обвинительным заключением, не служит препятствием для проверки правомерности основанных на этих актах процессуальных решений должностных лиц, ведущих предварительное расследование, судом, правомочным в ходе досудебного производства рассматривать жалобы заинтересованных участников процесса, включая потерпевших, на действия (бездействие) и решения субъектов расследования, при условии, что они

способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (часть третья статьи 29 и статья 125 УПК Российской Федерации).

В то же время – в силу принципа состязательности сторон судопроизводства, закрепленного в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и предполагающего разграничение в уголовном процессе функций осуществления правосудия, обвинения и защиты, – на суд как орган правосудия не может возлагаться выполнение несвойственных ему задач, связанных с уголовным преследованием. В связи с этим при проверке в ходе досудебного производства тех или иных процессуальных актов суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства, а потому судебный контроль законности и обоснованности действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования по такого рода вопросам может осуществляться лишь одновременно с принятием решения по существу уголовного дела (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 1998 года № 20-П, от 23 марта 1999 года № 5-П, от 14 января 2000 года № 1-П, от 27 июня 2005 года № 7-П, от 21 ноября 2017 года № 30-П и др.).

3.2. Особое место в ряду предметов судебного контроля занимают постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о его прекращении, во всяком случае подлежащие, по смыслу статьи 125 УПК Российской Федерации, оспариванию в судебном порядке – как способные заблокировать доступ заинтересованных лиц в суд, поскольку эти процессуальные акты принимаются при наличии обстоятельств, с которыми закон связывает прекращение уголовно-процессуальной деятельности, если она уже началась, чем создается непреодолимое препятствие для дальнейшего обращения за судебной защитой нарушенного права.

Основанное на позиции прокурора решение следователя о переквалификации инкриминируемого обвиняемому преступления на такое, по которому истекает срок давности уголовного преследования, исключает саму возможность продолжить производство по уголовному делу, а потому равнозначно по своим юридическим последствиям решению о прекращении уголовного дела и способно – в случае допущенных при его принятии ошибок и нарушений – влечь такой ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, восполнение которого в результате отложенного судебного контроля на последующих этапах судопроизводства оказывается неосуществимым, поскольку прекращенное дело не может быть рассмотрено по существу.

При таких обстоятельствах, когда выбор нормы уголовного закона предрешает судьбу уголовного дела (влечет его прекращение), лишаются смысла доводы о том, что проверка фактической обоснованности данного выбора, отраженного в решении следователя о прекращении уголовного дела, относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего дело по существу, и не производится в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации. Именно в силу изменения квалификации содеянного на преступление, срок уголовного преследования за которое истек или вскоре истечет, уголовное дело прекращается на досудебной стадии процесса, а значит, судебный контроль за деятельностью органов предварительного расследования, имеющий место на дальнейших его стадиях, становится невозможным. Отсутствие же возможности исправить последствия ошибочного решения органа, осуществляющего уголовное преследование, не согласуется с универсальным правилом эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года № 30-П).

Этим предопределяется необходимость обеспечить потерпевшего от преступления – как участника производства по уголовному делу, чьи права и законные интересы напрямую затрагиваются его прекращением на досудебной стадии ввиду истечения срока давности уголовного преследования, – возможностью безотлагательного судебного контроля такого решения при оспаривании им актов органов предварительного расследования, вынесенных в ходе уголовного преследования.

3.3. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что судья, рассматривая жалобу по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации – по буквальному смыслу которой он обязан проверить законность и обоснованность обжалуемого действия (бездействия) или решения (часть третья), – не должен, во избежание искажения сути правосудия, ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности обжалуемых действий (бездействия) и решений (определения от 24 марта 2005 года № 151-О, от 12 апреля 2018 года № 867-О и от 29 января 2019 года № 14-О).

Для того чтобы повлечь прекращение уголовного дела, любое из обстоятельств, исключая дальнейшее по нему производство, должно быть установлено с достоверностью, что предполагает оценку как юридических, так и фактических к тому оснований, на основе которой подтверждаются либо опровергаются законность и обоснованность обжалуемого решения. Вытекающее же из части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации требование выносить лишь законные, обоснованные и мотивированные решения, адресуемое в том числе и следователю, означает, что его постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования (независимо от того, обусловлено ли прекращение изменением квалификации инкриминируемого деяния по указанию прокурора либо по усмотрению следователя) должно содержать обоснование такого решения изложенными в нем фактическими обстоятельствами.

Сказанное предполагает и полномочия суда при рассмотрении жалобы потерпевшего на решение следователя о прекращении уголовного дела, обусловленное позицией прокурора, процессуально выраженной при осуществлении им надзора за деятельностью органов предварительного расследования, всесторонне оценивать законность и фактическую обоснованность такого решения, принимая во внимание также письменные указания прокурора, данные им при возвращении материалов уголовного дела в следственный орган для производства дополнительного следствия, подтверждающие или опровергающие наличие достаточных сведений, свидетельствующих о правовых и фактических основаниях для прекращения дела.

Кроме того, суду надлежит выяснить, являлись ли предметом изучения в ходе предварительного расследования приведенные в жалобе потерпевшего обстоятельства. В связи с этим Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что если заявитель обжалует постановление о прекращении уголовного дела, то при рассмотрении жалобы судья, не давая оценки имеющимся в деле доказательствам, должен выяснять, проверены и учтены ли дознавателем, следователем или руководителем следственного органа все обстоятельства, на которые указывает в своей жалобе заявитель, и могли ли эти обстоятельства повлиять на вывод о наличии оснований для прекращения уголовного дела (пункт 15 постановления от 10 февраля 2009 года № 1).

3.4. По результатам рассмотрения жалобы в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации суд выносит постановление либо о признании действия (бездействия) или решения соответствующего должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, либо об оставлении жалобы без удовлетворения (часть пятая). При этом, признавая решение следователя о прекращении уголовного дела незаконным или необоснованным и обязывая устранить допущенное нарушение, суд не наделен полномочиями самому отменять такое решение, а также принимать взамен него решения, обязывающие возбуждать или возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица, поскольку в этом случае он в той или иной мере фактически принимал бы участие в осуществлении предварительного расследования, а значит, и в деятельности по уголовному преследованию, что несовместимо с ролью суда (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации и статья 15 УПК Российской Федерации).

Не правомочен суд делать выводы и о доказанности или недоказанности вины в совершении преступления, о допустимости или недопустимости доказательств, поскольку это

выходит за рамки судебно-контрольной деятельности на данной стадии судопроизводства. Такой подход к проверке актов органов дознания и предварительного следствия обусловлен, как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 ноября 2013 года № 24-П, тем, что законность и обоснованность действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования в целом проверяются, по общему правилу, в судебном порядке после поступления материалов уголовного дела с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением) в суд, что, однако, не препятствует суду дать оценку законности и обоснованности процессуальных действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, которые способны затруднить доступ к правосудию, исключая саму возможность рассмотрения дела по существу.

4. Таким образом, статья 125 УПК Российской Федерации, являющаяся одной из гарантий обеспечения конституционного права граждан на доступ к правосудию, предполагает в случае, когда прекращением уголовного дела на досудебной стадии судопроизводства это право ставится под угрозу нарушения, проверку судом по жалобе потерпевшего на постановление следователя о прекращении уголовного дела с точки зрения законности и фактической обоснованности данного постановления изложенными в нем обстоятельствами, с учетом всех значимых для решения этого вопроса факторов, которые могли существенно повлиять на вывод о наличии фактических и правовых оснований для прекращения уголовного дела, включая обстоятельства, на которые указывает в своей жалобе потерпевший, материалы прокурорского реагирования, обусловившие изменение уголовно-правовой квалификации инкриминируемого обвиняемому деяния, если это послужило непосредственной предпосылкой для прекращения уголовного дела ввиду истечения срока давности уголовного преследования, а также доводы, приводимые в обоснование своей позиции лицами, участвующими в судебном рассмотрении жалобы, с тем чтобы этот вопрос не разрешался исходя из одних лишь формальных условий прекращения дела, а суд, руководствуясь критериями эффективности и справедливости правосудия, основывался на самостоятельной оценке существенных в таких ситуациях обстоятельств, соблюдая баланс публичных интересов правосудия, прав и законных интересов участников процесса.

Иное делало бы вовсе невозможной надлежащую оценку судом законности и обоснованности постановления о прекращении уголовного дела, означая, по сути, лишение гражданина судебной защиты от возможных нарушений, допущенных на досудебной стадии судопроизводства, либо ставило бы решение суда по этому вопросу в зависимость от позиции стороны обвинения, свидетельствуя о неопровержимой презумпции законности, обоснованности и мотивированности принятого ею процессуального решения, об окончательности и неоспоримости ее выводов относительно квалификации деяния, обусловившей выбор основания для прекращения уголовного дела. Это противоречило бы конституционно значимым целям уголовного судопроизводства, роли суда как независимого органа правосудия, призванного объективно и беспристрастно рассматривать жалобы участников процесса, включая потерпевших, и не отвечало бы предписаниям статей 46 (части 1 и 2), 52 и 120 Конституции Российской Федерации.

Соответственно, принимая во внимание ранее сформулированные Конституционным Судом Российской Федерации правовые позиции, нет оснований для вывода о том, что оспариваемые А.Н. Мариной законоположения, применяемые в системе действующего правового регулирования, содержат неопределенность, позволяющую произвольно отказывать в принятии к рассмотрению жалоб участников судопроизводства, а потому эти нормы сами по себе не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявительницы в обозначенном ею аспекте. Установление же фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии или отсутствии оснований для признания неправомерным постановления о прекращении конкретного уголовного дела, равно как и проверка законности и обоснованности состоявшихся в связи с этим судебных решений к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, закрепленной в статье 125 Конституции Российской Федера-

ции и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать жалобу гражданки Мариной Анны Николаевны не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявительницей вопроса не требуется вынесения предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 14 января 2020 г. № 4-О

по жалобе общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 части второй статьи 38 и частью одиннадцатой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы ООО «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс»),

у с т а н о в и л:

1. ООО «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») (далее – ООО «Мечел-Кокс») оспаривает конституционность следующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

пункта 3 части второй статьи 38, предусматривающей, что следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с данным Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа;

части одиннадцатой статьи 182, устанавливающей, что при производстве обыска участвуют лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи; при производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск.

Постановлением Центрального районного суда города Челябинска от 26 июля 2018 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением Челябинского областного суда от 17 сентября 2018 года, было отказано в удовлетворении поданных в интересах ООО «Мечел-Кокс» жалоб о признании незаконными и необоснованными решений и действий (бездействия) должностных лиц органа предварительного расследования (по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 251 «Загрязнение атмосферы» УК Российской Федерации), в том числе действий, связанных с производством обысков в помещениях и на территории ООО «Мечел-Кокс», вызвавшихся в

недопуске адвоката и препятствовании его участию в производстве указанных следственных действий. Принимая такие решения, суды исходили из того, что действия должностных лиц органа предварительного расследования, не допустивших адвоката, прибывшего после начала обыска к месту его проведения, не противоречат нормам уголовно-процессуального законодательства, в том числе с учетом того, что у следователя имелись основания полагать, что адвокат может препятствовать проведению обыска.

В передаче кассационных жалоб (поданных в интересах заявителя) для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции также было отказано постановлениями судьи Челябинского областного суда от 8 февраля 2019 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 17 мая 2019 года. В названных постановлениях было отмечено, что на момент начала производства обысков адвокаты отсутствовали и что ходатайства о допуске к участию указанных лиц в этих следственных действиях перед их началом не поступали.

По мнению заявителя, часть одиннадцатая статьи 182 УПК Российской Федерации, применяемая во взаимосвязи с пунктом 3 части второй статьи 38 того же Кодекса, в той мере, в какой они лишают организацию и ее представителей права воспользоваться помощью адвоката при производстве обыска в принадлежащих ей помещениях, противоречат статьям 15 (часть 1), 18, 19 (часть 1), 45 (часть 2), 48 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Право на получение квалифицированной юридической помощи в числе других прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, – признается и гарантируется в России в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статьи 2, 17, 18 и 48 Конституции Российской Федерации). Государство, призванное гарантировать данное право, в силу статей 45 (часть 1) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязано создавать и надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, – для эффективного осуществления их деятельности. Право пользоваться помощью адвоката (защитника) признается в качестве одного из основных прав человека и международно-правовыми актами, являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы России, – Международным пактом о гражданских и политических правах (подпункты «b», «d» пункта 3 статьи 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт «с» пункта 3 статьи 6) (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 года № 20-П и от 17 декабря 2015 года № 33-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О, от 29 мая 2007 года № 516-О-О, от 11 апреля 2019 года № 863-О и др.).

По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в ряде его решений, статья 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации, гарантирующая право пользоваться помощью адвоката (защитника) лишь лицам, задержанным, заключенным под стражу, обвиняемым в совершении преступления, во взаимосвязи с конституционными положениями о праве на получение квалифицированной юридической помощи выражают общие принципы права и в полной мере относятся не только к публичной ответственности (постановления от 27 апреля 2001 года № 7-П, от 17 ноября 2016 года № 25-П и др.), но и к правоограничениям, обусловленным производством по уголовному делу, в связи с чем лица, чьи права затрагиваются (ограничиваются) следственными действиями и процессуальными решениями, не могут быть ограничены в праве на оказание им юридической помощи адвокатом.

Из Конституции Российской Федерации, ее статей 2, 17 (часть 2), 18, 21 (часть 1) и 45 (часть 2), утверждающих приоритет человека, его прав и свобод и возлагающих на госу-

дарство обязанность охранять личное достоинство каждого от любых форм унижения со стороны кого бы то ни было, включая само государство, следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными способами и спорить с государством в лице любых его органов (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П и др.). Приведенная правовая позиция, будучи универсальной, приобретает особое значение не только применительно к юридической ответственности, к которой по уголовному закону не может быть привлечено юридическое лицо, но и применительно к публичному принуждению или ограничению прав.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, предусматривая возможность производства обыска в помещении юридического лица, в статье 182 устанавливает, что основанием проведения такого следственного действия является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (часть первая); при производстве обыска могут вскрываться любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть; при этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества (часть шестая); следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц (часть седьмая); следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска (часть восьмая); при производстве обыска во всяком случае изымаются предметы и документы, изъятые из оборота (часть девятая); изъятые предметы, документы и ценности предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, и в случае необходимости упаковываются и опечатываются на месте обыска, что удостоверяется подписями указанных лиц (часть десятая); в протоколе должно быть указано, в каком месте и при каких обстоятельствах были обнаружены предметы, документы или ценности, выданы они добровольно или изъяты принудительно; все изымаемые предметы, документы и ценности должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и по возможности стоимости (часть тринадцатая).

В то же время названный уголовно-процессуальный закон по делам о ряде преступлений запрещает необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе необоснованное изъятие электронных носителей информации (часть четвертая.1 статьи 164 и статья 164.1).

Из приведенных положений следует, что обыск в помещении юридического лица является следственным действием, производство которого сопряжено с возможностью применения значительного принуждения (вскрытие помещений, повреждение имущества, ограничение частной жизни лица, в помещении которого проводится обыск, и других лиц, принудительное изъятие предметов, документов и ценностей), т.е. с ограничением конституционных прав на неприкосновенность частной жизни, на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, на владение и пользование имуществом, гарантированных статьями 23 (часть 1), 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем производство этого следственного действия затрагивает интересы как лиц, которые гипотетически могут стать обвиняемыми по уголовному делу, так и учредителей или участников юридического лица, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми. Следовательно, обеспечение их права на квалифицированную юридическую помощь примени-

тельно к взаимоотношениям с государством, связанным (обусловленным) с производством по уголовному делу, выступает важнейшей гарантией защиты прав указанных лиц при проведении обыска в помещении юридического лица.

4. Часть одиннадцатая статьи 182 УПК Российской Федерации в целях защиты прав владельца помещения, в котором производится обыск, устанавливает правило о том, что при производстве данного следственного действия участвует лицо, в помещении которого производится обыск, а также гарантирует право присутствовать при его проведении адвокату того лица, в помещении которого упомянутое следственное действие производится. Такой адвокат, представляющий интересы юридического лица – владельца подвергнутого обыску помещения, не является защитником, поскольку действующее правовое регулирование не предусматривает возможности привлечения к уголовной ответственности юридического лица.

Предусмотренное частью восьмой статьи 182 того же Кодекса положение, согласно которому следователь вправе запретить лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, покидать его, а также общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска, не означает, что следователь вправе запретить присутствовать и не допустить к участию в производстве указанного следственного действия после его начала лицо, в помещении которого оно производится, или представляющего интересы такого лица адвоката. Иное расценивалось бы как отступление от требований названной нормы уголовно-процессуального закона, а также свидетельствовало бы о необоснованном ограничении права на квалифицированную юридическую помощь.

Участие адвоката юридического лица в проведении обыска позволяет ему наблюдать за производимыми при обыске действиями, непосредственно осматривать все изымаемые при обыске объекты, делать заявления о ходе и результатах данного действия, подлежащие обязательному занесению в протокол, замечания о его дополнении и уточнении (части четвертая и шестая статьи 166 УПК Российской Федерации) в целях оказания квалифицированной юридической помощи, осуществляемой для защиты прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию своему доверителю (статья 1 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), что не может расцениваться как препятствование производству следственного действия.

Наряду с этим, закрепленному частью одиннадцатой статьи 182 УПК Российской Федерации праву адвоката лица, в помещении которого производится обыск, присутствовать при его проведении корреспондирует установленная частью первой статьи 11 («Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве») указанного Кодекса обязанность следвателя обеспечивать возможность осуществления данного права.

Однако выполнение следвателем этой обязанности не предполагает приостановления производства обыска для обеспечения явки адвоката (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2015 года № 415-О, от 23 апреля 2015 года № 998-О, от 28 сентября 2017 года № 2240-О и др.).

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в приведенных определениях, по смыслу ряда норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (статьи 157, 164, 165, 182 и 183), требование о незамедлительном обеспечении права на помощь адвоката (защитника) не может быть распространено на случаи проведения следственных действий, которые не связаны с дачей лицом показаний и подготавливаются и проводятся без предварительного уведомления лица об их производстве ввиду угрозы уничтожения (утраты) доказательств, например, на обыск, проведение которого не приостанавливается для явки адвоката. Это, впрочем, не исключает участия явившегося адвоката лица, в помещении которого производится обыск, в данном следственном действии для оказания ему квалифицированной юридической помощи.

5. В определениях от 15 июля 2008 года № 502-О-О, от 16 декабря 2010 года № 1659-О-О, от 17 июля 2014 года № 1788-О, от 25 февраля 2016 года № 259-О Конституционный Суд Рос-

сийской Федерации указывал, что часть одиннадцатая статьи 182 УПК Российской Федерации не может рассматриваться как позволяющая следователю произвольно отклонить ходатайство лица, в чьем жилище производится обыск, о допуске адвоката (защитника) для участия в таком следственном действии. Сформулированная позиция в равной мере распространяется и на владельца обыскиваемого нежилого помещения, в том числе на юридическое лицо.

Названной нормой в первоначальной редакции, до принятия Федерального закона от 29 мая 2002 года № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», предусматривалось, что с разрешения следователя при обыске могут присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск. При внесении же изменений в 2002 году в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации федеральный законодатель отказался от этой модели присутствия адвоката при обыске, основанной на дискреционном усмотрении следователя разрешать или не разрешать такое присутствие, в силу его процессуальной самостоятельности, установленной пунктом 3 части второй статьи 38 УПК Российской Федерации.

К тому же предоставленные следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом.

Так, наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования, принимать процессуальные решения и относя его к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, законодатель не освобождает следователя от выполнения при осуществлении уголовного преследования всего комплекса предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в частности его статьями 7, 11, 14 и 16, мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П и от 21 ноября 2017 года № 30-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 63-О-О, от 16 июля 2015 года № 1616-О, от 26 января 2017 года № 4-О и др.) и не предполагает возможности отказа в допуске к участию явившегося на обыск адвоката лица, в помещении которого он производится.

6. Таким образом, положения пункта 3 части второй статьи 38 и части одиннадцатой статьи 182 УПК Российской Федерации – вопреки утверждению заявителя – предоставляют явившемуся защитнику, а также адвокату того лица, в помещении которого производится обыск, право присутствовать при проведении данного следственного действия, а на следователя возлагают обязанность обеспечить возможность осуществления этого права.

Воспрепятствование присутствию адвоката лица, в помещении которого производится обыск, при проведении указанного следственного действия является нарушением уголовно-процессуального закона. Соответственно, суд в случае поступления обращения от юридического лица, признав факт нарушения права владельца помещения на присутствие адвоката при обыске (статья 125, часть пятая статьи 165 УПК Российской Федерации), вправе вынести частное определение (постановление) в адрес органов дознания, предварительного следствия о фактах нарушений закона, требующих принятия необходимых мер (часть четвертая статьи 29 названного Кодекса), а юридическое лицо – воспользоваться компенсаторными механизмами, предусмотренными законодательством (обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства о возмещении вреда, требовать привлечения должностных лиц к ответственности и др.).

Следовательно, оспариваемые законоположения не могут расцениваться как нарушающие конституционные права и свободы ООО «Мечел-Кокс» в обозначенном им в жалобе аспекте. Проверка же законности и обоснованности выводов, к которым пришли суды в конкретном деле заявителя, к полномочиям Конституционного Суда Российской Федерации, как они определены в статье 125 (часть четвертая) Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится.

Поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления, его жалоба не подлежит дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать жалобу общества с ограниченной ответственностью «Челябинский завод по производству коксохимической продукции» (ООО «Мечел-Кокс») не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации».

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д.ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 21 января 2020 г. № 3-П

по делу о проверке конституционности положения статьи 54 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки С.

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47.1, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положения статьи 54 ГПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки С. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л:

1. В соответствии со статьей 54 ГПК Российской Федерации представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия, однако право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом.

Решением Нагатинского районного суда города Москвы от 6 июля 2018 года удовлетворено заявление о признании гражданки С. недееспособной. Дело рассматривалось в помещении медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, гражданка С. присутствовала в судебном заседании, но, как отмечено в решении, не смогла пояснить суду обстоятельства дела. Апелляционная жалоба на это

решение вместе с заявлением о восстановлении пропущенного срока на ее подачу направлены в суд адвокатом гражданки С. В связи с признанием причин пропуска срока неуважительными в удовлетворении заявления о его восстановлении отказано определением Нагатинского районного суда города Москвы от 22 октября 2018 года. Частная жалоба на данное определение оставлена определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 14 декабря 2018 года без рассмотрения по существу – как поданная адвокатом гражданки С., действующим на основании ордера при отсутствии у него доверенности, в которой было бы специально оговорено право на обжалование судебного постановления.

1.1. Как следует из представленных материалов, заявление о признании гражданки С. недееспособной было подано в суд государственным бюджетным учреждением здравоохранения города Москвы «Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н.А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы», представитель которого впоследствии возражал против удовлетворения поданного адвокатом В.Н. Еремеевым, выбранным гражданкой С. для защиты своих интересов, заявления о восстановлении процессуального срока на подачу апелляционной жалобы на решение суда о признании ее недееспособной.

В жалобе, поступившей в Конституционный Суд Российской Федерации, утверждается, что на момент ее подачи гражданка С. помещена в государственное бюджетное учреждение города Москвы «Психоневрологический интернат № 25 Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы», позиция администрации которого относительно поставленных в жалобе вопросов неизвестна. Жалоба подписана гражданкой С. лично и направлена в Конституционный Суд Российской Федерации адвокатом В.Н. Еремеевым, действующим на основании ордера.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в постановлениях от 27 февраля 2009 года № 4-П и от 27 июня 2012 года № 15-П, по смыслу статей 46 (части 1 и 2) и 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи со статьями 52, 53, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение своих конституционных прав законоположениями, на основании которых судом было вынесено решение о признании его недееспособным и тем самым, по сути, об ограничении права, гарантируемого статьей 60 Конституции Российской Федерации. Иное означало бы невозможность проверить, были ли в результате применения этих законоположений нарушены конституционные права гражданина, признанного недееспособным, что, в свою очередь, не соответствовало бы установленным статьями 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3), 60, 118 (часть 2) и 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации гарантиям защиты конституционных прав и свобод посредством конституционного судопроизводства, осуществление которого является исключительной прерогативой Конституционного Суда Российской Федерации.

Следовательно, не имеется оснований для признания гражданки С. ненадлежащим заявителем, а подписанной ею лично жалобы – не отвечающей критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации.

1.2. По мнению гражданки С., положение статьи 54 ГПК Российской Федерации противоречит статьям 10, 17 (часть 1), 19 (часть 1), 45 (часть 2), 46 (части 1 и 2) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку позволяет обжаловать решение суда о признании гражданина недееспособным и связанные с этим решением судебные постановления выбранному им самим адвокату только на основании доверенности, выданной и оформленной в соответствии с законом, содержащей специальное указание на право обжалования судебных постановлений, и тем самым препятствует в таком обжаловании адвокату, защищающему интересы гражданина, признанного недееспособным, на основании ордера, выданного адвокатским образованием.

Таким образом, с учетом требований статей 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» положение статьи 54 ГПК Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой оно связывает право на обжалование судебных постановлений по делу о признании гражданина недееспособным через лично избранного данным гражданином адвоката с наличием доверенности, специально наделяющей адвоката правом на обжалование судебных постановлений.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и – исходя из того, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием, – возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать эти права и свободы и охранять достоинство личности (статьи 2 и 18; статья 21, часть 1).

Неотчуждаемость основных прав и свобод человека и их принадлежность каждому от рождения (статья 17, часть 2, Конституции Российской Федерации) предполагают необходимость их адекватных гарантий, в том числе в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами. К числу таких гарантий относятся прежде всего право каждого на судебную защиту, носящее универсальный характер и выступающее процессуальной гарантией всех иных конституционных прав и свобод, а также право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которые не подлежат ограничению (статьи 46 и 48; статья 56, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 февраля 1998 года № 6-П, право на судебную защиту – как по буквальному смыслу закрепляющей его статьи 46 Конституции Российской Федерации, так и по смыслу, вытекающему из взаимосвязи этой статьи с другими положениями главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации, а также с общепризнанными принципами и нормами международного права, – является личным неотчуждаемым правом каждого человека.

Реализации права на судебную защиту наряду с другими правовыми средствами служит институт судебного представительства, обеспечивающий заинтересованному лицу получение квалифицированной юридической помощи, а в случае невозможности личного участия в судопроизводстве – и доступ к правосудию (статьи 48 и 52 Конституции Российской Федерации). Однако право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, не означает допуска любого гражданина к участию в деле в качестве представителя – соответствующие правила применительно к отдельным видам судопроизводства устанавливаются федеральными конституционными законами и федеральными законами. При этом федеральный законодатель обязан обеспечить такой порядок реализации права на судебную защиту посредством института судебного представительства, который гарантировал бы лицу, с учетом особенностей той или иной категории дел, доступ к правосудию и эффективную защиту его прав и свобод.

2.1. Федеральный законодатель, осуществляя регулирование института судебного представительства на основе императивных предписаний Конституции Российской Федерации, предусмотрел в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации право граждан вести свои дела в суде лично или через представителей, причем личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя (статья 48). Данный Кодекс предъявляет к представителям определенные требования (статьи 49, 51 и 52), закрепляет правила оформления их полномочий (статья 53) и предусматривает перечень действий представителя, право на совершение которых должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом (статья 54).

Данные нормы, имеющие общий характер, распространяются на все виды производства по гражданским делам в судах общей юрисдикции. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации, обращаясь в Постановлении от 27 февраля 2009 года № 4-П к вопросам обеспечения в гражданском судопроизводстве прав и свобод гражданина, в отношении которого рассматривается вопрос о лишении дееспособности, отметил, что из предписаний Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, являющимися в силу статей 15 (часть 4) и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации составной частью российской правовой системы и имеющими приоритет перед внутренним законодательством, а также с требованиями иных международно-правовых актов вытекает необходимость особых гарантий защиты прав лиц, которые страдают психическими расстройствами и в отношении которых возбуждается производство по признанию их недееспособными, с тем чтобы – с учетом юридических последствий признания недееспособным – исключить какую-либо дискриминацию лица по признаку наличия психического расстройства (душевной болезни, умственной отсталости, умственных недостатков), а равно связанные с этим ограничения прав, кроме тех, которые допустимы в общепризнанных для подобных случаев целях.

В производстве по делам о признании гражданина недееспособным одной из основных гарантий соблюдения его прав и свобод в судебном разбирательстве является установленная процессуальным законом обязанность суда вызвать его в судебное заседание, если его присутствие в судебном заседании не создает опасности для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья окружающих, и предоставить гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им самим представителей (часть первая статьи 284 ГПК Российской Федерации). В то же время в правоприменительной практике не исключена ситуация, когда само по себе присутствие в судебном заседании гражданина, в отношении которого решается вопрос о признании недееспособным, не означает, что он (в силу психического расстройства или иных факторов, связанных с проводимым лечением) в состоянии в полной мере понимать происходящее или же дать суду пояснения по рассматриваемому вопросу. Сказанное относится и к выездному судебному заседанию по месту нахождения гражданина в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, поскольку в данном случае предполагается, что его психическое состояние может представлять опасность для его жизни или здоровья либо для жизни или здоровья лиц, участвующих в судебном разбирательстве, проводимом в здании суда. При этом часть первая статьи 284 ГПК Российской Федерации, предусматривая участие заявителя, прокурора и представителя органа опеки и попечительства в деле о признании гражданина недееспособным, не содержит аналогичного предписания в отношении его представителя, допуская тем самым рассмотрение дела без участия представителя гражданина в судебном заседании, независимо от уважительности причин неявки.

Соответственно, при таких обстоятельствах возрастает вероятность пропуска гражданином процессуального срока, установленного законом для подачи апелляционной жалобы на решение суда о признании его недееспособным, особенно если психическое расстройство не позволяет ему в полной мере осознавать продолжительность этого срока и юридические последствия вступления решения суда в законную силу, а в судебном заседании отсутствовал выбранный им самим представитель.

3. Раскрывая содержание конституционного права на судебную защиту, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что – поскольку в рамках судебной защиты прав и свобод допустимо обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых органов государственной власти, включая судебные (статья 46, часть 2, Конституции Российской Федерации), – отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт не согласуется с универсальным правилом скорейшего восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости, умаляет и ограничивает право на

судебную защиту. Институциональные и процедурные условия пересмотра ошибочных судебных актов должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты, прозрачности осуществления правосудия, исключать затягивание или необоснованное возобновление судебного разбирательства и тем самым обеспечивать правильность и своевременность разрешения дела и вместе с тем – правовую определенность, в том числе признание законной силы судебных решений, их неопровержимости (*res judicata*), без чего недостижим баланс публично- и частноправовых интересов (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 3 февраля 1998 года № 5-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 19 марта 2010 года № 7-П, от 12 ноября 2018 года № 40-П и др.).

Приведенным правовым позициям корреспондируют положения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, предоставляющие лицам, участвующим в деле, и лицам, не привлеченным к участию в деле, вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен судом, право обжаловать не вступившие в законную силу судебные акты в апелляционном порядке (часть вторая и третья статьи 320), а после их вступления в законную силу – в кассационном порядке (часть первая статьи 376 и часть первая статьи 390.2) и в порядке надзора (часть первая статьи 391.1). Относительно же производства о признании гражданина недееспособным Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 27 февраля 2009 года № 4-П указал на важность обеспечения данному гражданину как квалифицированной юридической помощи со стороны выбранных им самим представителей (статья 48, часть 1, Конституции Российской Федерации), так и возможности, вытекающей из статей 46, 56 (часть 3), 118, 125 и 126 Конституции Российской Федерации, обратиться ко всем имеющимся внутригосударственным средствам правовой защиты от нарушения прав необоснованным признанием недееспособным, включая обжалование решения об этом во всех предусмотренных законом судебных инстанциях, в том числе осуществляющих проверку судебных актов, вступивших в законную силу.

Гражданин, заявление о признании которого недееспособным рассматривает суд, является лицом, участвующим в деле, и наделен, таким образом, всеми процессуальными правами, предоставленными этим лицам (статья 35 ГПК Российской Федерации), а значит, и правом на обжалование судебных постановлений, в частности решения суда об удовлетворении такого рода заявления. Право гражданина, признанного решением суда недееспособным, обжаловать его в апелляционном порядке, а также подать заявление о его пересмотре по вновь открывшимся и новым обстоятельствам лично либо через выбранных им представителей закреплено и в специальной норме процессуального закона, посвященной рассмотрению судом заявлений, в частности, о признании гражданина недееспособным (часть третья статьи 284 ГПК Российской Федерации). В случае несогласия с решением суда гражданин, признанный недееспособным, на основании указанной нормы вправе самостоятельно обжаловать его в апелляционном порядке, поскольку данное решение не вступило в законную силу и гражданин еще обладает дееспособностью, в том числе процессуальной. В случае же, когда срок на подачу апелляционной жалобы пропущен и решение суда о признании гражданина недееспособным вступает в законную силу и приобретает свойства общеобязательности и исполнимости, оно может быть оспорено (включая подачу в суд заявления о восстановлении пропущенного срока на апелляционное обжалование, оспаривание определения суда об отказе в таком восстановлении и т.д.) не самим гражданином, признанным недееспособным, а иными лицами, защищающими его права и свободы при осуществлении судопроизводства.

3.1. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации над гражданином, признанным судом недееспособным, устанавливается опека (пункт 1 статьи 29); опекуны выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия (пункт 2 статьи 31); недееспособным

гражданам, помещенным под надзор в медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, опекуны не назначаются, а исполнение обязанностей опекунов возлагается на указанные организации (пункт 4 статьи 35).

Как следует из правоприменительной практики по делам о признании гражданина недееспособным, в качестве опекунов органы опеки и попечительства назначают, как правило, его близких родственников, которые нередко и выступают инициаторами (заявителями) лишения дееспособности гражданина, страдающего психическим расстройством. В этих случаях, равно как и при помещении гражданина, признанного недееспособным, в специальную организацию (например, в стационарную организацию социального обслуживания, предназначенную для лиц, страдающих психическими расстройствами), на которую возложены опекунские обязанности, не исключается наличие у опекуна противоположного с подопечным процессуального интереса в вопросе об обжаловании соответствующего судебного решения, который может выражаться в том числе в бездействии по обжалованию.

При таких условиях гражданину, признанному решением суда недееспособным и заинтересованному в его обжаловании, должна быть обеспечена возможность воспользоваться юридической помощью лица, не зависящего от опекуна. Следовательно, если этот гражданин не имеет возможности лично обжаловать решение суда о признании недееспособным или если из-за пропуска процессуального срока на подачу апелляционной жалобы решение вступило в законную силу, а опекун гражданина согласен с решением и не совершает действий по его обжалованию, возможным способом реализации конституционного права гражданина, признанного недееспособным, на судебную защиту является обжалование решения адвокатом, выбранным самим этим гражданином.

4. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» определяет адвокатскую деятельность как квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в установленном порядке, физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (пункт 1 статьи 1). Эта законодательная дефиниция корреспондирует позиции Конституционного Суда Российской Федерации, отметившего в Постановлении от 23 декабря 1999 года № 18-П, что адвокаты, на которых законом возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, осуществляют деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Такая деятельность не является предпринимательской и не нацелена на извлечение прибыли.

Положения названного Федерального закона закрепляют принципы, на которых строится адвокатура, ее независимость от органов публичной власти (статья 3), полномочия и обязанности адвоката, включая соблюдение адвокатской тайны (статьи 6–8), специальные условия и порядок приобретения статуса адвоката (статьи 9–13), гарантии его независимости и качества предоставляемых им юридических услуг, а также предусматривают страхование риска профессиональной имущественной ответственности за нарушение условий заключенного с доверителем соглашения об оказании юридической помощи (статьи 16–19).

Наделением адвокатов публичными функциями обусловлена необходимость эффективного контроля за их деятельностью, однако с учетом того, что адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и местного самоуправления, действует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия адвокатов (пункты 1 и 2 статьи 3 названного Федерального закона).

К такого рода гарантиям, призванным обеспечить высокое качество предоставляемых адвокатом услуг и оградить доверителей от возможных злоупотреблений, пункт 2 ста-

ть 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» относит возможность прекращения статуса адвоката по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в частности, при неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а равно при нарушении норм кодекса профессиональной этики адвоката. В свою очередь, статья 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, принятого I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года, позволяет применять к адвокату меры дисциплинарной ответственности в рамках дисциплинарного производства, предусмотренного разделом 2 данного Кодекса, в случаях нарушения адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и требований данного Кодекса.

Подобное регулирование направлено на реализацию гарантируемых статьями 46 и 48 Конституции Российской Федерации прав каждого на судебную защиту и на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе на поддержание ее надлежащего уровня в случае признания гражданина недееспособным. При этом такой гражданин может выразить свою волю на осуществление адвокатом процессуальных действий, связанных с обжалованием решения суда о признании его недееспособным, в той или иной объективированной форме.

4.1. Статья 54 ГПК Российской Федерации предписывает закреплять право представителя на обжалование судебного постановления – как одно из важнейших процессуальных действий, имеющих распорядительный характер, – в доверенности, выданной представляемым лицом.

Что касается права адвоката выступать в суде в качестве представителя, то оно удостоверяется на основании части пятой статьи 53 данного Кодекса ордером, выданным адвокатским образованием, однако право на обжалование судебного постановления должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом. Это означает, что наличие у адвоката ордера, подтверждающего его право на выступление в суде в качестве представителя, само по себе не свидетельствует о наличии у него полномочия на совершение в интересах представляемого лица действий, перечисленных в статье 54 данного Кодекса, в том числе на обжалование судебных постановлений.

Изложенное нашло отражение и в судебной практике, согласно которой отдельные полномочия, перечисленные в статье 54 данного Кодекса, могут быть осуществлены представителем только в случае непосредственного указания их в доверенности, выданной представляемым лицом, – один лишь ордер не дает адвокату права совершать действия, для которых в силу этой нормы требуется специальная оговорка в доверенности. Соответствующие разъяснения даны в Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2003 года (утвержден постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2003 года и от 24 декабря 2003 года, ответ на вопрос 15) и в Ответах Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации на вопросы судов по применению норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 марта 2004 года, ответ на вопрос 15).

Следовательно, гражданин, намеренный обжаловать решение суда через выбранного им представителя, в том числе адвоката, должен, исходя из приведенных законоположений и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, уполномочить его на совершение этого процессуального действия посредством оформления и выдачи ему доверенности. Такое требование оправданно, когда речь идет о рассмотрении и разрешении гражданских дел, отнесенных к компетенции судов законом (статья 22 ГПК Российской Федерации), в целом, но рассматриваемое в порядке особого производства дело о признании гражданина недееспособным имеет в этом аспекте свою специфику, обусловленную юридическими последствиями удовлетворения судом заявления о признании недееспособным.

Конкретизируя предписание статьи 60 Конституции Российской Федерации применительно к осуществлению гражданских прав, Гражданский кодекс Российской Федерации в пункте 1 статьи 21 определяет дееспособность гражданина как способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, которая возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия. Признание гражданина недееспособным и вступление судебного решения об этом в законную силу влечет лишение его права самостоятельно распоряжаться своим имуществом и совершать сделки, в том числе выдавать письменное уполномочие (доверенность) другому лицу для представительства перед третьими лицами (пункт 1 статьи 185 ГК Российской Федерации). Кроме того, в соответствии со статьей 53 ГПК Российской Федерации гражданин не вправе наделить другое лицо полномочиями по представлению своих интересов в суде посредством простой письменной доверенности – она должна быть удостоверена в нотариальном порядке либо перечисленными в указанной норме организациями или должностными лицами. Когда доверителем является гражданин, признанный вступившим в законную силу решением суда недееспособным, удостоверение доверенности нотариусом не представляется возможным, поскольку по общему правилу, установленному статьей 43 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, при удостоверении сделки осуществляется проверка дееспособности гражданина, обратившегося за совершением нотариального действия, а согласно их статье 48 нотариус отказывает в нотариальном действии, если с такой просьбой обратился недееспособный гражданин. Аналогичное правило действует в отношении других перечисленных в статье 53 ГПК Российской Федерации организаций и должностных лиц.

4.2. Конституционный Суд Российской Федерации, по смыслу части второй статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», оценивает конституционность проверяемых законоположений исходя из их места в системе правовых норм. Поэтому общие нормы статьи 54 ГПК Российской Федерации (в частности, предписание об обязанности доверителя специально оговаривать в доверенности право представителя на обжалование судебного постановления), подлежащие применению при рассмотрении судом заявлений о признании гражданина недееспособным, оцениваются Конституционным Судом Российской Федерации в нормативном единстве с положениями специальной статьи 284 данного Кодекса, регламентирующей порядок производства по данной категории дел.

Согласно ее части третьей гражданин, признанный недееспособным, имеет право лично либо через выбранных им представителей обжаловать соответствующее решение суда в апелляционном порядке, подать заявление о его пересмотре по правилам главы 42 данного Кодекса, а также обжаловать его в кассационном и надзорном порядке, если суд первой инстанции не предоставил этому гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей.

Тем самым реализация гарантии восстановления прав, нарушенных при рассмотрении соответствующего заявления и принятии судом решения о признании гражданина недееспособным, заключающейся в его праве обжаловать вступившее в законную силу решение суда в кассационном или надзорном порядке, а в случае пропуска процессуального срока на подачу апелляционной жалобы – подать заявление о восстановлении этого срока и обжаловать определение суда об отказе в таком восстановлении, поставлена статьей 54 данного Кодекса в зависимость от оформления таким гражданином доверенности, специально оговаривающей право представителя на обжалование судебного постановления, притом что вследствие действия законной силы решения суда такой гражданин является недееспособным и не вправе совершать процессуальные действия по обжалованию самостоятельно.

Исходя из норм права, подвергнутых в настоящем Постановлении анализу как по отдельности, так и в их системной связи, и с учетом юридических последствий принятия и вступления в законную силу решения суда о признании гражданина недееспособным, содержащееся во взаимосвязанных положениях статьи 54 и части третьей статьи 284 ГПК Российской Федерации предписание об обязательности выдачи этим гражданином выбранному им адвокату доверенности, специально наделяющей того правом на обжалование решения суда о признании недееспособным, не может быть реализовано и, таким образом, не обеспечивает эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям равенства и справедливости, а значит, осуществления права на судебную защиту, признаваемого и гарантируемого согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, не подлежащего ограничению (статья 17, часть 1; статья 46, части 1 и 2; статья 56, часть 3, Конституции Российской Федерации).

5. В качестве дополнительной гарантии соблюдения прав и свобод гражданина, который признан недееспособным, но не согласен с этим решением суда, часть третья статьи 284 ГПК Российской Федерации предусматривает право гражданина лично либо через выбранных им представителей обжаловать это решение не только в апелляционном, но и в кассационном и надзорном порядке, если суд не предоставил гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей.

Между тем частью первой статьи 376 и частью первой статьи 390.2 данного Кодекса возможность кассационного обжалования вступившего в законную силу судебного постановления поставлена в зависимость от исчерпания заинтересованным лицом иных установленных данным Кодексом способов обжалования судебного постановления, в том числе до дня вступления его в законную силу. Это означает, что, когда гражданин, признанный недееспособным, не может лично обжаловать соответствующее решение суда в апелляционном порядке, его опекун не совершает указанных действий, а выдать представителю доверенность, содержащую полномочие на обжалование судебного постановления, недееспособный гражданин не вправе, особенно в случае пропуска им процессуального срока на подачу апелляционной жалобы и вступления решения суда о признании его недееспособным в законную силу, создается непреодолимое препятствие кассационному обжалованию решения суда первой инстанции как не прошедшего стадию апелляционного производства, поскольку, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 3 постановления от 11 декабря 2012 года № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции», иные способы обжалования признаются исчерпанными, если дело рассмотрено судом апелляционной инстанции по существу и вынесено апелляционное определение. Что же касается оспаривания решения суда по делу о признании гражданина недееспособным в порядке надзора, то этот порядок проверки правомерности вступившего в законную силу судебного решения также не может быть реализован, поскольку такого рода дела подсудны, на основании статьи 24 ГПК Российской Федерации, районному суду, решения которого, в свою очередь, не подлежат пересмотру в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации в соответствии с частью второй статьи 391.1 данного Кодекса.

Кроме того, часть третья статьи 284 данного Кодекса в качестве условия реализации права гражданина на обжалование решения суда о признании недееспособным в кассационном и надзорном порядке указывает факт непредоставления ему судом первой инстанции возможности изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей, т.е. когда суд не известил гражданина о времени и месте судебного заседания и рассмотрел заявление о признании недееспособным в его отсутствие. Если же гражданин присутствовал в судебном заседании, но не смог дать пояснения по существу рассматрива-

емого вопроса и отсутствовал его адвокат, который смог бы отстаивать его интересы (что имело место в деле гражданки С.), то он лишается права оспорить вступившее в законную силу решение суда о признании недееспособным в кассационном порядке и по этому основанию. То обстоятельство, что в силу части второй статьи 286 ГПК Российской Федерации признанный недееспособным гражданин имеет право через выбранных им представителей или лично подать в суд заявление о признании его дееспособным, являясь гарантией прав такого гражданина, не снимает тем не менее проблему оспаривания самого по себе признания недееспособным.

Сказанное подчеркивает важность наличия у гражданина, признанного недееспособным, возможности воспользоваться профессиональной помощью адвоката на этапе, предшествующем кассационному оспариванию судебного решения о признании его недееспособным, в том числе в целях восстановления процессуального срока на апелляционное обжалование.

6. Таким образом, положение статьи 54 ГПК Российской Федерации, предусматривающее, что право представителя на обжалование судебного постановления должно быть специально оговорено в выданной представляемым лицом доверенности, и находящееся в неразрывной связи с положением части третьей статьи 284 данного Кодекса о праве гражданина, признанного недееспособным, обжаловать соответствующее решение суда, по своему конституционно-правовому смыслу не предполагает возможности отказать в рассмотрении по существу жалоб адвоката, направленных на оспаривание решения суда о признании гражданина недееспособным, даже если адвокат действует на основании ордера при отсутствии доверенности, выданной этим гражданином и специально оговаривающей полномочие адвоката на обжалование судебного постановления, когда из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах этого гражданина (которые презюмируются как состоящие в том, чтобы вышестоящий суд осуществил проверку правильности судебного решения о признании его недееспособным) и по его воле, выраженной в той или иной объективированной форме и нацеленной на рассмотрение соответствующих жалоб.

Этим не исключается право федерального законодателя внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего Постановления и направленные на совершенствование механизма, обеспечивающего защиту права гражданина, признанного решением суда недееспособным, на обжалование этого решения как лично, так и с помощью выбранного им самим адвоката.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47.1, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л:

1. Признать положение статьи 54 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с положением части третьей статьи 284 данного Кодекса не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку – по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – оно не предполагает возможности отказа суда в рассмотрении по существу жалоб адвоката, направленных на оспаривание решения суда о признании гражданина недееспособным и поданных адвокатом, действующим на основании ордера, по мотиву отсутствия у адвоката выданной этим гражданином доверенности, специально оговаривающей его полномочие на обжалование судебного постановления, если из конкретных обстоятельств следует, что адвокат действует в интересах и по воле этого гражданина.

2. Конституционно-правовой смысл положения статьи 54 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с положением части третьей статьи 284 данного Кодекса, выявленный в

настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения в отношении гражданки С., вынесенные на основании положения статьи 54 ГПК Российской Федерации во взаимосвязи с положением части третьей статьи 284 данного Кодекса, в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Конституционный Суд
Российской Федерации*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 5 декабря 2019 г. № 3276-О

по запросу суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности части второй статьи 57 и части пятой статьи 79 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 2 части второй статьи 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса суда Ямало-Ненецкого автономного округа,

у с т а н о в и л:

1. В Конституционный Суд Российской Федерации поступил запрос суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности части второй статьи 57 и части пятой статьи 79 УК Российской Федерации, а также пункта 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации.

1.1. В соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации:

пожизненное лишение свободы не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста (часть вторая статьи 57);

лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, может быть освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы; условно-досрочное освобождение от дальнейшего отбывания пожизненного лишения свободы применяется только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет; лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит (часть пятая статьи 79).

В силу требований пункта 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации суд первой инстанции рассматривает уголовные дела в следующем составе: судья верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и коллегия из восьми присяжных заседателей – по ходатайству обвиняемого уголовные дела о преступлениях, указанных в пункте 1 части третьей статьи 31 данного Кодекса, за исключением уголовных дел о преступлениях, предусмотренных частью пятой статьи 131, частью пятой статьи 132,

частью шестой статьи 134, частью первой статьи 212, статьями 275, 276, 278, 279 и 281 УК Российской Федерации.

1.2. Гражданам А.А. Агееву и А.М. Воеводину, ранее судимым за совершение ряда особо тяжких преступлений против личности и отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы, предъявлено обвинение в совершении шести преступлений, предусмотренных пунктами «д», «е» части второй статьи 117 УК Российской Федерации (истязание – причинение физических и психических страданий путем систематического нанесения побоев, не повлекшее последствий, указанных в статьях 111 и 112 названного Кодекса, совершенное с применением пытки группой лиц по предварительному сговору), преступлений, предусмотренных пунктом «а» части третьей статьи 111 данного Кодекса (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное группой лиц по предварительному сговору), пунктами «д», «ж» части второй статьи 105 того же Кодекса (убийство, совершенное с особой жестокостью группой лиц по предварительному сговору). В качестве обвиняемого по делу привлечен также гражданин И.Н. Нестеренко.

За преступление, предусмотренное пунктами «д», «ж» части второй статьи 105 УК Российской Федерации, в совершении которого обвиняются А.А. Агеев и А.М. Воеводин, одним из видов наказания является пожизненное лишение свободы.

Согласно предъявленному обвинению, преступления имели место в исправительном учреждении, предназначенном для отбывания наказания осужденных к пожизненному лишению свободы; жертвами являлись другие пожизненно осужденные, шестеро из которых признаны потерпевшими по данному уголовному делу, а один был убит.

По окончании предварительного расследования обвиняемыми А.А. Агеевым и А.М. Воеводиным были заявлены ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

1.3. Уголовное дело по обвинению А.А. Агеева, А.М. Воеводина и И.Н. Нестеренко поступило для рассмотрения в суд Ямало-Ненецкого автономного округа. В ходе проведения предварительного слушания суд принял решение о направлении запроса в Конституционный Суд Российской Федерации и приостановил производство по уголовному делу. В своем запросе суд Ямало-Ненецкого автономного округа просит проверить, соответствуют ли:

статьям 19 (части 1 и 2), 21 (часть 2) и 50 (часть 3) Конституции Российской Федерации положения части второй статьи 57 УК Российской Федерации, как допускающие – сами по себе и во взаимосвязи с положениями части пятой статьи 79 данного Кодекса – повторное назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы лицам, уже отбывающим пожизненное лишение свободы, и тем самым фактически лишаящие осужденных права на рассмотрение вопроса об условно-досрочном освобождении;

статьям 18, 46 (часть 1), 47 (часть 1) и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации положения пункта 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации в той мере, в какой они обязывают суд рассмотреть уголовное дело по ходатайству подсудимого судом с участием присяжных заседателей, не способных быть объективными и беспристрастными как в субъективном, так и в объективном смысле (ввиду того, что осужденным предъявлено обвинение в совершении нового преступления в исправительном учреждении, жертвами которого являются другие осужденные, и факты прежней судимости и отбывания пожизненного наказания скрыть от коллегии присяжных заседателей невозможно) и не способных вследствие этого быть судом, созданным на основании закона и обеспечивающим практическую и эффективную защиту прав подсудимых в конкретном деле.

В запросе заявитель ссылается на то, что в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными статьей 334 УПК Российской Федерации (часть седь-

мая статьи 335 УПК Российской Федерации), а данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется; запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого (часть восьмая статьи 335 названного Кодекса). В случае предъявления пожизненно лишенному свободы обвинения в совершении нового преступления в период отбывания наказания в исправительном учреждении фактические обстоятельства дела (факт прежней судимости и факт отбывания пожизненного лишения свободы) невозможно утаить от присяжных заседателей, что в совокупности с особыми мерами по конвоированию таких осужденных формирует у присяжных заседателей предвзятую психологическую установку.

2. В соответствии с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с пунктом 1 части третьей статьи 31 этого же Кодекса уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации (за исключением уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, и уголовных дел, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь в соответствии с положениями части четвертой статьи 62, части четвертой статьи 66 и части четвертой статьи 78 УК Российской Федерации), по ходатайству обвиняемого подлежат рассмотрению судом в составе судьи верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и коллегии из восьми присяжных заседателей.

Сами по себе положения пункта 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации вопросов гарантирования объективности и беспристрастности присяжных заседателей не затрагивают.

Присяжные заседатели в ходе судебного разбирательства уголовного дела разрешают только те вопросы, которые предусмотрены пунктами 1, 2 и 4 части первой статьи 299 этого Кодекса и сформулированы в вопросном листе, а именно: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления (статья 334 УПК Российской Федерации).

Из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов видно, что подсудимые обвиняются в совершении преступления во время нахождения в исправительном учреждении в период отбывания ранее назначенного наказания в виде пожизненного лишения свободы. Это обстоятельство (включая факт судимости) в соответствии с пунктом 1 части первой статьи 73 и пунктом 1 части первой статьи 299 УПК Российской Федерации является неотъемлемой частью события преступления, в совершении которого обвиняются подсудимые, так как в содержание этого понятия входят время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления.

Разрешение же вопроса об инкриминируемом деянии – событии преступления – входит в компетенцию коллегии присяжных заседателей.

Часть восьмая статьи 335 УПК Российской Федерации позволяет исследовать с участием присяжных заседателей данные о личности подсудимого в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления. Однако – с учетом предписаний пункта 1 части первой статьи 73 и пункта 1 части первой статьи 299 этого Кодекса – положения данной нормы не следует истолковывать как императивно запрещающие коллегии присяжных заседателей исследовать факты прежней судимости, относящиеся к событию преступления и подлежащие доказыванию по уголовному делу.

3. Таким образом, по смыслу статей 73, 299, 334 и 335 УПК Российской Федерации данные о факте судимости могут быть доведены до сведения коллегии присяжных заседателей,

если эти сведения входят в предмет доказывания по уголовному делу – в части установления обстоятельств события преступления, – исходя из предъявленного обвинения либо из версии стороны защиты. Поэтому неопределенности в отношении пункта 2 части второй статьи 30 данного Кодекса в аспекте, изложенном заявителем, с позиции конституционных гарантий и в рамках данного конкретного дела нет.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации необходимым основанием к рассмотрению дела и вынесению по нему итогового решения в виде постановления служит наличие неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон, подлежащий применению в деле (определения от 5 ноября 1998 года № 134-О и от 23 октября 2014 года № 2315-О). Поскольку нет неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемый пункт 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации, постольку запрос суда Ямало-Ненецкого автономного округа в этой части не подлежит дальнейшему рассмотрению, как не требующий вынесения Конституционным Судом Российской Федерации итогового решения в виде постановления.

Что же касается части второй статьи 57 УК Российской Федерации, предусматривающей ограничения в назначении пожизненного лишения свободы, связанные с неприменением этого наказания к женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения судом приговора шестидесятипятилетнего возраста, а также части пятой статьи 79 этого Кодекса, разрешающей вопросы об условно-досрочном освобождении осужденных к пожизненному лишению свободы, то они не подлежат применению в рассматриваемом судом Ямало-Ненецкого автономного округа по первой инстанции уголовном деле: на данной стадии судебного производства заявления об условно-досрочном освобождении осужденных к пожизненному лишению свободы не может быть подано и не может исследоваться судом; подсудимые А.А. Агеев, 1978 года рождения, и А.М. Воеводин, 1984 года рождения, не достигли шестидесятипятилетнего возраста.

Соответственно, в этой части запрос не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми обращение в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимым.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать запрос суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта 2 части второй статьи 30 УПК Российской Федерации не подлежащим дальнейшему рассмотрению в Конституционном Суде Российской Федерации, поскольку поставленный в нем вопрос не требует вынесения итогового решения в виде постановления.

2. В принятии к рассмотрению запроса суда Ямало-Ненецкого автономного округа в остальной части отказать, поскольку он не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми обращение в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимым.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

4. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 5 декабря 2019 г. № 3272-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н.С. Бондаря, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М.В. Москалева,

у с т а н о в и л:

1. Гражданин М.В. Москалев оспаривает конституционность части первой статьи 128.1 «Клевета» УК Российской Федерации и статьи 318 «Возбуждение уголовного дела частного обвинения» УПК Российской Федерации.

Часть первая статьи 128.1 УК Российской Федерации устанавливает, что клевета, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо обязательными работами на срок до ста шестидесяти часов.

Согласно статье 318 УПК Российской Федерации уголовные дела о преступлениях, указанных в части второй статьи 20 данного Кодекса, возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 части первой и частью четвертой статьи 147 данного Кодекса (часть первая); в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником или в порядке, установленном частью третьей этой статьи (часть вторая); уголовное дело возбуждается следователем, а также с согласия прокурора дознавателем в случаях, предусмотренных частью четвертой статьи 20 данного Кодекса; при этом следователь приступает к производству предварительного расследования, а дознаватель – дознания (часть третья); вступление в уголовное дело прокурора не лишает стороны права на примирение (часть четвертая); заявление должно содержать: 1) наименование суда, в который оно подается; 2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения; 3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству; 3.1) данные о потерпевшем, а также о

документах, удостоверяющих его личность; 4) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; 5) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд; 6) подпись лица, его подавшего (часть пятая); заявление подается в суд с копиями по числу лиц, в отношении которых возбуждается уголовное дело частного обвинения; заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос в соответствии со статьей 306 УК Российской Федерации, о чем в заявлении делается отметка, которая удостоверяется подписью заявителя; одновременно мировой судья разъясняет заявителю его право на примирение с лицом, в отношении которого подано заявление (часть шестая); с момента принятия судом заявления к своему производству, о чем выносится постановление, лицо, его подавшее, является частным обвинителем; ему должны быть разъяснены права, предусмотренные статьями 42 и 43 данного Кодекса, о чем составляется протокол, подписываемый судьей и лицом, подавшим заявление (часть седьмая); если после принятия заявления к производству будет установлено, что потерпевший в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы, то мировой судья вправе признать обязательным участие в деле законного представителя потерпевшего и прокурора (часть восьмая).

Приговором мирового судьи судебного участка № 1 Железнодорожного судебного района города Симферополя Республики Крым от 17 апреля 2019 года М.В. Москалев осужден за клевету, т.е. распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, к наказанию в виде штрафа в размере трехсот восьмидесяти тысяч рублей.

По оценке суда первой инстанции, М.В. Москалев на протяжении четырех лет обращался в государственные, муниципальные, правоохранительные и иные органы и организации с письменными заявлениями и жалобами в отношении гражданина Ж. (владелец земельного участка, расположенного рядом с многоквартирным домом, в котором проживает М.В. Москалев), указывая, что он осуществляет предпринимательскую деятельность (стирка и химическая чистка текстильных и меховых изделий) незаконно; допустил нарушения при регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и при согласовании выезда из прачечной; загородил часть придомовой территории многоквартирного дома; незаконно возводит мансардное строение; высказывает угрозы в адрес жильцов многоквартирного дома; пытается разжечь межнациональный конфликт. Заведомую ложность этих сведений суд усмотрел в том, что М.В. Москалев после неоднократных проверок его заявлений и жалоб, а также получения ответов от компетентных органов об отсутствии указанных им нарушений продолжал систематически обращаться в связи с теми же обстоятельствами в иные органы и организации. При этом суд пришел к выводу, что заявления и жалобы подсудимого являлись не способом реализации конституционного права на обращение в государственные органы, а были направлены исключительно на причинение вреда Ж., т.е. имеют очевидные признаки злоупотребления правом. Также суд сделал вывод, что все без исключения доводы М.В. Москалева о нарушении Ж. действующего законодательства и недобросовестности при осуществлении предпринимательской деятельности, изложенные в заявлениях и жалобах, не находят своего подтверждения и, умаляя честь, достоинство и деловую репутацию последнего, являются клеветой.

Апелляционным постановлением Железнодорожного районного суда города Симферополя Республики Крым от 22 июля 2019 года приговор оставлен без изменения. Суд признал установленным, что М.В. Москалев подавал заявления, в которых прямо утверждалось о совершенных Ж. нарушениях и противоправных деяниях, с указанием конкретных обстоятельств, достоверно зная, что потерпевший не допускал перечисленных в обращениях нарушений.

Заявитель полагает, что оспариваемые законоположения противоречат статьям 10, 19 (часть 2), 33 и 129 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку позволяют признавать обращение гражданина в государственные органы и органы местного само-

управления распространением информации и на этом основании привлекать к уголовной ответственности за клевету, инициируя уголовное преследование по заявлению частного обвинителя и не требуя в этом случае установления в ходе предварительного расследования обстоятельств содеянного.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (статья 2), устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием на основе равенства всех перед законом и судом (статья 18; статья 19, часть 1), гарантирует каждому государственную и судебную защиту его прав и свобод (статья 45, часть 1; статья 46, часть 1), а также закрепляет в качестве одной из конституционных гарантий право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (статья 33).

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, конституционное право граждан на обращения в совокупности с другими элементами правового статуса личности позволяет им выразить свое отношение к деятельности публичной власти, проявить заинтересованность в эффективной организации государственной и общественной жизни (Постановление от 18 июля 2012 года № 19-П), что является важным инструментом влияния личности на публичную власть, цивилизованным способом разрешения противоречий, споров и конфликтных ситуаций, преодоление которых становится возможным при помощи государственных органов, органов местного самоуправления и судов, призванных обеспечивать реализацию и защиту конституционных прав человека и гражданина. Осуществление такого взаимодействия гражданина с государством предполагает необходимость эффективного механизма реализации конституционного права обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, обязанность по установлению которого возлагается на федерального законодателя.

Обладая свободой усмотрения при определении процедур, сроков рассмотрения индивидуальных и коллективных обращений граждан в государственные органы и органы местного самоуправления, установлении форм реагирования на обращения и других необходимых гарантий их рассмотрения, федеральный законодатель вместе с тем не вправе устанавливать произвольное регулирование, не соотносящееся с конституционными требованиями о недопустимости такого осуществления прав и свобод человека и гражданина, которое вело бы к нарушению прав и свобод других лиц, а также причинению вреда конституционно гарантированным публичным интересам (статья 17, часть 3; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Тем самым Конституция Российской Федерации определяет пределы усмотрения федерального законодателя при регулировании соответствующих общественных отношений.

Нормативное регулирование отношений в сфере обращения граждан в государственные органы и органы местного самоуправления предполагает установление федеральным законодателем соразмерных ограничений в целях достижения баланса публичных и частных интересов, недопустимости искажения в ходе правового регулирования самого существа данного конституционного права; публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2010 года № 14-П, от 13 июля 2010 года № 16-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 16 апреля 2015 года № 8-П, от 2 июня 2015 года № 12-П, от 3 июля 2018 года № 28-П и др.).

Такое понимание возможности ограничения свободы выражения мнения соотносится и с подходами Европейского Суда по правам человека, который, обращаясь к оценке государ-

ственного вмешательства в сфере ее реализации, руководствуется доктриной «охлаждающего (сдерживающего) эффекта» (chilling effect), предполагающей недопустимость введения ограничений или ответственности, если это может уменьшить стремление пользоваться свободой выражения мнений (постановления от 10 мая 2011 года по делу «Мосли (Mosley) против Соединенного Королевства», от 25 февраля 2010 года по делу «Рено (Renaud) против Франции» и от 23 апреля 2015 года по делу «Морис (Morice) против Франции»).

Следовательно, право обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления, не являясь по юридической природе абсолютным, допускает установление федеральным законодателем порядка его реализации на основе соразмерных ограничений в соответствии с конституционно обоснованными критериями и принципами равенства, справедливости, уважения достоинства личности, защиты чести и доброго имени гражданина (статья 19, части 1 и 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

3. Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», регулируя правоотношения, связанные с реализацией гражданином Российской Федерации конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, а также устанавливая порядок рассмотрения обращений граждан государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (часть 1 статьи 1), является законодательной основой взаимодействия гражданина с органами публичной власти в рамках рассмотрения последними обращений (предложений, жалоб, заявлений) граждан.

С правом граждан на обращение, как оно урегулировано названным Федеральным законом, соотносятся установленные в отношении государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц конкретные обязанности, сроки их исполнения, ответственность уполномоченных должностных лиц (статьи 10–12, 15 и 16); при этом в качестве гарантии данного права закрепляется право обжаловать в административном и (или) судебном порядке принятое по обращению решение или действие (бездействие) в связи с рассмотрением этого обращения (пункт 4 статьи 5).

Закрепляя принцип свободной и добровольной реализации гражданами Российской Федерации права на обращение и устанавливая недопустимость нарушения при его осуществлении прав и свобод других лиц, Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» содержит требования, направленные на защиту чести и достоинства личности, охрану общественных отношений в сфере рассмотрения обращений граждан, а также правила противодействия злоупотреблению правом (часть 2 статьи 2, часть 3 статьи 11 и др.). При этом, определяя права гражданина при рассмотрении обращения, а также требования к письменному обращению (статьи 5 и 7), федеральный законодатель не устанавливает специальных требований к содержанию обращений граждан, за исключением случаев, когда предусматривается возможность не давать ответ по существу поставленных в обращении вопросов (статья 11), а также не определяет критериев оценки обоснованности обращения, презюмируя – по смыслу статьи 9 – обязательность принятия обращения к рассмотрению.

Это допускает достаточно широкие возможности гражданина при реализации конституционного права на обращения, в том числе возможность направить обращение в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу и в том случае, если нарушение, по мнению этого гражданина, лишь предполагается. Такое обращение не может считаться необоснованным и исключенным из сферы действия гарантий, установленных Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», а потому предусматривает обязанность соответствующих органов и должностных лиц дать правовую оценку сообщаемым фактам в целях обеспечения конституционных прав и свобод обратившегося гражданина или других лиц.

Одновременно федеральный законодатель в рамках реализации своих дискреционных полномочий установил гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением (статья 6), с тем чтобы реализация его конституционного права не вела к ограничению или отрицанию иных прав и свобод этого гражданина, а также с целью минимизации негативного воздействия на иных лиц, с правами и свободами которых могут соотноситься сведения, которые использовались гражданином в обращении. Этому соответствует запрет на преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц (часть 1), недопущение разглашения сведений, содержащихся в обращении, а также сведений, касающихся частной жизни гражданина, без его согласия, имея, однако, в виду, что сам факт направления письменного обращения в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов, не является разглашением сведений (часть 2).

Раскрывая конституционно-правовой смысл данных положений, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, будучи направленными на реализацию положений статей 2, 15 (часть 2), 17, 33 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, они выступают гарантией права на обращение в органы публичной власти, которая исключает распространение неопределенному кругу лиц сведений о содержании обращения, тем более относящихся к частной жизни гражданина (определения от 22 декабря 2015 года № 2906-О и от 25 января 2018 года № 62-О). Соответственно, действующее регулирование устанавливает особый (ограниченный) режим использования информации, которая поступила государственным органам, органам местного самоуправления и их должностным лицам в связи с получением обращений граждан, не предполагающий ее произвольного (не связанного с проверкой указанных в обращении фактов) разглашения.

Таким образом, в системе действующего правового регулирования – даже с учетом потенциально возможного риска причинения вреда правам и свободам лиц, с которыми связана содержащаяся в обращении информация, – само по себе обращение в государственный орган или орган местного самоуправления, обусловленное целью получения содействия по реализации прав и свобод обратившегося гражданина или прав и свобод других лиц, не может рассматриваться как распространение (разглашение) информации.

Из такого же понимания обращения в государственные органы и органы местного самоуправления как конституционно необходимого средства защиты частных и публичных интересов исходит и Верховный Суд Российской Федерации, который в своих решениях указывал на недопустимость привлечения лица к гражданско-правовой ответственности за распространение порочащих честь, достоинство или деловую репутацию сведений в связи с направлением обращений в государственные органы и органы местного самоуправления, если само такое обращение обусловлено намерением ответчика реализовать свое конституционное право (пункт 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; пункт 9 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 года).

По смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не должно влечь для него неблагоприятные правовые последствия, тем более в форме уголовной ответственности (Постановление от 20 декабря 1995 года № 17-П). Вместе с тем выход за установленные федеральным законодателем пределы реализации этого конституционного права объективно может создавать угрозу конституционным правам и свободам других лиц

и охраняемым публичным интересам, а потому предполагает допустимость введения законодательных ограничений в этой сфере, связанных в том числе с привлечением к ответственности. Иное понимание существа права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, по сути, означало бы незащищенность лица, о действиях которого, носящих якобы противоправный характер, информируются на систематической основе государственные органы, органы местного самоуправления с целью причинения ему вреда.

В практике Европейского Суда по правам человека также признается, что сам по себе ограниченный режим использования информации в таких случаях не исключает риск потенциального причинения вреда репутации лица, а необходимость применения в таких случаях санкций зависит в том числе от содержания, достоверности, формы и последствий переданной информации, а также цели ее передачи (постановление от 27 июня 2017 года по делу «Отделение исламской общины в Брчко и другие (Medzlis Islamske Zajednice Brcko and Others) против Боснии и Герцеговины»).

4. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, меры, устанавливаемые в уголовном законе в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате преступного деяния, с тем чтобы обеспечивались соразмерность мер уголовного наказания совершенному преступлению, а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от преступных посягательств (Постановление от 27 мая 2008 года № 8-П).

Поскольку уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на факты противоправного поведения в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого противоправного деяния (постановления от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 июня 2014 года № 18-П, от 16 июля 2015 года № 22-П и др.).

Таким образом, по смыслу данных правовых позиций, отсутствие противоправности деяния исключает и его уголовную наказуемость. Иное, в нарушение требований части второй статьи 54 Конституции Российской Федерации, согласно которой никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, а также статьи 14 УК Российской Федерации, признающей преступлением лишь виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное этим Кодексом под угрозой наказания, приводило бы к возложению уголовной ответственности за деяние, которое не является противоправным.

Определяя в части первой статьи 128.1 УК Российской Федерации состав преступления клеветы, криминообразующим (составообразующим) признаком объективной стороны соответствующего деяния федеральный законодатель установил именно распространение сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, а способы совершения такого деяния должны оцениваться судами в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств.

Вопрос об ответственности за преступление, предусмотренное этой нормой уголовного закона, применительно к деянию, сопряженному с обращением в государственные органы и органы местного самоуправления, в том числе квалификация этого деяния в качестве преступления, подлежит разрешению на основе исследования фактических обстоятельств в системной связи с положениями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Само по себе обращение в указанные органы, связанное с

реализацией конституционного права лица на обращение, не ведет к распространению (разглашению) этой информации. Систематический же характер такого рода обращений граждан, т.е. использование конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления путем постоянного направления информации, вынуждающего эти органы неоднократно проверять факты, указанные в обращениях, может свидетельствовать о намерении причинить вред лицу, о противоправных действиях которого содержалась информация в обращении.

Выяснение же того, было ли обращение в государственные органы, органы местного самоуправления обусловлено стремлением (попыткой) реализовать свои конституционные права или оно связано исключительно с намерением причинить вред другому лицу, подлежит установлению на основе фактических обстоятельств в каждом конкретном случае, имея в виду недопустимость установления судом лишь формальных условий применения нормы, на что неоднократно ориентировал в своих решениях и Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П, от 31 марта 2015 года № 6-П, от 5 июля 2016 года № 15-П, от 11 февраля 2019 года № 9-П и др.).

Таким образом, сама по себе часть первой статьи 128.1 УК Российской Федерации не содержит неопределенности и не может расцениваться в обозначенном заявителем аспекте как нарушающая его конституционные права.

5. Обращаясь к вопросам уголовно-процессуального регулирования порядка возбуждения дел частного обвинения, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал следующие правовые позиции.

Уголовные дела частного обвинения, по общему правилу, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (часть вторая статьи 20 УПК Российской Федерации). При этом такое заявление не только признается поводом к возбуждению уголовного дела, но и рассматривается в качестве обвинительного акта, в рамках которого осуществляется уголовное преследование. Устанавливая эти правила, законодатель исходил из того, что соответствующие преступления не представляют значительной общественной опасности и их раскрытие обычно не вызывает трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять уголовное преследование – обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частного-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства (постановления от 27 июня 2005 года № 7-П и от 17 октября 2011 года № 22-П).

Наделение потерпевшего полномочиями правоохранительных органов и их должностных лиц в доказательственной сфере означало бы обременение его публично-правовыми правоохранительными функциями без конституционных на то оснований. В то же время реализация потерпевшим его процессуальных прав по делам частного обвинения не меняет природы соответствующих судебных решений как государственных правовых актов, выносимых именем Российской Федерации и имеющих общеобязательный характер (Определение от 17 сентября 2013 года № 1336-О).

Следовательно, с учетом изложенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, сохраняющих свою силу, положения статьи 318 УПК Российской Федерации не содержат неопределенности в вопросе об их соответствии Конституции Российской Федерации и сами по себе не могут расцениваться как нарушающие права заявителя.

Проверка же правильности установления фактических обстоятельств, послуживших основанием привлечения М.В. Москалева к уголовной ответственности, а равно оценка пра-

вильности выбора и применения норм права в конкретном деле, на что, по существу, направлены доводы заявителя, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, установленной в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относятся.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Москалева Михаила Васильевича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.
3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 5 декабря 2019 г. № 3271-О

по запросу Воронежского областного суда о проверке конституционности части первой статьи 389.24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи А.И. Бойцова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса Воронежского областного суда,

у с т а н о в и л:

1. Согласно части первой статьи 389.24 «Отмена приговора или изменение иного судебного решения в сторону ухудшения положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено» УПК Российской Федерации обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей и (или) представителей.

Как следует из представленных материалов, приговором Семилукского районного суда Воронежской области от 31 октября 2018 года гражданин Х. осужден по пункту «б» части второй статьи 165 «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием» УК Российской Федерации к двум годам лишения свободы условно с испытательным сроком полтора года и на основании пункта 3 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации освобожден от наказания вследствие акта об амнистии.

Приговор обжалован стороной защиты в суд апелляционной инстанции со ссылкой на несоответствие изложенных в нем выводов фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, и с требованием оправдать осужденного по предъявленному обвинению. Установив по итогам рассмотрения дела в судебном заседании, что потерпевшему был причинен реальный материальный ущерб (а не ущерб в виде упущенной выгоды – составообразующий признак вмененного Х. преступления), судья судебной коллегии по уголовным делам Воронежского областного суда пришел к заключению, что фактические обстоятельства дела указывают на наличие оснований для квалификации действий осужденного как более тяжкого преступления, и принял решение об отмене приговора районного суда и возвращении дела прокурору в соответствии с пунктом 6 части первой

статьи 237 УПК Российской Федерации для устранения препятствий его рассмотрения судом (апелляционное постановление от 30 января 2019 года).

Президиум Воронежского областного суда рассмотрел в судебном заседании кассационную жалобу адвоката осужденного, оспаривавшего на основе собранных по делу доказательств виновность Х. и полагавшего необходимым прекратить производство по делу в соответствии с пунктом 1 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации ввиду его непричастности к совершению преступления либо в соответствии с пунктом 3 части первой статьи 24 того же Кодекса в связи с истечением срока давности уголовного преследования, а также кассационное представление заместителя прокурора Воронежской области, в котором ставился вопрос об отсутствии в содеянном признаков более тяжкого преступления и о том, что вопреки разъяснениям, содержащимся в пунктах 16 и 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», суд апелляционной инстанции принял решение, ухудшающее положение осужденного по отношению к приговору суда первой инстанции, хотя ни прокурор, ни потерпевший приговор не обжаловали. Усомнившись в конституционности части первой статьи 389.24 УПК Российской Федерации, как препятствующей суду апелляционной инстанции, усмотревшему основания для изменения квалификации содеянного в неблагоприятную для осужденного сторону, отменить приговор и вернуть дело прокурору при отсутствии представления прокурора или жалобы потерпевшего, суд кассационной инстанции приостановил производство по делу Х. и направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации (постановление от 19 июня 2019 года).

В своем запросе заявитель просит признать данную норму уголовно-процессуального закона противоречащей в том числе статьям 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она не допускает принятия судом апелляционной инстанции по собственной инициативе решения о возвращении уголовного дела прокурору в связи с наличием оснований для предъявления более тяжкого обвинения.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует каждому не подлежащее ограничению право на судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1; статья 56, часть 3), в рамках которой возможно обжалование в суд решений и действий (бездействия) любых государственных органов, включая судебные. Из ее статьи 50 (часть 3), закрепляющей право осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, вытекает обязательность предоставления каждому, в отношении кого выдвинуто обвинение в преступлении, права на рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями. В свою очередь, законодатель может предусмотреть процедурные особенности производства в каждой из этих инстанций.

Указанные конституционные нормы – в их взаимосвязи со статьей 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, и с учетом положений о праве на пересмотр приговора, содержащихся в пункте 5 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, статье 2 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, – предполагают законодательное обеспечение осужденному возможностей для защиты своих прав и интересов при рассмотрении дела в суде второй инстанции. Объем конкретных правомочий, которые предоставляются ему в этих целях, связан как с пределами компетенции суда второй инстанции, так и с правилами рассмотрения дел на этой стадии судопроизводства и содержанием тех прав, которыми наделены другие участники процесса.

Закрепляя на основе Конституции Российской Федерации порядок проверки судебных актов по жалобам заинтересованных лиц, законодатель, пределы усмотрения которого при определении системы и полномочий судебных инстанций, последовательности и процедуры обжалования, оснований для отмены ошибочных судебных актов вышестоящей судебной инстанцией достаточно широки, должен исходить из конституционных целей и ценностей, общепризнанных принципов и норм международного права и международных обязательств Российской Федерации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 1998 года № 27-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 30 ноября 2012 года № 29-П, от 20 октября 2015 года № 27-П и др.).

3. Процессуальные нормы, регламентирующие возвращение уголовного дела прокурору со стадии рассмотрения его в суде первой инстанции, включая вопрос о повороте обвинения к худшему, уже были предметом оценки Конституционного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении от 2 июля 2013 года № 16-П Конституционный Суд Российской Федерации, касаясь производства в суде первой инстанции, отметил, что, поскольку признание виновным в совершении преступления составляет исключительную компетенцию судебной власти, суд должен иметь возможность самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, по своему внутреннему убеждению оценить обстоятельства находящегося в его производстве дела, не вторгаясь в функцию обвинения, и выбрать подлежащую применению норму права, равно как обязан вынести на этой основе правосудное решение по делу при соблюдении процедуры, гарантирующей реализацию процессуальных прав участников судопроизводства.

Соответственно, когда в ходе судебного разбирательства (которое, как следует из статьи 252 УПК Российской Федерации, проводится только по предъявленному обвинению, а изменение обвинения в судебном разбирательстве в сторону ухудшения не допускается) суд обнаружит нарушение требований процессуальных норм, препятствующее рассмотрению им дела, в том числе ввиду несоответствия квалификации инкриминируемого обвиняемому преступления обстоятельствам, указанным в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, ограничение права суда на выбор нормы уголовного закона, подлежащей применению, или на возвращение дела прокурору (как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе) на основании части первой статьи 237 УПК Российской Федерации ставит предстоящее решение суда в зависимость от решения, обоснованность которого как раз и составляет предмет судебной проверки и которое принимается органами уголовного преследования, в частности входящими в систему исполнительной власти. Такое ограничение является неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти, самостоятельность которой находится под защитой Конституции Российской Федерации, прежде всего ее статей 10 и 120 (часть 1).

Во исполнение данного Постановления Федеральным законом от 21 июля 2014 года № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в часть первую статьи 237, регламентирующую возвращение судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, введен пункт 6, предусматривающий полномочие принять такого рода решение и в случае выявления судом обстоятельств, которые указывают на наличие оснований для квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления.

4. Специфика апелляционного производства – следующей за постановлением приговора отдельной стадии уголовного процесса, на которой проверяется не только законность, но и обоснованность и справедливость приговора, – состоит в ординарном, по существу, порядке рассмотрения уголовного дела с соблюдением, в силу статьи 389.13 УПК Российской Федерации, установленных главой 35 того же Кодекса (с изъятиями, предусмотренными его главой 45.1) общих условий судебного разбирательства, включая запрет на поворот предъявленного

обвинения к худшему непосредственно решением суда. Уголовно-процессуальное законодательство, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, предполагает недопустимость изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение осужденного, иначе как посредством отмены апелляционной инстанцией приговора и направления дела прокурору (определения от 15 января 2015 года № 129-О и от 14 января 2016 года № 15-О). Нормативной основой такого движения дела на апелляционной стадии служат положения пункта 5 статьи 389.15, пункта 7 части первой и части третьей статьи 389.20, части третьей статьи 389.22 УПК Российской Федерации, по смыслу которых выявление указанных в части первой и пункте 1 части первой.2 статьи 237 того же Кодекса обстоятельств является основанием для отмены обвинительного приговора или иного решения суда первой инстанции с возвращением дела прокурору, в том числе в случае, когда фактические обстоятельства свидетельствуют о наличии оснований для квалификации содеянного как более тяжкого преступления.

Таким образом, апелляционное производство, выступающее формой проверки не вступивших в законную силу приговоров с точки зрения не только соблюдения правовых норм, но и соответствия изложенных в приговоре выводов фактическим обстоятельствам уголовного дела, подразумевает наделение суда достаточно широким спектром процессуальных полномочий по отмене и изменению проверяемых судебных актов. Он может как самостоятельно, не возвращая дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, исправить допущенные тем ошибки, рассмотрев дело по существу с вынесением итогового судебного решения по основаниям, влекущим улучшение или ухудшение положения осужденного по отношению к приговору нижестоящего суда, так и принять решение о возвращении дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения по существу. При этом пределы прав суда апелляционной инстанции в принятии решений, влекущих возможность изменения обвинения (обвинительного приговора) в сторону, ухудшающую положение осужденного, predeterminedены прежде всего самим предназначением данного суда, функционально призванного, как следует из пункта 2 статьи 5 и статьи 389.9 УПК Российской Федерации, рассматривать уголовные дела по жалобам и представлениям на не вступившие в законную силу приговоры, определения и постановления суда.

4.1. Отправление правосудия только судом, не зависящим от органов законодательной и исполнительной власти, на основе состязательности и равноправия сторон судопроизводства (статьи 10 и 118; статья 120, часть 1; статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) предполагает разрешение судом дела на основании поступающих к нему обращений, а потому переход дела в инстанционном порядке на апелляционную стадию уголовного процесса может быть инициирован по жалобе сторон уголовно-правового конфликта (осужденного, оправданного, потерпевшего, частного обвинителя) и соединенного с ним гражданско-правового спора (гражданского истца и гражданского ответчика в части, касающейся гражданского иска), защитников, законных представителей и представителей соответствующих лиц либо по представлению должностных лиц, уполномоченных от имени государства осуществлять уголовное преследование (государственного обвинителя или вышестоящего прокурора), и по обращениям иных лиц, пользующихся правом апелляционного обжалования в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы (статья 389.1 УПК Российской Федерации). Тем самым апелляционные жалобы и представления относятся к числу обязательных элементов механизма возбуждения апелляционного производства, причем несогласие уполномоченного их принести лица с принятым судом первой инстанции решением должно быть выражено в письменной форме и содержательно соответствовать нормативно установленным требованиям (статья 389.6 УПК Российской Федерации), несоблюдение которых препятствует рассмотрению дела, а невыполнение требований

судьи по устранению недостатков обращения влечет его признание неподанным, а приговора или иного судебного решения – необжалованным и вступившим в законную силу.

В системной связи с таким порядком деятельности суда на апелляционной стадии, инициируемой при наличии процессуального волеизъявления сторон в форме подачи жалобы или представления, находится правило о недопустимости поворота к худшему (*non reforgatio in rejus*), означающее применительно к этой стадии запрет изменять или отменять приговор нижестоящего суда непосредственно решением апелляционной инстанции по неблагоприятным для подсудимого основаниям по его жалобе или жалобе, поданной в его интересах. Согласно статье 389.24 УПК Российской Федерации обвинительный приговор, определение, постановление суда первой инстанции могут быть изменены в сторону ухудшения положения осужденного не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей или представителей (часть первая), а оправдательный приговор может быть отменен с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство не иначе как по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей или представителей на незаконность и необоснованность оправдания (часть вторая).

Указанное регулирование обусловлено необходимостью обеспечить права на судебную защиту, на обжалование в суд решений государственных органов и на пересмотр приговора вышестоящим судом (статья 46, части 1 и 2; статья 50, часть 3, Конституции Российской Федерации) надлежащими гарантиями их беспрепятственного осуществления в условиях реальной свободы обжалования. Эта свобода, помимо прочего, предполагает отсутствие у стороны защиты причин опасаться того, что инициированная ею процедура апелляционного производства тем или иным образом приведет к принятию судебного акта, ухудшающего положение подсудимого по сравнению с обжалуемым актом. Наличие подобных опасений значимым образом осложняло бы принятие стороной защиты решения об обжаловании не вступившего в законную силу приговора, вызывая своего рода «охлаждающий эффект» («*chilling effect*») в стремлении реализовать данное право либо даже вынуждая отказаться от его реализации. В таких условиях риск возможного изменения положения подсудимого в неблагоприятную для него сторону после проверки приговора, проведенной по его же жалобе, мог бы стать фактором, препятствующим реализации им конституционного права на обжалование приговора и рассмотрение его дела как минимум двумя судебными инстанциями.

4.2. Вытекающее из статьи 389.24 УПК Российской Федерации правило о запрете поворота к худшему, как направленное на недопущение негативных последствий, которые могли бы наступить для инициатора апелляционного обжалования приговора, должно соблюдаться – в силу своей конституционно-правовой значимости в контексте охраняемого Конституцией Российской Федерации права на судебное обжалование – и в случае отмены апелляционной инстанцией приговора нижестоящего суда с возвращением уголовного дела прокурору ввиду установления оснований для квалификации содеянного как более тяжкого преступления, хотя допустимость подобного изменения положения лица в неблагоприятную для него сторону лишь по представлению прокурора либо по жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей или представителей названной нормой специально не оговорена.

Между тем Конституционный Суд Российской Федерации, следуя выработанной им правовой позиции, в силу которой судебная функция разрешения уголовного дела и функция возбуждения уголовного преследования, формулирования обвинения и его поддержания перед судом указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных законом случаях – также потерпевшими должны быть строго разграничены (постановления от 20 апреля 1999 года № 7-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П и др.), уже констатировал наличие у суда апелляционной инстанции полномочий – если имеется представление прокурора или

жалоба потерпевшего на приговор, которыми инициирован апелляционный пересмотр дела и в которых поставлен вопрос о необходимости учета отягчающего наказание обстоятельства или об ужесточении наказания осужденному, а значит, об ухудшении его положения, – отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору (определения от 15 января 2015 года № 129-О и от 14 января 2016 года № 15-О).

Из того же исходит и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, ориентирующий суды в постановлении от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» на то, что с учетом требований части первой статьи 389.24 УПК Российской Федерации суд апелляционной инстанции может принять решение, ухудшающее положение осужденного по отношению к приговору суда первой инстанции, не иначе как по представлению прокурора или жалобе потерпевшего, частного обвинителя, их законных представителей или представителей, причем не вправе выходить за пределы доводов жалобы или представления (абзац третий пункта 16).

Следовательно, часть первая статьи 389.24 УПК Российской Федерации, рассматриваемая в системе действующего правового регулирования, не может расцениваться как допускающая принятие судом апелляционной инстанции по собственной инициативе решения об отмене не оспоренного прокурором, потерпевшим или другими участниками судопроизводства, представляющими сторону обвинения, приговора суда первой инстанции и о возвращении уголовного дела прокурору по мотиву необходимости предъявить подсудимому более тяжкое обвинение. Иное истолкование данной нормы, предполагающее возможность возвращения уголовного дела прокурору в связи с наличием оснований для изменения обвинения на более тяжкое невзирая на инициирование процедуры апелляционного пересмотра дела стороной защиты в отсутствие представления прокурора, жалобы потерпевшего или других участников процесса со стороны обвинения, означало бы существенное ограничение процессуальных гарантий права на судебную защиту и обжалование в суд решений любых государственных органов, включая судебные, а также права каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом, что не отвечало бы предписаниям статей 46 (части 1 и 2), 50 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать запрос Воронежского областного суда не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесения предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 12 ноября 2019 г. № 2968-О

по запросу мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Н.В. Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение запроса мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области,

у с т а н о в и л :

1. В производстве мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области находятся три дела об административных правонарушениях, предусмотренных частью 2 статьи 14.1.3 КоАП Российской Федерации (осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами с нарушением лицензионных требований), в отношении директоров организаций, осуществляющих управление многоквартирными домами. Основанием для их возбуждения послужило выявление уполномоченным должностным лицом государственной жилищной инспекции Нижегородской области в феврале 2019 года снежных навесов, наледи и сосулек на кровлях, лоджиях и козырьках подъездов многоквартирных домов, расположенных на территории городского округа город Выкса Нижегородской области, что, по мнению указанного должностного лица, является нарушением лицензионных требований к предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами. Фактические обстоятельства всех трех дел аналогичны.

Мировой судья, сделав заключение, что доказательства совершения административных правонарушений являются недопустимыми, постановлениями от 21 марта 2019 года производство по данным делам прекратил в связи с отсутствием состава административного правонарушения. Выксунский городской суд Нижегородской области решениями от 22 апреля 2019 года удовлетворил жалобы должностного лица государственной жилищной инспекции на постановления мирового судьи, отменив их на основании пункта 4 части 1 статьи 30.7 КоАП Российской Федерации в связи с существенным нарушением мировым судьей процессуальных требований, что не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть данные дела об административных правонарушениях, а дела направил этому же мировому судье на новое рассмотрение.

Мировой судья судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области, придя к выводу о том, что подлежащее применению при новом рассмотрении указанных дел об административных правонарушениях положение пункта 4 части 1 статьи 30.7 КоАП Российской Федерации, предусматривающее рассмотрение дела мировым судьей, ранее уже исследовавшим обстоятельства дела и оценившим соответствующие доказательства, нарушает право каждого на рассмотрение его дела справедливым и беспристрастным судом, производство по делам приостановил и направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации о проверке конституционности пункта 4 части 1 статьи 30.7 КоАП Российской Федерации, в котором просит признать оспариваемое законоположение не соответствующим Конституции Российской Федерации, в частности ее статьям 2, 46 (часть 1) и 47 (часть 1).

2. Из взаимосвязанных положений статей 46 (часть 1), 52, 53 и 120 Конституции Российской Федерации вытекает предназначение судебного контроля как способа разрешения правовых споров на основе независимости и беспристрастности суда (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2007 года № 566-О-О, от 18 декабря 2007 года № 888-О-О, от 15 июля 2008 года № 465-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1298-О-О и др.), которые объективно могут быть поставлены под сомнение при повторном участии судьи в рассмотрении дела об административном правонарушении после отмены вышестоящим судом его первоначального решения.

2.1. Частью 1 статьи 30.7 КоАП Российской Федерации определены виды решений, принимаемых по результатам рассмотрения жалобы на постановление по делу об административном правонарушении, основания и условия их принятия, т.е., по сути, пределы полномочий судьи, рассматривающего жалобу на постановление по делу об административном правонарушении. По результатам рассмотрения жалобы может быть вынесено решение об отмене постановления и о возвращении дела на новое рассмотрение в случаях существенного нарушения процессуальных требований, предусмотренных данным Кодексом, если это не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело, а также в связи с необходимостью применения закона об административном правонарушении, влекущем назначение более строгого административного наказания, если потерпевшим по делу подана жалоба на мягкость примененного административного наказания; при этом возвращение дела на новое рассмотрение возможно лишь тому субъекту административной юрисдикции (судье, в орган, должностному лицу), который правомочен рассмотреть конкретное дело об административном правонарушении (пункт 4 части 1 статьи 30.7 КоАП Российской Федерации).

Таким образом, оспариваемое заявителем законоположение имеет универсальный для привлечения к административной ответственности характер и, равно как и иные процессуальные нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, рассчитано на регулирование производства по делам об административных правонарушениях, осуществляемого не только судами (судьями), но и иными органами и должностными лицами.

Задачей нового рассмотрения дела является устранение выявленных вышестоящим судом нарушений и обеспечение защиты прав, ущемленных в результате судебной ошибки, имевшей место при предыдущем рассмотрении дела. Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия, судебная ошибка должна расцениваться как нарушение статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и в соответствии с ее статьей 18 подлежит устранению в судебном порядке (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1996 года № 4-П и от 3 февраля 1998 года № 5-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 сентября 2014 года № 2099-О, от 16 июля 2015 года № 1619-О и др.). Если новое рассмотрение дела об административном правонарушении осуществляется в судебном порядке, оно само

по себе в силу конституционных принципов независимости и беспристрастности суда не исключает такое рассмотрение иным составом суда – в случае подачи лицом, участвующим в производстве по делу об административном правонарушении, соответствующего ходатайства (статья 24.4 КоАП Российской Федерации) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 1033-О-О и от 29 сентября 2011 года № 1298-О-О).

При этом в случае, если при первоначальном рассмотрении дела об административном правонарушении судьей фактически не исследовались вопросы виновности лица в совершении соответствующего административного правонарушения и производство по делу было прекращено в связи с выводом судьи о наличии нарушений на стадии возбуждения дела об административном правонарушении, повлекших, в частности, по мнению судьи, недопустимость представленных доказательств, направление вышестоящим судьей дела на новое рассмотрение данному судье для рассмотрения по существу не может рассматриваться как безусловно несовместимое с принципами беспристрастности и независимости суда. Кроме того, судья в процессе судопроизводства, в том числе после возвращения ему дела на новое рассмотрение, оценив доказательства по делу по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном их исследовании, осуществляет выбор подлежащих применению в конкретном деле норм, дает собственное их толкование в системе действующего правового регулирования и принимает решение в пределах предоставленной ему законом свободы усмотрения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 года № 19-П).

В целях объективности и беспристрастности лиц, рассматривающих дела об административных правонарушениях, исходя из публичного характера исполняемых ими обязанностей, несовместимого с наличием у них личной заинтересованности в исходе дела, федеральный законодатель установил, что при наличии обстоятельств, предусмотренных частью 1 статьи 29.2 КоАП Российской Федерации, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевший, законный представитель физического или юридического лица, защитник, представитель, прокурор вправе заявить отвод судье. Кроме того, и сам судья, усмотрев такие обстоятельства, обязан заявить самоотвод. При этом, связывая с наличием данных обстоятельств отсутствие должных гарантий объективности и беспристрастности указанных лиц при принятии ими решения по конкретному делу об административном правонарушении, федеральный законодатель непосредственно не включил в соответствующий перечень факт предыдущего участия этих лиц в рассмотрении того же дела (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2013 года № 486-О, от 17 июля 2014 года № 1651-О и от 18 июля 2019 года № 2124-О).

Однако отсутствие в числе обстоятельств, исключающих возможность рассмотрения дела об административном правонарушении судьей, факта его предшествующего участия в данном деле не может рассматриваться как препятствие для судьи, считающего себя связанным ранее изложенной по делу позицией и имеющего заинтересованность в разрешении дела определенным образом, подать заявление о самоотводе, подлежащее рассмотрению по правилам статьи 29.3 КоАП Российской Федерации. Кроме того, согласно части 3 статьи 30.6 и части 2 статьи 30.16 этого же Кодекса судья, пересматривающий вынесенные по результатам нового рассмотрения дела постановление и (или) решение, в интересах законности проверяет дело об административном правонарушении в полном объеме, в том числе в части обоснованности отказа в удовлетворении заявления об отводе судьи.

Таким образом, оспариваемое законоположение, вопреки приведенным заявителем доводам, не противоречит конституционным принципам независимости и беспристрастности суда и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права граждан.

Вместе с тем федеральный законодатель в целях дополнительного обеспечения права граждан на судебную защиту и реализации принципов беспристрастности и независимости суда не лишен возможности установить, что в случае отмены судьей вышестоящего суда постановления судьи по делу об административном правонарушении и (или) решения судьи по жалобе на него дело подлежит направлению на новое рассмотрение иному судье (мировому судье другого судебного участка), оптимизировав тем самым действующее правовое регулирование, осложненное использованием процедур самоотвода и отвода судьи.

3. В силу Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» суд при рассмотрении дела в любой инстанции, придя к выводу о несоответствии Конституции Российской Федерации закона, подлежащего применению им в указанном деле, обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данного закона (часть первая статьи 101); основанием к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемая заявителем норма (часть вторая статьи 36); следовательно, отсутствие такой неопределенности влечет отказ в принятии обращения к рассмотрению.

Поскольку такая неопределенность относительно пункта 4 части 1 статьи 30.7 КоАП Российской Федерации отсутствует, запрос мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области не может быть принят Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать запрос мирового судьи судебного участка № 1 Выксунского судебного района Нижегородской области не подлежащим дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесения предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данному запросу окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 11 апреля 2019 г. № 863-О

по жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы граждан В.В. Зубкова и О.В. Крупочкина,

у с т а н о в и л:

1. Постановлением от 21 декабря 2017 года Кировский районный суд города Ярославля отказал в принятии к рассмотрению ходатайства, поданного в соответствии со статьей 165 УПК Российской Федерации, регламентирующей судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия, старшим следователем следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ярославской области о разрешении допросить О.В. Крупочкина, являющегося адвокатом, в качестве свидетеля и провести с его участием очную ставку в рамках расследования уголовного дела в отношении В.В. Зубкова, который обвиняется в двух покушениях на мошенничество (часть третья статьи 30 и часть четвертая статьи 159 УК Российской Федерации) и в фальсификации доказательств по гражданскому делу (часть первая статьи 303 УК Российской Федерации) и которому О.В. Крупочкин оказывал юридическую помощь. Суд пришел к выводу, что целью данных следственных действий служит проверка причастности О.В. Крупочкина к содеянному В.В. Зубковым, и указал на необходимость руководствоваться при уголовном преследовании адвоката положениями главы 52 УПК Российской Федерации об особенностях производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц.

На основании постановления следователя от 25 декабря 2017 года О.В. Крупочкин для допроса об обстоятельствах представления им в суд по гражданскому делу с участием В.В. Зубкова подложной копии договора был подвергнут приводу к следователю без предварительного судебного решения, поскольку О.В. Крупочкин, ссылаясь на свой статус представителя В.В. Зубкова в гражданском деле и его защитника в уголовном деле, явиться на допрос и дать показания отказался. Эта позиция О.В. Крупочкина была отражена и в прото-

коле его допроса в качестве свидетеля от 27 декабря 2017 года. О.В. Крупочкин обратился в Кировский районный суд города Ярославля с жалобой на постановление следователя, на действия и бездействие сотрудников правоохранительных органов, связанные с его приводом и допросом, однако постановлением от 19 марта 2018 года (оставлено без изменения апелляционным постановлением Ярославского областного суда от 14 мая 2018 года) суд отказал в удовлетворении жалобы в части признания незаконными решения следователя и самого привода, а в остальном производство по жалобе прекратил.

Впоследствии, при рассмотрении уголовного дела В.В. Зубкова, в котором О.В. Крупочкин участвовал в качестве защитника, Дзержинский районный суд города Ярославля постановлением от 3 октября 2018 года удовлетворил заявление стороны обвинения об отводе О.В. Крупочкина ввиду того, что в данном деле тот является свидетелем.

В.В. Зубков и О.В. Крупочкин просят признать противоречащими статьям 2, 8 (часть 2), 18, 19, 32 (части 1 и 5), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 51, 56 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации нормы следующих статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

статьи 38, предусматривающей права и обязанности следователя при осуществлении предварительного следствия по уголовному делу;

статьи 88, содержащей правила оценки доказательств;

статьи 113, регуливающей привод к дознавателю, следователю или в суд обвиняемого, свидетеля и иных лиц в случае их неявки по вызову без уважительных причин;

статьи 125 о судебном порядке рассмотрения жалоб;

статьи 152, а именно ее части первой, в соответствии с которой предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, за исключением случаев, предусмотренных данной статьей; в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или органу дознания, дознавателю вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий дознавателю или органу дознания; поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

Заявители также оспаривают конституционность положений части 2 статьи 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» о том, что требования (запросы, поручения) сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, предъявленные (направленные, данные) при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования или осуществлении других полномочий, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок.

По мнению заявителей, указанные нормы неконституционны, поскольку позволяют без предварительного решения суда производить в отношении адвоката оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, в том числе наблюдать за адвокатом, задерживать адвоката, осуществлять его привод на допрос в качестве свидетеля, допрашивать в этом качестве, применять к нему иные подобные меры.

2. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал в своих решениях (постановления от 29 ноября 2010 года № 20-П, от 17 декабря 2015 года № 33-П, определения от 6 июля 2000 года № 128-О, от 8 ноября 2005 года № 439-О, от 29 мая 2007 года № 516-О-О и др.), что право на получение квалифицированной юридической помощи – в числе других прав и свобод человека и гражданина, признание, соблюдение и защита которых составляют обязанность государства и которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодатель-

ной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием, – признается и гарантируется в России в соответствии с Конституцией Российской Федерации и согласно общепризнанным принципам и нормам международного права (статьи 2, 17, 18 и 48 Конституции Российской Федерации). Государство, призванное гарантировать данное право, в силу статей 45 (часть 1) и 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязано создавать и надлежащие условия гражданам для его реализации, а лицам, оказывающим юридическую помощь, включая адвокатов, – для эффективного осуществления их деятельности. Право пользоваться помощью адвоката (защитника) признается в качестве одного из основных прав человека и международно-правовыми актами, являющимися в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы России, – Международным пактом о гражданских и политических правах (подпункты «b», «d» пункта 3 статьи 14) и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (подпункт «с» пункта 3 статьи 6).

Необходимая составляющая права пользоваться помощью адвоката (защитника) – обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем, которая выступает не привилегией адвоката, а гарантией законных интересов его доверителя, подлежащих защите в силу Конституции Российской Федерации, предусматривающей право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), запрещающей сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1), закрепляющей право обвиняемого считаться невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1), а также право не свидетельствовать против самого себя (статья 51, часть 1), которое означает не только отсутствие у лица обязанности давать против себя показания в качестве свидетеля, подозреваемого, обвиняемого или предоставлять такие сведения в какой бы то ни было иной форме, но и запрет на принудительное изъятие и использование таких сведений, если они были ранее доверены лицом адвокату под условием сохранения их конфиденциальности в целях обеспечения защиты своих прав и законных интересов.

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации корреспондируют положения Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которым никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию, каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств, а обвиняемый – право не быть принуждаемым к даче показаний против себя самого (подпункт «g» пункта 3 статьи 14 и статья 17), и положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, провозглашающей право каждого на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции и не допускающей вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц (статья 8).

Конституционные предписания и корреспондирующие им нормы международного права, исключающие возможность произвольного вмешательства в сферу индивидуальной автономии личности, обязывают государство обеспечивать в законодательстве и правоприменении такие условия для реализации гражданами права на юридическую помощь и для эффективного осуществления адвокатами деятельности по ее оказанию, при которых гражданин имеет возможность свободно сообщать адвокату сведения, которые он не сообщил бы другим лицам, а адвокат – возможность сохранить конфиденциальность полученной информации.

Признание и обеспечение со стороны государства конфиденциального характера любых сношений и консультаций между юристами и их клиентами в рамках их профессиональных отношений провозглашаются Основными принципами, касающимися роли юристов (приняты восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, проходившим в августе–сентябре 1990 года). На необходимость гарантировать независимость адвокатов при ведении дел, с тем чтобы обеспечить оказание свободной, справедливой и конфиденциальной юридической помощи и конфиденциальность отношений с клиентом, указывают Стандарты независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов (приняты 7 сентября 1990 года). Кодекс поведения для юристов в Европейском сообществе (принят 28 октября 1998 года Советом коллегий адвокатов и юридических сообществ Европейского Союза) также относит к основным признакам адвокатской деятельности обеспечение клиенту условий, когда он может свободно сообщать адвокату сведения, которые не сообщил бы другим лицам, и сохранение адвокатом как получателем информации ее конфиденциальности, поскольку без уверенности в конфиденциальности не может быть доверия; при этом требованием конфиденциальности определяются права и обязанности адвоката, имеющие фундаментальное значение для профессиональной деятельности, – адвокат должен соблюдать конфиденциальность в отношении всей информации, предоставленной ему самим клиентом или полученной им относительно его клиента или других лиц в ходе оказания юридических услуг, причем обязательства, связанные с конфиденциальностью, не ограничены во времени (пункт 2.3).

3. В российском законодательстве сформирован процессуальный режим, в рамках которого возможно проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката.

3.1. В соответствии со статьей 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю; адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (пункты 1 и 2).

Данным положениям корреспондирует статья 56 УПК Российской Федерации, в силу которой не подлежат допросу в качестве свидетелей: адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого; адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь (пункты 2 и 3 части третьей).

Однако такие гарантии распространяются лишь на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами, которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи в порядке, установленном законом, т.е. не связаны с носящими уголовно противоправный характер нарушениями ни со стороны адвоката, ни со стороны его доверителя (в частности, за пределами того уголовного дела, по которому доверитель в качестве подозреваемого, обвиняемого получает юридическую помощь адвоката), ни со стороны третьего лица. При этом вмешательство органов государственной власти во взаимоотношения подозреваемого, обвиняемого с избранным им адвокатом может иметь место в исключительных случаях – при наличии обоснованных подозрений в злоупотреблении правом со стороны адвоката и в злонамеренном его использовании со стороны лица, которому оказывается юридическая помощь (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2010 года № 20-П,

от 17 декабря 2015 года № 33-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 года № 186-О, от 29 марта 2016 года № 689-О, от 6 июня 2016 года № 1232-О, от 29 сентября 2016 года № 1758-О и от 17 июля 2018 года № 1941-О).

3.2. В случаях, если с учетом положений закона осуществление в отношении адвоката следственных действий возможно, то обыск, осмотр и выемка в его отношении допускаются при наличии предварительного судебного решения, как того требуют пункт 5.2 части второй статьи 29 и статья 450.1 УПК Российской Федерации.

Проведение в отношении адвокатов других следственных действий, включая допрос в качестве свидетеля, и оперативно-розыскных мероприятий также допускается только на основании судебного решения в силу предписаний пункта 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Эта норма, устанавливая для защиты прав и законных интересов данной категории лиц дополнительные гарантии, обусловленные их особым правовым статусом, пользуется приоритетом, как специально предназначенная для регулирования соответствующих отношений (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 года № 439-О).

Допрос адвоката в качестве свидетеля, тем более сопряженный с его принудительным приводом, проведенный в нарушение указанных правил без предварительного судебного решения, создает реальную угрозу для адвокатской тайны. Последующий судебный контроль зачастую не способен восстановить нарушенное право доверителя на юридическую помощь: ни признание протокола допроса недопустимым доказательством, ни возвращение отведенному адвокату статуса защитника, ни привлечение следователя к ответственности не могут восполнить урон, нанесенный данному конституционному праву, притом что разглашенная адвокатская тайна уже могла быть использована стороной обвинения в тактических целях.

Таким образом, в силу правового режима, сформированного в российском законодательстве в соответствии с Конституцией Российской Федерации и нормами международного права, а также с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, положения статьи 113 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи со статьями 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, статьями 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не предполагают привод адвоката к следователю для его допроса в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием им юридической помощи, без предварительного судебного решения.

Проведение таких процессуальных действий в отношении адвоката, участвующего в уголовном деле в качестве защитника, с применением правовых норм вопреки их смыслу, выявленному Конституционным Судом Российской Федерации в его решениях, включая настоящее Определение, само по себе не может служить основанием для отстранения этого адвоката от дальнейшего участия в качестве защитника в данном уголовном деле.

3.3. Что касается положений статей 38, 88, 125 и части первой статьи 152 УПК Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации», то они не исключают необходимость выполнения правоприменителями в процессе уголовного преследования всего комплекса мер по охране прав и законных интересов лиц и организаций в уголовном судопроизводстве, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, в частности статьями 7, 11, 14 и 16 данного Кодекса (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 63-О-О, от 29 сентября 2011 года № 1190-О-О, от 25 января 2012 года № 173-О-О, от 26 октября 2017 года № 2275-О и др.).

Действительные или предполагаемые нарушения права на юридическую помощь могут быть предметом судебного контроля в предусмотренном статьей 125 УПК Российской Федерации порядке, а также при рассмотрении уголовного дела по существу. Так, соглас-

но пункту 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» судам надлежит реагировать на каждое выявленное нарушение или ограничение права обвиняемого на защиту; при наличии к тому оснований суд, в частности, вправе в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации признать полученные доказательства недопустимыми (статья 75), возвратить уголовное дело прокурору в порядке, установленном статьей 237 данного Кодекса (часть третья статьи 389.22 и часть третья статьи 401.15), изменить или отменить судебное решение (статья 389.17 и часть первая статьи 401.15) и (или) вынести частное определение (постановление), в котором обратить внимание органов дознания, предварительного следствия, соответствующей адвокатской палаты или нижестоящего суда на факты нарушения закона, требующие принятия необходимых мер (часть четвертая статьи 29).

Кроме того, В.В. Зубковым и О.В. Крупочкиным не представлены материалы, подтверждающие применение судами в их отношении положений статьи 88 и части первой статьи 152 УПК Российской Федерации в указанном ими смысле. Упоминание же этих норм в решении суда по уголовному делу не обязательно свидетельствует об их применении, поскольку, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, сама по себе ссылка в судебном решении на то или иное законоположение не означает, что оно применялось судом в деле заявителя (определения от 29 мая 2012 года № 1031-О, от 28 мая 2013 года № 780-О, от 24 июня 2014 года № 1502-О, от 25 сентября 2014 года № 2216-О и др.).

4. Тем самым нет оснований полагать, что оспариваемые нормы нарушают права В.В. Зубкова и О.В. Крупочкина в обозначенном ими аспекте. Проверка же законности и обоснованности правоприменительных решений, вынесенных в отношении заявителей, в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она закреплена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не входит.

Поскольку, с учетом высказанных Конституционным Судом Российской Федерации правовых позиций, для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение итогового решения в виде постановления, их жалоба не подлежит дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Признать жалобу граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 6 июня 2019 г. № 1507-О

об отказе в принятии дополнительной жалобы граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части второй статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение дополнительной жалобы граждан В.В. Зубкова и О.В. Крупочкина,

у с т а н о в и л :

1. Гражданин О.В. Крупочкин, являющийся адвокатом, оказывал юридическую помощь гражданину В.В. Зубкову по гражданскому и уголовному делам. При этом по данному уголовному делу В.В. Зубков был привлечен в качестве обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частью третьей статьи 30 и частью четвертой статьи 159 УК Российской Федерации (два эпизода покушения на мошенничество), а также частью первой статьи 303 УК Российской Федерации (фальсификация доказательств по гражданскому делу).

На основании постановления следователя от 25 декабря 2017 года адвокат О.В. Крупочкин 27 декабря 2017 года без предварительного судебного решения был подвергнут приводу к следователю для допроса в качестве свидетеля об обстоятельствах представления им в суд по гражданскому делу с участием В.В. Зубкова подложной копии договора, поскольку О.В. Крупочкин, ссылаясь на свой статус представителя В.В. Зубкова в гражданском деле и его защитника в уголовном деле, явиться на допрос и дать показания в качестве свидетеля по этому уголовному делу отказался. Указанная позиция О.В. Крупочкина была отражена и в протоколе его допроса в качестве свидетеля от 27 декабря 2017 года. Впоследствии постановлением Дзержинского районного суда города Ярославля от 3 октября 2018 года при рассмотрении уголовного дела в отношении В.В. Зубкова удовлетворено заявление государственного обвинителя об отводе защитника О.В. Крупочкина ввиду того, что по указанному делу тот является свидетелем.

Постановлением Кировского районного суда города Ярославля от 19 марта 2018 года, оставленным без изменения апелляционным постановлением Ярославского областного

суда от 14 мая 2018 года, было отказано в удовлетворении жалобы О.В. Крупочкина на постановление следователя о его приводе для допроса в качестве свидетеля, а также об исполнении этого привода. Этим же постановлением производство по жалобе в части обжалования других действий (бездействия) следователя и сотрудников правоохранительных органов, связанных с приводом заявителя к следователю и его допросом, было прекращено.

В.В. Зубков и О.В. Крупочкин обратились с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации, в которой просили признать не соответствующими статьям 2, 8 (часть 2), 18, 19, 32 (части 1 и 5), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1), 48, 51, 56 (часть 3) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации нормы следующих статей Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

статьи 38, определяющей правовой статус следователя и его полномочия при осуществлении предварительного следствия по уголовному делу;

статьи 88, содержащей правила оценки доказательств;

статьи 113, регулирующей привод к дознавателю, следователю или в суд обвиняемого, свидетеля и иных лиц в случае их неявки по вызову без уважительных причин;

статьи 125 о судебном порядке рассмотрения жалоб;

части первой статьи 152, в соответствии с которой предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления, за исключением случаев, предусмотренных данной статьей; в случае необходимости производства следственных или розыскных действий в другом месте следователь вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий следователю или органу дознания, дознавателю вправе произвести их лично либо поручить производство этих действий дознавателю или органу дознания; поручения должны быть исполнены в срок не позднее 10 суток.

В.В. Зубков и О.В. Крупочкин также просили признать неконституционными положения части 2 статьи 7 Федерального закона от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» о том, что требования (запросы, поручения) сотрудника Следственного комитета Российской Федерации, предъявленные (направленные, данные) при проверке сообщения о преступлении, проведении предварительного расследования или осуществлении других полномочий, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок.

Как указывалось в жалобе, нарушение своих конституционных прав оспариваемыми нормами заявителя усматривали в том, что они позволяют без предварительного решения суда производить в отношении адвоката оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, в том числе наблюдать за адвокатом, задерживать адвоката, осуществлять его привод на допрос в качестве свидетеля, допрашивать в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые ему стали известны в связи с оказанием им юридической помощи, а также применять другие меры.

Конституционный Суд Российской Федерации Определением от 11 апреля 2019 года № 863-О признал жалобу В.В. Зубкова и О.В. Крупочкина не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителями вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления. В названном Определении Конституционный Суд Российской Федерации указал, что оспариваемые нормы не нарушают конституционные права В.В. Зубкова и О.В. Крупочкина в обозначенном ими аспекте, а проверка законности и обоснованности правоприменительных решений, вынесенных в отношении заявителей, в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации не входит (ста-

тья 125 Конституции Российской Федерации и статья 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Вместе с тем 17 апреля 2019 года в Конституционный Суд Российской Федерации поступила дополнительная жалоба В.В. Зубкова и О.В. Крупочкина на нарушение их конституционных прав положениями тех же статей 38, 88, 113, 125, части первой статьи 152 УПК Российской Федерации, части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации», так как указанные нормы, по их мнению, допускают вызов адвоката для проведения с ним как со свидетелем следственных действий без предварительного решения суда. Кроме того, заявители полагают, что при рассмотрении вопроса о возможности допросить адвоката в качестве свидетеля суд должен установить, имеется ли согласие на указанное следственное действие лица, которому адвокатом оказывалась, оказывается или будет оказываться юридическая помощь.

2. Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 11 апреля 2019 года № 863-О констатировал, что в законодательстве Российской Федерации сформирован следующий процессуальный режим, в рамках которого возможно проведение следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката.

2.1. Статья 8 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает, что адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю (пункт 1); адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием (пункт 2).

Указанным нормам корреспондирует часть третья статьи 56 УПК Российской Федерации, в силу которой не подлежат допросу в качестве свидетелей: адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого (пункт 2); адвокат – об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, за исключением случаев, если о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь (пункт 3).

Однако такие гарантии распространяются лишь на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами, которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи в порядке, установленном законом, т.е. не связаны с носящими уголовно противоправный характер нарушениями ни со стороны адвоката, ни со стороны его доверителя (в частности, за пределами того уголовного дела, по которому доверитель в качестве подозреваемого, обвиняемого получает юридическую помощь адвоката), ни со стороны третьего лица.

2.2. В случае если с учетом приведенных положений допрос адвоката в качестве свидетеля возможен, то в соответствии с пунктом 3 статьи 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» указанное следственное действие, а равно и иные следственные действия в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускаются только на основании судебного решения. Данная норма пользуется приоритетом как специально предназначенная для регулирования соответствующих отношений; для защиты прав и законных интересов отдельных категорий лиц она устанавливает дополнительные гарантии, обусловленные их особым правовым статусом.

2.3. Положения статей 38, 88, 125, части первой статьи 152 УПК Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» не исключают необходимость выполнения правоприменителями в процессе

уголовного преследования всего комплекса мер по охране в уголовном судопроизводстве прав и законных интересов лиц и организаций, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, в частности статьями 7, 11, 14 и 16 данного Кодекса.

Таким образом, по предмету дополнительной жалобы В.В. Зубкова и О.В. Крупочкина о неконституционности вызова адвоката для проведения с ним как со свидетелем следственных действий без предварительного решения суда Конституционным Судом Российской Федерации ранее было вынесено Определение от 11 апреля 2019 года № 863-О по их жалобе, сохраняющее свою силу.

3. Что касается доводов дополнительной жалобы о необходимости выяснения судом вопроса о том, имеется ли на такое следственное действие, как допрос адвоката, согласие от лица, которому адвокат оказывал, оказывает или будет оказывать юридическую помощь, то в силу положений части третьей статьи 56 УПК Российской Федерации допрос адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи, возможен, если: о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат, защитник подозреваемого, обвиняемого с согласия и в интересах подозреваемого, обвиняемого (пункт 2); о допросе в качестве свидетеля ходатайствует адвокат с согласия лица, которому он оказывал юридическую помощь (пункт 3).

Их представленных материалов следует, что адвокат О.В. Крупочкин о своем допросе в качестве свидетеля по уголовному делу В.В. Зубкова не ходатайствовал, а потому согласие обвиняемого и других лиц, которым адвокат оказывал юридическую помощь, на такой допрос не выяснялось. При этом заявители в своей дополнительной жалобе фактически предлагают внести целесообразные, с их точки зрения, изменения в уголовно-процессуальное законодательство, что не входит в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, дополнительная жалоба В.В. Зубкова и О.В. Крупочкина в соответствии с пунктом 2 статьи 43 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» не отвечает критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, а потому не может быть принята им к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению дополнительной жалобы граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 12 февраля 2019 г. № 275-О

Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безруковой Анны Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 152.1 и пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г.А. Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалоб гражданки А.О. Безруковой,

у с т а н о в и л:

1. Гражданка А.О. Безрукова оспаривает конституционность следующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации:

пункта 1 статьи 152.1, в соответствии с которым обнаружение и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина; после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей; такое согласие не требуется в случаях, когда: использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах (подпункт 1); изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования (подпункт 2); гражданин позировал за плату (подпункт 3);

пункта 1 статьи 152.2, согласно которому, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни; не являются нарушением правил, установленных абзацем первым данного пункта, сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле.

1.1. Как следует из представленных материалов, решениями Савеловского районного суда города Москвы от 7 июля 2016 года А.О. Безруковой было отказано в удовлетворении исковых требований, предъявленных к АО «Издательский дом «Комсомольская правда» и гражданке В., о защите права на неприкосновенность частной жизни, защите права на охрану изображения гражданина, компенсации морального вреда. Указанные исковые требования были обусловлены тем, что названным издательством в средствах массовой информации были опубликованы проиллюстрированные фотографиями статьи, содержащие сведения о частной жизни А.О. Безруковой, на публикацию которых согласия она не давала.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, руководствуясь при этом положениями пункта 1 статьи 152.1 и пункта 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации, суд первой инстанции указал, что опубликованная информация ранее уже была распространена в различных средствах массовой информации и, таким образом, являлась общедоступной (общеизвестной). По мнению суда, А.О. Безрукова, будучи театральным режиссером, является публичной фигурой, поэтому размещенная информация о ее частной жизни представляла безусловный общественный (публичный) интерес и при этом не содержала негативных сведений в отношении истца или сведений об интимных аспектах ее жизни. Кроме того, фотографии, на которых А.О. Безрукова позировала фотографу, были сделаны во время проведения публичного мероприятия с участием прессы, что могло свидетельствовать о наличии ее волеизъявления не только на фотосъемку, но и на дальнейшее обнародование и использование этих изображений в средствах массовой информации.

Апелляционными определениями судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 февраля 2017 года и от 16 февраля 2017 года данные судебные постановления были оставлены без изменения, а апелляционные жалобы заявительницы – без удовлетворения. Суд апелляционной инстанции, в целом поддержав выводы суда первой инстанции, сославшись в числе прочего на постановления Европейского Суда по правам человека от 24 июня 2004 года по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии» и от 26 февраля 2002 года по делу «Кроне Ферлаг ГмбХ и Ко. КГ (Krone Verlag GmbH & Co. KG) против Австрии», пришел к выводу, что судом первой инстанции найден справедливый баланс между правом истца как публичного лица на охрану его частной жизни и изображения, с одной стороны, и публичными интересами – с другой.

Определениями судьи Московского городского суда от 29 июня 2017 года и от 30 июня 2017 года и определениями судьи Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2017 года, с которыми, в свою очередь, не нашел оснований не согласиться заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письма от 17 октября 2017 года и от 1 ноября 2017 года), заявительнице было отказано в передаче кассационных жалоб на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции.

По мнению А.О. Безруковой, оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 19 (части 1 и 2), 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, они допускают сбор, хранение, распространение и иное использование информации о частной жизни, включая изображения, гражданина (в том числе находящегося в силу своей профессии, рода занятий и (или) иных обстоятельств в центре общественного внимания) без его согласия средствами массовой информации и иными лицами на том основании, что к такому гражданину и к любой информации о нем имеется общественный (публичный) интерес.

2. Наличие или отсутствие неопределенности в вопросе о конституционности оспариваемых заявительницей норм – что является в силу части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием для принятия жалобы к рассмотрению – определяется Конституционным Судом Российской Фе-

дерации исходя из тех же критериев, руководствуясь которыми он принимает решение по существу, а именно, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, и исходя из его места в системе правовых актов (часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2014 года № 1562-О), включая общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, которые согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2007 года № 292-О-П, от 1 декабря 2005 года № 519-О и от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р).

При этом конституционное судопроизводство как субсидиарный (резервный) по своему назначению способ защиты нарушенных прав и свобод граждан допускается, если без проверки конституционности оспариваемого закона эти права и свободы не могут быть восстановлены. Возбуждение производства о проверке конституционности закона возможно тогда, когда права заявителя нарушаются самой нормой закона и заложенный в ней смысл, в том числе с учетом названных критериев, не допускает такого ее истолкования и применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами, при котором права и законные интересы гражданина или организации могут быть защищены и восстановлены в обычном порядке (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2004 года № 112-О, от 17 июля 2007 года № 544-О-О, от 9 февраля 2016 года № 222-О и др.).

2.1. Конституция Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (статья 23 часть 1; статья 24 часть 1). При этом каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; гарантируется свобода массовой информации; цензура запрещается (статья 29, части 4 и 5). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, эти конституционные установления в полной мере относятся к любой информации – независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (Постановление от 9 июля 2013 года № 18-П).

Приведенные нормы соотносятся с положениями международно-правовых договоров Российской Федерации, в том числе Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни (пункт 1 статьи 8); каждый имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (пункт 1 статьи 10).

Европейский Суд по правам человека ранее в своих решениях указывал, что информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» ввиду ее общедоступности и способности хранить и распространять огромные объемы информации играет важную роль в расширении доступа общественности к новостям, и в облегчении распространения информации вообще (постановления от 10 марта 2009 года по делу «Таймс Ньюспейпер ЛТД (Times Newspaper LTD) (№ 1, 2) против Соединенного Королевства» и от 18 декабря 2012 года по делу «Ахмет Йылдырым (Ahmet Yildirim) против Турции»). В то же время опасность того, что материалы и информация в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» могут причинить вред осуществлению прав и свобод лица, особенно праву на частную жизнь, и пользованию этими правами и свободами, определенно выше, чем опасность, исходящая от печатных средств массовой информации (постановления Европейского Суда по правам человека от 5 мая 2011 года по делу «Редакция газеты «Правое дело» и Штекель (Editorial Board of

Pravoye Delo and Shtekel) против Украины» и от 16 июня 2015 года по делу «Компания «Делфи АС» (Delfi AS) против Эстонии»).

Указанные фундаментальные права, общепризнанные в правовых демократических государствах – постольку, поскольку они защищают являющиеся одинаково значимыми интерес частного лица в обеспечении его приватности, с одной стороны, и интерес широкой общественности в доступе к информации, с другой, – не находятся в состоянии главенства и подчинения и не обладают безусловным приоритетом друг перед другом.

2.2. Европейский Суд по правам человека, осуществляя на основании статьи 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод толкование ее статей 8 и 10, неоднократно отмечал, что в делах, при рассмотрении которых Европейскому Суду по правам человека было необходимо установить баланс между защитой частной жизни и свободой выражения мнения, он всегда подчеркивал вклад, который фотографии или статьи в прессе внесли в обсуждение, представляющее интерес для общественности (постановления по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии», от 4 июня 2009 года по делу «Штандарт Ферлагс ГмбХ» (Standard Verlags GmbH) против Австрии (№ 2)» и др.). Вместе с тем такая дискуссия, представляющая общественный интерес, может касаться не только вопросов политики или преступности, но и вопросов спорта, актерского искусства или иного творчества (постановления Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2012 года по делу «Фон Ганновер (Принц Ганноверский и Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии (№ 2)» и от 28 октября 2014 года по делу «Йон Кэрстя (Ion Carstea) против Румынии»).

При этом публикации, направленные исключительно на удовлетворение любопытства определенного круга читателей относительно подробностей личной жизни лица, каким бы известным оно ни было, как правило, не могут считаться вкладом в дискуссию, представляющую общественный интерес, затрагивающий благополучие граждан или противоречия по поводу важного социального вопроса (постановление Европейского Суда по правам человека от 10 ноября 2015 года по делу «Кудерк и «Ашетт Филипакки Ассосье» (Couderc and Nachette Filipacchi Associates) против Франции»). Общественно значимые вопросы не могут включать в себя ни ожидания публики, интересующейся деталями частной жизни других лиц, ни любовь читателей к сенсациям или даже вуайеризму; публика не имеет правомерного интереса знать о некоторых интимных аспектах жизни лица, в том числе известной эстрадной певицы (постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 2017 года по делу «Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании»).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» разъяснил, что с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда по правам человека, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств - участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод; при этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда по правам человека (пункт 2).

Таким образом, судам при рассмотрении конкретных дел надлежит учитывать, что сведения о частной жизни, в особенности интимного характера, не могут признаваться общественно значимой информацией только потому, что они касаются публичного (широко известного в обществе) лица, включая представителей творческих профессий.

2.3. Положения законодательства Российской Федерации, рассматриваемые с учетом разъяснений, данных им Верховным Судом Российской Федерации на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации, согласуются с приведенной практикой Европейского Суда по правам человека.

Так, в силу части первой статьи 49 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации» журналист обязан: получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей (пункт 5); при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки (пункт 6).

Рассматривая данные положения в системном единстве с оспариваемым заявителем пунктом 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации, устанавливающим, по существу, исчерпывающий перечень случаев, когда журналист освобождается от указанной обязанности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 15 июня 2010 года № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» подчеркнул следующее. К общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде. Судам необходимо проводить разграничение между сообщением о фактах (даже весьма спорных), способным оказать положительное влияние на обсуждение в обществе вопросов, касающихся, например, исполнения своих функций должностными лицами и общественными деятелями, и сообщением подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью. В то время как в первом случае средства массовой информации выполняют общественный долг в деле информирования граждан по вопросам, представляющим общественный интерес, во втором случае такой роли они не играют (пункт 25).

Кроме того, применительно к оспариваемому пункту 1 статьи 152.1 ГК Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что допускается обнародование и использование изображения гражданина без его согласия, когда имеет место публичный интерес, в частности если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым. Вместе с тем согласие необходимо, если единственной целью обнародования и использования изображения лица является удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни либо извлечение прибыли (пункт 44). Из этого следует, что названные условия обнародования и использования изображения гражданина являются кумулятивными, т.е. должны соблюдаться в совокупности, – иными словами, самого по себе отнесения лица к числу публичных фигур недостаточно для применения указанного законоположения.

Приведенная правовая позиция, учитывая аналогичные юридические конструкции оспариваемых законоположений и имея в виду, что Конституция Российской Федерации в статьях 23 и 24 не делает различий между способами (формами) распространения информации о частной жизни лица, применима в случае опубликования не только изображений (фотографий) лица, но и информации о его частной жизни в средствах массовой информации без его на то согласия.

3. Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что заявительница, как следует из представленных материалов, не была лишена возможности обратиться в установленном порядке с требованием прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о гражданине (физическом лице), распространяемой с нарушением зако-

нодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для гражданина (физического лица) в силу последующих событий или действий гражданина (физического лица) (часть 1 статьи 10.3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), однако указанным способом защиты своих прав она не воспользовалась.

Данный правовой механизм, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, ориентирует суды на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела находить баланс между конституционно защищаемыми ценностями: доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них – с другой (Определение от 26 ноября 2018 года № 3087-О). С приведенной позицией согласуется подход, которого придерживался Европейский Суд по правам человека в постановлении от 19 октября 2017 года по делу «Фуксманн (Fuchsmann) против Германии», не усмотревший нарушения статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отметив в том числе, что заявитель не предпринял попытки добиться исключения ссылок на спорную статью в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» из результатов поиска.

Таким образом, пункт 1 статьи 152.1 и пункт 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации, рассматриваемые в системе действующего правового регулирования и с учетом сложившейся правоприменительной практики, не содержат неопределенности с точки зрения их соответствия Конституции Российской Федерации в оспариваемом А.О. Безруковой аспекте. Следовательно, отсутствуют основания полагать, что применением этих законоположений в конкретных делах с участием заявительницы были нарушены ее конституционные права.

Проверка же законности и обоснованности принятых по делам с участием А.О. Безруковой судебных постановлений не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалоб гражданки Безруковой Анны Олеговны, поскольку они не отвечают требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данным жалобам окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 12 февраля 2019 г. № 274-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалоб Безрукова Сергея Витальевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Г.А. Гаджиева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалоб гражданина С.В. Безрукова,

у с т а н о в и л:

1. Гражданин С.В. Безруков оспаривает конституционность пункта 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации, согласно которому, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни; не являются нарушением правил, установленных абзацем первым данного пункта, сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах, а также в случаях, если информация о частной жизни гражданина ранее стала общедоступной либо была раскрыта самим гражданином или по его воле.

1.1. Как следует из представленных материалов, решениями Савеловского районного суда города Москвы от 17 августа 2016 года исковые требования С.В. Безрукова о защите права на неприкосновенность частной жизни, защите права на охрану изображения гражданина и взыскании компенсации морального вреда, причиненного истцу вмешательством в его частную жизнь, распространением сведений о его частной жизни, а также нарушением права на охрану его изображения, предъявленные к АО «Ньюс Медиа», были удовлетворены частично: с ответчика взыскана компенсация морального вреда, причиненного истцу использованием изображений без его согласия; в удовлетворении остальной части было отказано. В обоснование своих требований С.В. Безруков указал, что в двух номерах периодического печатного издания были опубликованы проиллюстрированные фотографиями статьи, содержащие сведения о его частной жизни, на публикацию которых он согласия не давал.

Принимая решения об удовлетворении исков в части компенсации морального вреда, причиненного истцу нарушением его права на охрану изображения, суд первой инстанции

исходил из положений пункта 1 статьи 152.1 ГК Российской Федерации и учитывал, что опубликованные фотографии были сделаны скрытой камерой; данные изображения были получены не во время проведения публичного мероприятия; истец не смотрел в объектив фотоаппарата и не позировал. В то же время, отказывая в удовлетворении остальной части заявленных исковых требований, руководствуясь пунктом 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации, суд указал, что истец, будучи актером театра и кино, Народным артистом Российской Федерации, является публичной фигурой, поэтому размещенная информация о его частной жизни представляла общественный (публичный) интерес и при этом не содержала негативных сведений в отношении него, а также сведений об интимных аспектах его личной жизни.

Апелляционными определениями судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 8 февраля 2017 года и от 28 февраля 2017 года данные судебные постановления были оставлены без изменения, а апелляционные жалобы заявителя – без удовлетворения. Суд апелляционной инстанции, в целом поддержав выводы суда первой инстанции, сославшись в числе прочего на постановление Европейского Суда по правам человека от 24 июня 2004 года по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии», пришел к выводу о том, что судом первой инстанции найден справедливый баланс между правом истца как публичного лица на охрану его частной жизни и изображения, с одной стороны, и публичными интересами – с другой.

Определениями судьи Московского городского суда от 30 июня 2017 года и от 11 июля 2017 года и определениями судьи Верховного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2017 года, с которыми, в свою очередь, не нашел оснований не согласиться заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письма от 9 ноября 2017 года и от 11 декабря 2017 года), заявителю было отказано в передаче кассационных жалоб на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции.

1.2. Решениями Савеловского районного суда города Москвы от 7 июля 2016 года и от 22 сентября 2016 года было отказано в удовлетворении исковых требований С.В. Безрукова, предъявленных соответственно к АО «Издательский дом «Комсомольская правда» и гражданке В., а также к ЗАО «Издательство «СЕМЬ ДНЕЙ» о защите права на неприкосновенность частной жизни, защите права на охрану изображения гражданина, о компенсации морального вреда и взыскании судебных расходов и, кроме того, об обязанности ЗАО «Издательство «СЕМЬ ДНЕЙ» удалить публикацию с сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В обоснование своих требований С.В. Безруков указал, что названными издательствами в средствах массовой информации были опубликованы проиллюстрированные фотографиями статьи, содержащие сведения о его частной жизни, на публикацию которых согласия он не давал.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, руководствуясь при этом положениями пункта 1 статьи 152.1 и пункта 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации, суд первой инстанции отметил, что опубликованные ответчиками сведения уже были широко распространены и, таким образом, являлись общедоступными (общеизвестными). По мнению суда, истец в силу профессии и рода его деятельности является публичной фигурой, поэтому размещенная информация о его частной жизни представляла общественный (публичный) интерес и при этом не содержала негативных сведений в отношении него или сведений об интимных аспектах его жизни. Кроме того, суд отметил, что фотографии, на которых С.В. Безруков позировал фотографу, были сделаны во время проведения публичного мероприятия (предпремьерного показа фильма), а также в ходе его фотосессий, что могло свидетельствовать о наличии волеизъявления истца не только на фотосъемку, но и на дальнейшее обнародование и использование этих изображений в средствах массовой информации.

Апелляционными определениями судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 2 февраля 2017 года и от 22 марта 2017 года данные судебные постановления оставлены без изменения, а апелляционные жалобы заявителя – без удовлетворения. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и также, в частности, сослался на практику Европейского Суда по правам человека (постановления Европейского Суда по правам человека по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии» и от 26 февраля 2002 года по делу «Кроне Ферлаг ГмбХ и Ко. КГ (Krone Verlag GmbH & Co. KG) против Австрии»).

Определениями судьи Московского городского суда от 22 июня 2017 года и от 27 июля 2017 года и определениями судей Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2017 года и от 5 декабря 2017 года, с которыми, в свою очередь, не нашли оснований не согласиться заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письма от 1 декабря 2017 года и от 26 февраля 2018 года соответственно), заявителю было отказано в передаче кассационных жалоб на указанные судебные постановления для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции.

1.3. По мнению заявителя, пункт 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации не соответствует статьям 19 (части 1 и 2), 23 (часть 1) и 24 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому ему сложившейся правоприменительной практикой, он допускает сбор, хранение, распространение и иное использование информации о частной жизни гражданина (в том числе находящегося в силу своей профессии, рода занятий и (или) иных обстоятельств в центре общественного внимания) без его согласия средствами массовой информации и иными лицами на том основании, что к такому гражданину и к любой информации о нем имеется общественный (публичный) интерес, а также что данная информация на момент ее распространения является общедоступной.

2. Наличие или отсутствие неопределенности в вопросе о конституционности оспариваемой заявителем нормы – что является в силу части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» основанием для принятия жалобы к рассмотрению – определяется Конституционным Судом Российской Федерации исходя из тех же критериев, руководствуясь которыми он принимает решение по существу, а именно оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, и исходя из его места в системе правовых актов (часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2014 года № 1562-О), включая общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, которые согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2007 года № 292-О-П, от 1 декабря 2005 года № 519-О и от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р).

При этом конституционное судопроизводство как субсидиарный (резервный) по своему назначению способ защиты нарушенных прав и свобод граждан допускается, если без проверки конституционности оспариваемого закона эти права и свободы не могут быть восстановлены. Возбуждение производства о проверке конституционности закона возможно тогда, когда права заявителя нарушаются самой нормой закона и заложенный в ней смысл, в том числе с учетом названных критериев, не допускает такого ее истолкования и применения судами общей юрисдикции и арбитражными судами, при котором права и законные интересы гражданина или организации могут быть защищены и восстановлены в обычном порядке (определения Конституционного Суда Российской Фе-

дерации от 22 апреля 2004 года № 112-О, от 17 июля 2007 года № 544-О-О, от 9 февраля 2016 года № 222-О и др.).

2.1. Конституция Российской Федерации устанавливает, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (статья 23, часть 1; статья 24, часть 1). При этом каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; гарантируется свобода массовой информации; цензура запрещается (статья 29, части 4 и 5). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, эти конституционные установления в полной мере относятся к любой информации – независимо от места и способа ее производства, передачи и распространения, включая сведения, размещаемые в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (Постановление от 9 июля 2013 года № 18-П).

Приведенные нормы соотносятся с положениями международно-правовых договоров Российской Федерации, в том числе Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни (пункт 1 статьи 8); каждый имеет право свободно выражать свое мнение; это право включает свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ (пункт 1 статьи 10).

Европейский Суд по правам человека ранее в своих решениях указывал, что информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» ввиду ее общедоступности и способности хранить и распространять огромные объемы информации играет важную роль в расширении доступа общественности к новостям и в облегчении распространения информации вообще (постановления от 10 марта 2009 года по делу «Таймс Ньюспейпер ЛТД (Times Newspaper LTD) (№ 1, 2) против Соединенного Королевства» и от 18 декабря 2012 года по делу «Ахмет Йылдырым (Ahmet Yildirim) против Турции»). В то же время опасность того, что материалы и информация в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» могут причинить вред осуществлению прав и свобод лица, особенно праву на частную жизнь, и пользованию этими правами и свободами, определенно выше, чем опасность, исходящая от печатных средств массовой информации (постановления Европейского Суда по правам человека от 5 мая 2011 года по делу «Редакция газеты «Правое дело» и Штекель (Editorial Board of Pravoye Delo and Shtekel) против Украины» и от 16 июня 2015 года по делу «Компания «Делфи АС» (Delfi AS) против Эстонии»).

Указанные фундаментальные права, общепризнанные в правовых демократических государствах – постольку, поскольку они защищают являющиеся одинаково значимыми интерес частного лица в обеспечении его приватности, с одной стороны, и интерес широкой общественности в доступе к информации, с другой, – не находятся в состоянии главенства и подчинения и не обладают безусловным приоритетом друг перед другом.

2.2. Европейский Суд по правам человека, осуществляя на основании статьи 32 Конвенции о защите прав человека и основных свобод толкование ее статей 8 и 10, неоднократно отмечал, что в делах, при рассмотрении которых Европейскому Суду по правам человека было необходимо установить баланс между защитой частной жизни и свободой выражения мнения, он всегда подчеркивал вклад, который фотографии или статьи в прессе внесли в обсуждение, представляющее интерес для общественности (постановления по делу «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии», от 4 июня 2009 года по делу «Штандард Ферлагс ГмбХ» (Standard Verlags GmbH) против Австрии (№ 2)» и др.). Вместе с тем такая дискуссия, представляющая общественный интерес, может касаться не только вопросов политики или преступности, но и вопросов спорта, актерского искусства или иного творчества (постановления Европейского Суда

по правам человека от 7 февраля 2012 года по делу «Фон Ганновер (Принц Ганноверский и Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии (№ 2)» и от 28 октября 2014 года по делу «Йон Кэрстя (Jon Carstea) против Румынии»).

При этом публикации, направленные исключительно на удовлетворение любопытства определенного круга читателей относительно подробностей личной жизни лица, каким бы известным оно ни было, как правило, не могут считаться вкладом в дискуссию, представляющую общественный интерес, затрагивающий благополучие граждан или противоречия по поводу важного социального вопроса (постановление Европейского Суда по правам человека от 10 ноября 2015 года по делу «Кудерк и «Ашетт Филипакки Ассосье» (Couderc and Hachette Filipacchi Associes) против Франции»). Общественно значимые вопросы не могут включать в себя ни ожидания публики, интересующейся деталями частной жизни других лиц, ни любовь читателей к сенсациям или даже вуайеризму; публика не имеет правомерного интереса знать о некоторых интимных аспектах жизни лица, в том числе известной эстрадной певицы (постановление Европейского Суда по правам человека от 21 февраля 2017 года по делу «Рубио Досамантес (Rubio Dosamantes) против Испании»).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 2 постановления от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» разъяснил, что с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда по правам человека, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств - участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод; при этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда по правам человека.

Таким образом, судам при рассмотрении конкретных дел надлежит учитывать, что сведения о частной жизни, в особенности интимного характера, не могут признаваться общественно значимой информацией только потому, что они касаются публичного (широко известного в обществе) лица, включая представителей творческих профессий.

2.3. Положения законодательства Российской Федерации, рассматриваемые с учетом разъяснений, данных Верховным Судом Российской Федерации на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации, согласуются с приведенной практикой Европейского Суда по правам человека.

Так, в силу части первой статьи 49 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-I «О средствах массовой информации» журналист обязан: получать согласие (за исключением случаев, когда это необходимо для защиты общественных интересов) на распространение в средстве массовой информации сведений о личной жизни гражданина от самого гражданина или его законных представителей (пункт 5); при получении информации от граждан и должностных лиц ставить их в известность о проведении аудио- и видеозаписи, кино- и фотосъемки (пункт 6).

Рассматривая данные положения в системном единстве с оспариваемым заявителем пунктом 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации, устанавливающим, по существу, исчерпывающий перечень случаев освобождения журналиста от указанной обязанности, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 15 июня 2010 года № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» подчеркнул следующее. К общественным интересам следует относить не любой интерес, проявляемый аудиторией, а, например, потребность общества в обнаружении и раскрытии угрозы демократическому правовому государству и гражданскому обществу, общественной безопасности, окружающей среде. Судам необходимо проводить разграничение между сообщением о фактах (даже весьма спорных), способным оказать положительное влияние на обсуждение в обществе вопросов, касающихся, например,

исполнения своих функций должностными лицами и общественными деятелями, и сообщением подробностей частной жизни лица, не занимающегося какой-либо публичной деятельностью. В то время как в первом случае средства массовой информации выполняют общественный долг в деле информирования граждан по вопросам, представляющим общественный интерес, во втором случае такой роли они не играют (пункт 25).

Кроме того, применительно к пункту 1 статьи 152.1 ГК Российской Федерации в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указано, что допустимо в силу подпункта 1 пункта 1 статьи 152.1 ГК Российской Федерации обнародование и использование изображения гражданина без его согласия, когда имеет место публичный интерес, в частности если такой гражданин является публичной фигурой (занимает государственную или муниципальную должность, играет существенную роль в общественной жизни в сфере политики, экономики, искусства, спорта или любой иной области), а обнародование и использование изображения осуществляется в связи с политической или общественной дискуссией или интерес к данному лицу является общественно значимым. Вместе с тем согласие необходимо, если единственной целью обнародования и использования изображения лица является удовлетворение обывательского интереса к его частной жизни либо извлечение прибыли (пункт 44). Из этого следует, что названные условия обнародования и использования изображения гражданина являются кумулятивными, т.е. должны соблюдаться в совокупности, – иными словами, самого по себе отнесения лица к числу публичных фигур недостаточно для применения указанного законоположения.

Приведенная правовая позиция, учитывая аналогичные юридические конструкции пункта 1 статьи 152.1 и пункта 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации и имея в виду, что Конституция Российской Федерации в статьях 23 и 24 не делает различий между способами (формами) распространения информации о частной жизни лица, применима в случае опубликования не только изображений (фотографий) лица, но и информации о его частной жизни в средствах массовой информации без его на то согласия.

3. Содержащееся в пункте 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации положение, допускающее в том числе распространение средством массовой информации (периодическим печатным или сетевым изданием) сведений о частной жизни гражданина в случае, если такие сведения ранее стали общедоступными, также не может толковаться в отрыве от положений Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», который в этой части имеет специальный характер. Согласно положениям статьи 57 указанного Закона Российской Федерации редакция, главный редактор, журналист не несут ответственности за распространение сведений, в том числе ущемляющих права и законные интересы граждан, если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации (за исключением случаев распространения информации, указанной в части шестой статьи 4 данного Закона Российской Федерации), которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации (пункт 6 части первой).

Согласно разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 года № 16, дословное воспроизведение выступлений, сообщений, материалов и их фрагментов (пункты 4 и 6 части 1, часть 2 статьи 57 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации») предполагает такое цитирование, при котором не изменяется смысл высказываний, сообщений, материалов, их фрагментов и слова автора передаются без искажения. При этом необходимо иметь в виду, что в ряде случаев противоречащие контексту, но совершенно точно процитированные фрагменты выступлений, сообщений, материалов могут иметь смысл,

прямо противоположный тому, который придавался им в выступлении, сообщении, материале. Если при воспроизведении выступлений, сообщений, материалов и их фрагментов в средстве массовой информации в них были внесены какие-либо изменения и комментарии, искажающие смысл высказываний, то редакция средства массовой информации, главный редактор, журналист не могут быть освобождены от ответственности (пункт 23).

Указанный подход соотносится и с практикой Европейского Суда по правам человека, который отмечал, что при установлении нарушения права на уважение частной жизни в конкретном деле необходимо учитывать также поведение заинтересованного лица до публикации соответствующих сведений и тот факт, что фотография или взаимосвязанная статья уже появлялись в более ранних публикациях (постановление по делу «Фон Ганновер (Принц Ганноверский и Принцесса Ганноверская) (Von Hannover) против Германии (№ 2)»).

Соответственно, справедливо возложение ответственности (в том числе в форме компенсации морального вреда) на субъекта, своими незаконными действиями создавшего возможность дальнейшего распространения сведений о частной жизни лица (особенно в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), учитывая, к тому же, что средство массовой информации, допустившее повторное воспроизведение таких сведений, как правило, не осведомлено о наличии или отсутствии согласия лица на их обнародование.

4. Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что заявитель, как следует из представленных материалов, не был лишен возможности обратиться в установленном порядке с требованием прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющих получить доступ к информации о гражданине (физическом лице), распространяемой с нарушением законодательства Российской Федерации, являющейся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для гражданина (физического лица) в силу последующих событий или действий гражданина (физического лица) (часть 1 статьи 10.3 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), однако указанным способом защиты своих прав он не воспользовался.

Данный правовой механизм, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, ориентирует суды на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела находить баланс между конституционно защищаемыми ценностями: доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них – с другой (Определение от 26 ноября 2018 года № 3087-О). С приведенной позицией согласуется подход, которого придерживался и Европейский Суд по правам человека в постановлении от 19 октября 2017 года по делу «Фуксманн (Fuchsmann) против Германии», не усмотревший нарушения статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отметив в том числе, что заявитель не предпринял попытки добиться исключения ссылок на спорную статью в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» из результатов поиска.

Таким образом, пункт 1 статьи 152.2 ГК Российской Федерации, рассматриваемый в системе действующего правового регулирования и с учетом сложившейся правоприменительной практики, не содержит неопределенности с точки зрения его соответствия Конституции Российской Федерации в оспариваемом С.В. Безруковым аспекте. Следовательно, отсутствуют основания полагать, что применением этих законоположений в конкретных делах с участием заявителя были нарушены его конституционные права.

Проверка же законности и обоснованности принятых по делам с участием С.В. Безрукова судебных постановлений не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье 125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Безрукова Сергея Витальевича, поскольку они не отвечают требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данным жалобам окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 8 ноября 2018 г. № 2790-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Огиевской Ольги Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав статьей 8.25 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи В.Г. Ярославцева, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданки О.Д. Огиевской,

у с т а н о в и л:

1. Гражданка О.Д. Огиевская оспаривает конституционность статьи 8.25 Закона города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», согласно которой размещение транспортных средств на газоне или иной территории, занятой зелеными насаждениями, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере пяти тысяч рублей; на должностных лиц – тридцати тысяч рублей; на юридических лиц – трехсот тысяч рублей.

Как следует из представленных материалов, постановлением должностного лица Московской административной дорожной инспекции, оставленным без изменения решением заместителя начальника Московской административной дорожной инспекции, О.Д. Огиевская была признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 8.25 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», и ей было назначено административное наказание в виде административного штрафа в размере пяти тысяч рублей. Решением Преображенского районного суда города Москвы от 20 февраля 2018 года постановление по делу об административном правонарушении и решение по жалобе на данное постановление были оставлены без изменения, а жалоба заявительницы – без удовлетворения. Решением судьи Московского городского суда от 22 мая 2018 года жалоба заявительницы на принятые в отношении нее акты по делу об административном правонарушении также оставлена без удовлетворения. При этом доводы заявительницы о том, что статья 8.25 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» принята за пределами полномочий субъекта Российской Федерации, поскольку устанавливает ответственность за правонарушение в области дорожного движения, суд отклонил со ссылкой на вступившее в законную силу решение Московского городского суда от 31 мая 2017 года, которым ранее было подтверждено соответствие данного законоположения федеральному законодательству.

По мнению заявительницы, оспариваемое законоположение принято по вопросу, не относящемуся к компетенции субъекта Российской Федерации, а потому не соответствует статьям 19 (части 1 и 2), 55 (часть 2), 72 (пункт «к» части 1) и 76 (части 2 и 5) Конституции Российской Федерации.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления, одной из основ федеративного устройства которого является разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации (статья 1, часть 1; статья 5, часть 3). Определяя в этих целях сферы ведения Российской Федерации и сферы совместного ведения Российской Федерации и образующих ее субъектов, Конституция Российской Федерации устанавливает, что по предметам совместного ведения издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, которые не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (статьи 71 и 72; статья 76, части 2 и 5).

Исходное (отправное) законодательное регулирование вопросов, относящихся к предметам совместного ведения, в силу статей 11 (часть 3), 72 (часть 1), 76 (части 2 и 5) и 94 Конституции Российской Федерации осуществляется Федеральным Собранием. Соответственно, федеральный закон, регулирующий те или иные вопросы (предметы) совместного ведения, будучи нормативным правовым актом общего действия, призван, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, определять права и обязанности участников правоотношений, а также устанавливать компетенцию и конкретные полномочия органов государственной власти, разграничивая их на основе конституционного принципа разделения властей, распространяющегося на осуществление государственной власти в Российской Федерации как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации; законодатель же субъекта Российской Федерации, осуществляя в рамках, закрепленных на уровне федерального закона, конкретизирующее правовое регулирование, должен избегать вторжения в сферу федерального ведения, при этом он вправе самостоятельно решать правотворческие задачи по вопросам, не получившим содержательного выражения в федеральном законе, не отступая от конституционных требований о непротиворечии законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральным законам и о соблюдении прав и свобод человека и гражданина (постановления от 18 января 1996 года № 2-П, от 9 января 1998 года № 1-П, от 21 декабря 2005 года № 13-П, от 24 декабря 2013 года № 30-П, от 1 декабря 2015 года № 30-П, от 28 марта 2017 года № 10-П и др.).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, конкретизируя положения Конституции Российской Федерации в части разграничения компетенции и конкретных полномочий органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области административной ответственности, предусматривает, что законодательство об административных правонарушениях состоит из данного Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (часть 1 статьи 1.1), и относит к ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях, в частности, установление законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления (пункт 1 части 1 статьи 1.3.1).

Согласно положениям Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» утверждение правил благоустройства территории муниципального образования, а также осуществление

контроля за их соблюдением и организация благоустройства территории, установленные указанными правилами, возложены на органы местного самоуправления поселения, городского округа, внутригородского района; данные правила утверждаются на основе законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации; организация благоустройства и утверждение правил благоустройства на территориях городов федерального значения в соответствии с данным Федеральным законом осуществляются в соответствии с законами субъектов Российской Федерации – городов федерального значения (абзац двадцать первый части 1 статьи 2, пункт 19 части 1 статьи 14, пункт 25 части 1 статьи 16, пункт 10 части 1 статьи 16.2, часть 1.1 статьи 17, статья 45.1).

Общественные отношения, связанные с осуществлением благоустройства в городе Москве, регулирует Закон города Москвы от 30 апреля 2014 года № 18 «О благоустройстве в городе Москве», в котором под благоустройством понимается комплекс осуществляемых в соответствии с установленными нормами, требованиями и правилами мероприятий (работ), в том числе по содержанию объектов благоустройства – обеспечению чистоты, поддержанию в надлежащем техническом, физическом, санитарном и эстетическом состоянии объектов благоустройства, а также их отдельных элементов (пункты 1 и 2 статьи 1). В соответствии с частью 3 статьи 3 этого Закона города Москвы отношения, связанные с озеленением территории, содержанием и охраной зеленых насаждений, регулируются данным Законом города Москвы постольку, поскольку иное не установлено федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами города Москвы по вопросам озеленения территории, содержания и защиты зеленых насаждений.

По смыслу данных положений, а также федерального регулирования, которое они конкретизируют (в частности, пункты 36 – 38 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации), зеленые насаждения подлежат охране не только сами по себе, но и в составе объектов благоустройства как элементы объектов благоустройства (элементы благоустройства).

В соответствии со статьей 28 Закона города Москвы «О благоустройстве в городе Москве» лица, нарушившие требования, предусмотренные данным Законом города Москвы и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами города Москвы, несут ответственность, установленную Кодексом города Москвы об административных правонарушениях.

Оспариваемая заявителем статья 8.25 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», предусматривающая административную ответственность за размещение транспортных средств на газоне или иной территории, занятой зелеными насаждениями, была введена в его главу 8 «Административные правонарушения в области благоустройства города» Законом города Москвы от 13 мая 2015 года № 26 «О внесении изменений в Закон города Москвы от 21 ноября 2007 года № 45 «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях».

С точки зрения конструкции состава данного административного правонарушения не имеет значения, был причинен вред зеленым насаждениям или нет, составообразующим является именно само деяние и место его совершения – размещение транспортного средства на газоне или иной территории, занятой зелеными насаждениями. Размещение транспортного средства на зеленых насаждениях как элементах объекта благоустройства – независимо от того, причиняется ли зеленым насаждениям непосредственный вред, – является нарушением санитарного и эстетического состояния территории города, негативно сказывается на безопасности и комфортности условий проживания граждан, а также затрудняет содержание и облагораживание объектов благоустройства. При этом ответственность за причинение указанного вреда зеленым насаждениям предусмотрена статьями 4.18 «Повреждение зеленых насаждений» и 4.19 «Незаконное уничтожение зеленых насаждений» Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях».

Данная правовая конструкция ответственности граждан – владельцев транспортных средств, в том числе в части определения в качестве сферы охраняемых общественных отношений – сферы благоустройства, согласуется с содержанием соответствующих охраняемых общественных отношений и не может рассматриваться как произвольная. Тот факт, что данное правонарушение совершается с использованием транспортного средства, не может, вопреки мнению заявительницы, автоматически рассматриваться как означающий, что объектом правонарушения являются отношения, складывающиеся в рамках дорожного движения – совокупности общественных отношений, возникающих в процессе перемещения людей и грузов с помощью транспортных средств или без таковых в пределах дорог, под которыми понимаются обустроенные или приспособленные и используемые для движения транспортных средств полосы земли либо поверхности искусственного сооружения и которые включают в себя одну или несколько проезжих частей, а также трамвайные пути, тротуары, обочины и разделительные полосы при их наличии (абзацы второй и восьмой статьи 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»).

Кроме того, в ряде статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которыми предусмотрены особенности порядка производства по делам о некоторых административных правонарушениях, прямо указано на то, что субъекты Российской Федерации вправе устанавливать своими законами административную ответственность за административные правонарушения в области благоустройства территории, в том числе совершенные с использованием транспортных средств (примечание к статье 1.5, статьи 2.6.1 и 2.6.2, пункт 4 части 1 статьи 28.1, часть 3 статьи 28.6, часть 5 статьи 29.5).

Таким образом, в соответствии с приведенным нормативным регулированием субъект Российской Федерации вправе своим законом установить административную ответственность за административные правонарушения в области благоустройства, в том числе совершенные с использованием транспортных средств. Следовательно, статья 8.25 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях», устанавливающая административную ответственность за административное правонарушение в области благоустройства территории – размещение транспортных средств на газоне или иной территории, занятой зелеными насаждениями, не может рассматриваться как принятая законодателем города Москвы вне пределов его компетенции, а значит, и как нарушающая конституционные права заявительницы в указанном в ее жалобе аспекте.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Огиевской Ольги Дмитриевны, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ от 15 октября 2018 г. № 2516-О

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буховецкого Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав статьями 32, 34 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав заключение судьи Ю.М. Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина Е.В. Буховецкого,

у с т а н о в и л :

1. Постановлением судьи Заринского городского суда Алтайского края от 19 февраля 2018 года назначено судебное заседание без проведения предварительного слушания по уголовному делу в том числе в отношении гражданина Е.В. Буховецкого, состав суда при этом определен в виде коллегии из трех судей. В ходе судебного разбирательства по данному делу определением того же суда от 10 апреля 2018 года оно возвращено прокурору в порядке статьи 237 УПК Российской Федерации для устранения препятствий к его рассмотрению, однако апелляционным постановлением Алтайского краевого суда от 8 июня 2018 года это решение отменено, дело направлено в Заринский городской суд Алтайского края на новое рассмотрение в ином составе.

14 июня 2018 года председатель Заринского городского суда Алтайского края своим постановлением направил дело в вышестоящий суд для разрешения вопроса об изменении его территориальной подсудности, ссылаясь на то, что в городском суде отсутствует необходимое количество судей для рассмотрения дела, поскольку имеются обстоятельства, исключающие участие в деле пятерых (включая самого председателя) из семи судей этого суда: трое судей уже принимали участие в его рассмотрении, супруга четвертого судьи осуществляла защиту одного из подозреваемых по делу, уголовное преследование которого было впоследствии прекращено, а пятый судья рассматривал уголовное дело, выделенное из указанного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Постановлением Алтайского краевого суда от 22 июня 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением от 26 июля 2018 года, территориальная подсудность дела изменена и оно направлено для рассмотрения в Железнодорожный районный суд города Барнаула Алтайского края.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Е.В. Буховецкий просит признать статьи 32 «Территориальная подсудность уголовного дела», 34 «Передача уго-

ловного дела по подсудности» и 35 «Изменение территориальной подсудности уголовного дела» УПК Российской Федерации не соответствующими статьям 1 (часть 1), 2, 4 (часть 2), 15 (часть 4), 17 (часть 1), 18, 47 (часть 1), 118 (части 1 и 2) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку данные нормы, по его утверждению, в силу своей неопределенности позволяют выносить решение об изменении территориальной подсудности уголовного дела в нарушение положений Конституции Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а в дальнейшем – неправомерно проводить по такому делу судебное разбирательство.

2. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (статья 46, часть 1) и право на законный суд, закрепленное в ее статье 47 (часть 1), согласно которой никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом.

Признавая необходимость повышенного уровня защиты прав и свобод граждан в правоотношениях, связанных с публичной ответственностью, в частности уголовной, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что законодательные механизмы, действующие в этой сфере, должны соответствовать вытекающим из статей 17, 19, 45, 46 и 55 Конституции Российской Федерации и общих принципов права критериям справедливости, соразмерности и правовой безопасности, с тем чтобы гарантировать действенную защиту прав и свобод, в том числе посредством правосудия, которое по самой своей сути может признаваться таковым, если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах (постановления от 12 мая 1998 года № 14-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 27 мая 2008 года № 8-П и др.). Праву на судебную защиту и его необходимой составляющей – праву на законный суд, как они установлены Конституцией Российской Федерации, корреспондирует провозглашенное Всеобщей декларацией прав человека (статья 10), Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (статья 6) и Международным пактом о гражданских и политических правах (статья 14) право каждого при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, что в уголовном судопроизводстве обеспечивается распределением компетенции между судами общей юрисдикции путем закрепления в уголовно-процессуальном законе правил подсудности, в том числе на основе предметного (родового) и территориального признаков, а также введением норм об обстоятельствах, исключающих участие судьи в производстве по уголовному делу.

В развитие положений Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает состав суда, который осуществляет рассмотрение уголовных дел (статья 30), подсудность уголовных дел, определяемую компетенцией судов разных уровней (мировые судьи, районные суды, краевые и областные суды и др.) (статья 31), территориальную подсудность уголовных дел (статья 32), подсудность при соединении уголовных дел (статья 33), а также правила изменения их территориальной подсудности (статья 35), которое не влечет изменений, касающихся состава и компетенции (правомочий) суда по разрешению уголовного дела. Данный Кодекс предусматривает, что уголовное дело подлежит рассмотрению в суде по месту совершения преступления (часть первая статьи 32), и закрепляет исключения из этого правила (части четвертая и пятая статьи 32, статья 35); если преступление было начато в месте, на которое распространяется юрисдикция одного суда, а окончено в месте, на которое распространяется юрисдикция другого суда, то данное уголовное дело подсудно суду по месту окончания преступления (часть вторая статьи 32), а если преступления совершены в разных

местах, то уголовное дело рассматривается судом, юрисдикция которого распространяется на то место, где совершено большинство расследованных по данному уголовному делу преступлений или совершено наиболее тяжкое из них (часть третья статьи 32).

Кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации содержит нормы об обстоятельствах, исключающих участие судьи в производстве по уголовному делу (статья 61), а также правила о недопустимости участия в производстве по уголовному делу лиц, подлежащих отводу (статья 62), и недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела (статья 63).

Таким образом, если все судьи данного суда ранее принимали участие в производстве по рассматриваемому уголовному делу, что является основанием для их отвода, территориальная подсудность дела может быть изменена (пункт 1 и подпункт «а» пункта 2 части первой статьи 35, статья 63 УПК Российской Федерации). Этот вопрос, согласно статье 35 УПК Российской Федерации, разрешается судьей вышестоящего суда в порядке, установленном частями третьей, четвертой и шестой статьи 125 данного Кодекса по ходатайству стороны либо по инициативе председателя суда, в который поступило уголовное дело, до начала судебного разбирательства, по результатам чего выносится соответствующее решение.

Данное правовое регулирование направлено на защиту прав участников уголовного разбирательства, на обеспечение разрешения дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, не ограничивает доступ к правосудию и не предполагает произвольное применение положений закона (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 года № 1754-О, от 25 января 2018 года № 245-О и от 24 апреля 2018 года № 873-О), ввиду чего не может расцениваться в качестве нарушающего права Е.В. Буховецкого в его деле и в обозначенном им аспекте. Соответственно, жалоба заявителя, как не отвечающая критерию допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации, не может быть принята Конституционным Судом Российской Федерации к рассмотрению.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буховецкого Евгения Владимировича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) и в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН*

Международное право

СОВЕТ ЕВРОПЫ

Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19¹

SG/Inf(2020)11

7 апреля 2020 г.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Введение

Целью настоящего документа является предоставление властям государств – членов Совета Европы инструментария для решения проблем, вызванных разворачивающимся в настоящее время беспрецедентным и широкомасштабным медицинским кризисом, затрагивающим соблюдение фундаментальных ценностей демократии, верховенства права и прав человека.

Прежде всего необходимо признать, что власти государств-членов сталкиваются с тяжелейшими вызовами в стремлении защитить жителей своих стран от угрозы, которую несет коронавирусная инфекция COVID-19. Вместе с тем следует понимать, что привычное функционирование общества невозможно, особенно с учетом того, что основной защитной мерой в борьбе с инфекцией стала изоляция. Кроме того, не отрицается, что принятые меры неизбежно приведут к ущемлению прав и свобод, являющихся неотъемлемой и необходимой частью демократического общества, основанного на принципе верховенства права.

Основным социальным, политическим и юридическим вызовом, с которым столкнутся наши государства-члены, будет их способность эффективно противостоять данному кризису при одновременном обеспечении того, чтобы принимаемые ими меры не подрывали наш истинный долгосрочный интерес в защите основополагающих европейских ценностей демократии, верховенства права и прав человека. Именно на этом этапе Совет Европы должен исполнять свой основной мандат, предоставляя через его уставные органы, все его компетентные учреждения и механизмы площадку для коллективных гарантий соразмерности этих мер угрозе распространения коронавирусной инфекции и их ограниченности во времени. Коронавирусная инфекция уносит много жизней и уничтожает многое из того, что дорого для нас. Мы не можем позволить ей уничтожить наши фундаментальные ценности и свободные общества.

1. Отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях (статья 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод)

¹ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. Права человека в карантине. Перевод с английского языка Е.Г. Кольцова.

Объем мер, принятых в связи с угрозой распространения коронавирусной инфекции COVID-19, и порядок их применения значительно отличаются от государства к государству в различные периоды. В то время как некоторые ограничительные меры, принятые государствами-членами, могут быть обоснованы ссылкой на обычные положения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), касающиеся защиты здоровья (см. подпункт «е» пункта 1 статьи 5, пункты 2 статей 8 и 11 Конвенции, пункт 3 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции), меры чрезвычайного характера могут потребовать отступления от обязательств Договаривающихся Сторон, предусмотренных Конвенцией. Каждое государство должно самостоятельно оценить, требуют ли принимаемые им меры такого отступления, в зависимости от характера и объема ограничений прав и свобод, гарантированных Конвенцией. Предоставление государствам данной возможности является важной чертой системы, обеспечивающей непрерывное применение Конвенции и ее контролирующего механизма даже в наиболее трудные периоды².

Любое отступление будет оцениваться Европейским Судом по правам человека (далее – Европейский Суд) в рамках разбирательств по жалобам, поданным на его рассмотрение³. В этой области Европейский Суд признает за государствами широкие пределы усмотрения: «В первую очередь каждой Договаривающейся Стороне с ее ответственностью за “жизнь нации” следует определить, угрожает ли жизни нации “чрезвычайное обстоятельство”, и в случае положительного ответа решить, насколько далеко следует зайти в попытках преодолеть данное чрезвычайное обстоятельство. Учитывая их прямой и продолжающийся контакт с острой ситуацией, органы власти Договаривающейся Стороны, как правило, находятся в лучшем положении, чем судья международного суда, при решении вопросов о существовании такого чрезвычайного обстоятельства, а также о природе и объеме отступлений, необходимых для предупреждения этого чрезвычайного обстоятельства. В этом отношении пункт 1 статьи 15 Конвенции... предоставляет органам власти Договаривающейся Стороны широкую свободу усмотрения»⁴.

Любая из Договаривающихся Сторон, использующая это право отступления, должна выполнить некоторые формальные требования, а именно исчерпывающим образом информировать Генерального секретаря Совета Европы, являющегося депозитарием Конвенции, о введенных ею мерах и о причинах их принятия, а также о дате прекращения действия таких мер (<https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/webContent/62111354>).

Не допускается какое-либо отступление от соблюдения некоторых прав человека, гарантированных Конвенцией, а именно права на жизнь, за исключением случаев гибели людей в результате правомерных военных действий (статья 2 Конвенции), запрещения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (статья 3 Конвенции), запрещения рабства или подневольного состояния (пункт 1 статьи 4 Конвенции) и правила о «наказании исключительно на основании закона» (статья 7 Конвенции). Не допускается отступление от обязательств по отмене смертной казни и права не быть судимым или наказанным дважды (Протоколы №№ 6 и 13 к Конвенции, а также статья 4 Протокола № 7 к Конвенции).

Отступление от соблюдения обязательств на основании статьи 15 Конвенции не зависит от формального введения государством чрезвычайного положения или иного аналогичного режима на внутригосударственном уровне. В то же время любое отступление от соблюдения обязательств должно быть основано на ясных положениях внутригосударственного законодательства для защиты от произвола, а также должно быть строго необходимым для

² Ответ Комитета министров Совета Европы на Рекомендацию ПАСЕ № 2125(2018).

³ См. Руководство по применению статьи 15 Конвенции от 31 декабря 2019 г., опубликованное Секретариатом Европейского Суда (см.: Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека. М.: ООО «Развитие правовых систем», 2019. № 5 (примеч. редактора)).

⁴ Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (Ireland v. United Kingdom) от 18 января 1978 г., § 207, Series A, № 25.

противодействия чрезвычайным обстоятельствам. Государствам следует учитывать, что любые принятые меры должны быть направлены на защиту демократического строя от угрожающих ему опасностей, а также предпринимать максимальные усилия для того, чтобы сохранить ценности демократического общества, такие как плюрализм, терпимость и широту взглядов⁵. Хотя Европейский Суд признавал некоторые исключения в качестве обстоятельств, оправдывающих отступление от стандартов, установленных Конвенцией, они ни в коем случае не могут оправдать деяния, идущие вразрез с первостепенными конвенционными требованиями правомерности и соразмерности.

2. Соблюдение принципа верховенства права и демократических принципов во время чрезвычайной ситуации

2.1. Принцип законности

Даже в чрезвычайной ситуации должен превалировать принцип верховенства права⁶. Фундаментальным принципом верховенства права является обязательное соответствие государственных актов требованиям закона⁷. В данном контексте под «законом» понимаются не только акты парламента, но и, например, чрезвычайные указы органов исполнительной власти, основанные на положениях конституции. Во многих конституциях предусматривается специальный правовой режим (или режимы), при котором расширяются полномочия органов исполнительной власти в случае войны, крупного стихийного или иного бедствия⁸. Кроме того, законодательный орган также может принимать чрезвычайные законы, специально предназначенные для решения проблем, вызванных текущим кризисом, которые выходят за рамки, установленные действующими нормами законодательства. Любое подобное законодательство должно соответствовать конституции или международным стандартам и, если это применимо, подлежать конституционному надзору, осуществляемому конституционным судом. Если парламент хочет наделить правительство правом отступать от положений законов, принятых квалифицированным большинством (или законов, принятие которых осуществляется в рамках иных специальных процедур), он должен сделать это большинством голосов членов парламента, требуемым для принятия данных законов, или в порядке, предусмотренном для их принятия.

2.2. Введение режима чрезвычайного положения и принятие иных чрезвычайных мер на ограниченный срок

В условиях чрезвычайного положения власти государств-членов могут быть наделены общими полномочиями по принятию указов, обладающих силой закона. Это допустимо при условии, если такие общие полномочия предоставляются на ограниченный срок. Основной целью режима чрезвычайного положения (или аналогичного режима) являются сдерживание развития кризиса и скорейшее возвращение к нормальному положению вещей⁹. В слу-

⁵ Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции» (Mehmet Hasan Altan v. Turkey), §§ 94 и 210, по делу «Шахин Алпай против Турции» (Şahin Alpay v. Turkey), §§ 78 и 180.

⁶ См.: Заключение Венецианской комиссии по вопросу защиты прав человека в чрезвычайных ситуациях, CDL-AD(2006)015, пункт 13.

⁷ Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права Венецианской комиссией, CDL-AD(2016)007, пункты 44 и 45.

⁸ По состоянию на 29 марта 2020 г. 22 государства – члена Совета Европы ввели режим чрезвычайного положения.

⁹ Опыт показывает, что «чем дольше длится режим чрезвычайного положения, тем дальше государство может удалиться от объективных критериев, на основании которых изначально были использованы чрезвычайные полномочия. Чем дольше продолжается ситуация, тем меньше остается оснований

чае продления срока чрезвычайного положения парламент должен проверять, насколько это необходимо. Бессрочное сохранение за органом исполнительной власти общих чрезвычайных полномочий не допускается¹⁰.

Во время чрезвычайного положения не только законотворческие полномочия правительства должны быть ограничены сроком действия чрезвычайного положения, но и любые законы, принятые в период чрезвычайного положения, должны предусматривать четкие сроки действия введенных им чрезвычайных мер (вроде «лимитирующей оговорки» (sunsetclause)). После завершения чрезвычайной ситуации оправданным может быть последующее применение некоторых специальных адресных мер, но продление срока действия этих мер должно осуществляться парламентом с использованием обычных процедур¹¹.

2.3. Ограничение пределов чрезвычайного законодательства, принцип необходимости

В соответствии с принципом необходимости чрезвычайные меры должны обеспечивать возможность достижения целей, ради которых они были приняты, с минимальным изменением обычных правил и процедур принятия решений в демократическом обществе¹². Следовательно, наделяя правительство полномочиями по изданию чрезвычайных указов законодательный орган не должен предоставлять карт-бланш органу исполнительной власти. Учитывая быстрое и непредсказуемое развитие кризиса, может потребоваться делегирование относительно широких законотворческих полномочий, но они должны быть сформулированы настолько узко, насколько это возможно с учетом обстоятельств, чтобы уменьшить возможности для произвола¹³. По общему правилу масштабные правовые реформы должны приостанавливаться в условиях чрезвычайного положения¹⁴.

считать ситуацию чрезвычайной по своему характеру, следствием чего является невозможность применения к такой ситуации обычных правовых механизмов» // Заключение Венецианской комиссии по Турции о Декретах о чрезвычайном положении №№ s667–676, принятых после неудачного государственного переворота 15 июля 2016 г., (CDL-AD(2016)037), пункт 41.

¹⁰ См.: Заключение Комиссара по правам человека № 1/2002 о некоторых аспектах отступления властей Соединенного Королевства от соблюдения пункта 1 статьи 5 Конвенции, CommDH(2002)7, с. 25, а также «Параметры взаимоотношений между парламентским большинством и оппозицией в демократическом обществе: контрольный список вопросов», Венецианская комиссия (CDL-AD(2019)019), пункт 119.

¹¹ См.: Резолюция ПАСЕ № 1659(2009) о защите прав человека в чрезвычайных ситуациях, с. 12, а также упоминавшийся выше Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права и статью 15 Конвенции (отступление от соблюдения обязательств в чрезвычайных ситуациях), статью 4 Международного пакта о гражданских и политических правах, статью 27 Американской конвенции о правах человека. По поводу чрезвычайных полномочий см. также доклады Венецианской комиссии по чрезвычайным полномочиям (CDL-STD(1995)012) и по вопросу о защите прав человека в чрезвычайных ситуациях (CDL-AD(2006)015).

¹² В контексте институциональных чрезвычайных мер принцип необходимости прямо не упоминается, но он может быть выведен из требования соразмерности и необходимости чрезвычайных мер в области прав человека. См.: Заключение Венецианской комиссии о проекте конституционного закона Французской Республики «О защите нации», CDL-AD(2016)006, пункт 71.

¹³ См.: документ Комитета министров Совета Европы CM(2008)170 «О Совете Европы и верховенстве права», с. 46, а также «Параметры взаимоотношений между парламентским большинством и оппозицией в демократическом обществе: контрольный список вопросов», Венецианская комиссия (CDL-AD(2019)019), пункты 119–121, и Заключение Венецианской комиссии по Турции о Декретах о чрезвычайном положении №№ s667–676, принятых после неудачного государственного переворота 15 июля 2016 г., CDL-AD(2016)037, пункт 98.

¹⁴ Значительное количество европейских конституций содержат положения, запрещающие внесение поправок в конституцию во время войны, чрезвычайных и иных подобных ситуаций. См. также: Заключение Венецианской комиссии по Турции о Декретах о чрезвычайном положении №№ s667–676, принятых после неудачного государственного переворота 15 июля 2016 г., CDL-AD(2016)037, пункты 80 и 90.

2.4. Распределение властных полномочий и надзор за действиями органов исполнительной власти в период действия чрезвычайного положения

Органы исполнительной власти должны иметь возможность действовать быстро и эффективно. Это может потребовать более простых процедур принятия решений и ослабления механизма сдержек и противовесов. Также может потребоваться в пределах, установленных конституцией, отойти от стандартного распределения полномочий между местными, региональными и центральными органами власти в отношении некоторых ограниченных конкретных областей с тем, чтобы обеспечить более скоординированный ответ на проблемы, вызванные кризисом, принимая при этом во внимание, что полномочия местных и региональных органов власти будут восстановлены в полном объеме, как только ситуация позволит это сделать.

Однако за парламентами должно сохраниться право контролировать действия органов исполнительной власти¹⁵: в частности, проверять с разумной регулярностью, сохраняются ли обстоятельства, оправдывающие чрезвычайные полномочия органов исполнительной власти, либо на *ad hoc* основе вмешиваться в процесс принятия решений органом исполнительной власти, отменяя такие решения или внося в них изменения¹⁶. Не следует допускать роспуска парламентов в период чрезвычайного положения, и в соответствии со многими конституциями срок полномочий парламента должен продлеваться до отмены чрезвычайного положения.

Необходимо сохранять ключевые функции за судебными органами, в частности за конституционными судами в государствах-членах, в которых эти суды учреждены. Важно, чтобы судьи могли рассматривать наиболее серьезные ограничения прав человека, введенные на основании чрезвычайного законодательства. Отложение производства, «ускоренное производство» и групповое рассмотрение некоторых категорий дел могут допускаться, получение предварительной санкции суда в некоторых случаях может быть заменено на судебный контроль *ex post facto* (см. ниже раздел 3.2).

В период действия чрезвычайного положения проблематичным может оказаться проведение выборов и референдумов, поскольку в кризис крайне ограничены возможности проведения избирательных кампаний.

3. Соответствующие стандарты прав человека

3.1. Право на жизнь (статья 2 Конвенции) и запрещение пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (статья 3 Конвенции), право на охрану здоровья (статья 11 Европейской социальной хартии (пересмотренной))

Право на жизнь и запрещение пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания относятся к ключевым правам, гарантированным Конвенцией, поскольку отступление от их соблюдения не допускается даже во время чрезвычайной ситуации, такой как пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Неизменно признается, что эти права порождают позитивные обязательства по защите людей, находящихся под опекой государства, от смертельных болезней и связанных с ними страданий¹⁷.

Конвенция постоянно требует от всех государств-членов обеспечивать надлежащее качество медицинской помощи людям, лишенным свободы¹⁸. Европейский комитет по пред-

¹⁵ См.: Рекомендация ПАСЕ № 1713(2005) «О демократическом надзоре за положением в сфере безопасности в государствах-членах», с. 38.

¹⁶ См.: Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права Венецианской комиссии, (CDL-AD(2016)007), пункт 51.

¹⁷ См.: Информационный бюллетень Секретариата Европейского Суда «Права лиц, лишенных свободы, связанные со здоровьем».

¹⁸ См.: Постановление Европейского Суда по делу «Худобин против Российской Федерации» (*Khudobin v. Russia*) от 26 октября 2006 г., жалоба № 59696/00 (см.: Бюллетень Европейского Суда

упреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) выпустил Свод принципов, относящихся к обращению с лицами, лишенными свободы, в контексте пандемии коронавирусной инфекции COVID-19¹⁹. Эти принципы применяются к различным местам содержания под стражей, в том числе к полицейским изоляторам, пенитенциарным учреждениям, центрам временного содержания иммигрантов, психиатрическим больницам и домам социальной опеки, а также к различным недавно созданным учреждениям и зонам, в которые лица помещаются на карантин в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Принципы, сформулированные ЕКПП, также указывают на необходимость защиты персонала этих учреждений и обеспечения непрерывного доступа сотрудников местных независимых контролирующих органов в пенитенциарные учреждения. Комиссар по правам человека также опубликовал заявление «Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19: срочные меры, необходимые для защиты прав лиц, лишенных свободы, в Европе».

Что касается людей, которые не находятся на попечении государства, ответственность по статьям 2 и 3 Конвенции может наступить в отношении тяжело больных лиц, людей с ограниченными возможностями или пожилых лиц (см. Рекомендацию № CM/Rec(2014)2 «О содействии развитию прав лиц пожилого возраста»²⁰ и Заявления Комиссара по правам человека относительно людей с ограниченными возможностями и пожилых людей во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19²¹). Подвергание их опасности заболевания и чрезвычайным страданиям может быть признано несовместимым с позитивными обязательствами государства по защите жизни и предупреждению жестокого обращения. Эти позитивные обязательства подтверждены также в статье 11 Европейской социальной хартии (пересмотренной), в соответствии с которой государства, являющиеся сторонами Хартии, обязаны продемонстрировать свою способность предотвратить эпидемические заболевания путем принятия мер, направленных на учет и информирование о заболеваниях, а также выполнения всех необходимых чрезвычайных действий в случае эпидемий²². Возросшее внимание государств к уязвимым группам населения соответствует праву на справедливый доступ к услугам по охране здоровья (статья 3 Конвенции о правах человека и биомедицине, известная как Конвенция Овьедо).

Следует напомнить в этой связи, что в контексте пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 доступность качественных лекарственных средств для пациентов важна как никогда раньше. Конвенция Совета Европы относительно разработки Европейской фармакопеи²³ имеет целью создание правовой и научной базы для обеспечения качества лекарственных средств и компонентов в их составе в форме единого справочника – Европейской фармакопеи. Под эгидой Комиссии Европейской фармакопеи 39 государств-членов и Евро-

по правам человека. 2007. № 11 (*примеч. редактора*). Как указал ЕКПП в Своде принципов, относящихся к обращению с лицами, лишенными свободы, в контексте пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19), «ненадлежащее качество медицинской помощи может быстро привести к ситуациям, квалифицируемым в качестве “бесчеловечного и унижающего достоинство обращения”».

¹⁹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 4 (*примеч. редактора*).

²⁰ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 7 (*примеч. редактора*).

²¹ Комиссар по правам человека, которая в своих заявлениях часто обращает внимание на то, что большие жилые учреждения, в которых люди лишены свободы, не подходят для лиц с ограниченными возможностями и для пожилых людей, призвала государства – члены Совета Европы, столкнувшиеся с пандемией, прекратить прием новых лиц в подобные учреждения, по возможности переселить лиц с ограниченными возможностями из этих учреждений, а также принять все необходимые меры для защиты оставшихся жильцов. См. заявления Комиссара по правам человека: «Во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 пожилые люди нуждаются в большей поддержке, чем когда-либо» от 20 марта 2020 г. и «Лица с ограниченными возможностями не должны быть оставлены на произвол судьбы в борьбе с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19» от 2 апреля 2020 г.

²² Европейский комитет по социальным правам, выводы XVII-2 (2005), Латвия.

²³ Конвенция Совета Европы относительно разработки Европейской фармакопеи, ETS № 050, г. Страсбург, 22 июля 1964 г., и Протокол к Конвенции относительно разработки Европейской фармакопеи, ETS № 134, г. Страсбург, 1 ноября 1989 г.

пейский союз, а также эксперты от 29 наблюдателей, в том числе от Всемирной организации здравоохранения, объединяют усилия для установления стандартов качества, которые подлежат применению во всех подписавших Конвенцию государствах и уже были применены более чем в 120 странах по всему миру.

Наконец, в соответствии с Конвенцией и Европейской социальной хартией государства обязаны информировать население о известных угрозах, связанных с пандемией, а также о мерах и моделях поведения, позволяющих избежать распространения заболевания²⁴.

3.2. Право на свободу и личную неприкосновенность (статья 5 Конвенции) и право на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции)

Беспрецедентные меры, принятые для предотвращения распространения коронавирусной инфекции COVID-19, могут затронуть способность государства гарантировать право на свободу и личную неприкосновенность и изменить обычный порядок функционирования судебной системы.

Подпункт «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции предусматривает, что предотвращение распространения инфекционных заболеваний является одним из оснований для законного заключения лица под стражу. Прежде чем прибегать к таким мерам, государства должны убедиться в наличии соответствующих правовых оснований для их принятия и проанализировать, являются ли меры, связанные с лишением свободы, строго необходимыми по сравнению с менее жесткими ограничениями. В данном контексте значение имеют срок принудительного заключения под стражу и порядок практической реализации данной меры.

Меры по адаптации условий доступа в суды должны соответствовать статье 6 Конвенции не в последнюю очередь в случаях, когда требуется особая процессуальная осмотрительность (сторона спора относится к уязвимой категории лиц, семейные и трудовые споры и т.п.). Продолжительное содержание под стражей в полиции или длительное рассмотрение вопроса о законности лишения свободы может привести к различным нарушениям статьи 5 Конвенции.

Как известно, отступление от соблюдения обязательств по статье 15 Конвенции может привести к расширению перечня мер, допустимых в соответствии со статьями 5 и 6 Конвенции, и к увеличению возможностей государственных органов для маневра при соблюдении некоторых сроков и выполнении иных обычных процессуальных требований. Однако фундаментальный запрет на заключение под стражу без установленных законом оснований и без возможности безотлагательного рассмотрения вопроса о законности лишения свободы судом, а также необходимость обеспечения лицам, лишенным свободы, существенных процессуальных гарантий, таких как доступ к врачу, право на свидание с адвокатом или родственником, в принципе должны соблюдаться при текущих обстоятельствах. Кроме того, сохраняется общее обязательство государств обеспечивать, чтобы судебные разбирательства соответствовали основополагающим требованиям справедливости (например, принципу процессуальных возможностей сторон по делу) и не нарушали презумпцию невиновности, а также обеспечивать, чтобы не предпринимались меры, которые могут быть признаны вмешательством в независимость судей или судов.

3.3. Права на неприкосновенность частной жизни, на свободу вероисповедания, на свободу выражения мнения и свободу собраний

Эффективное пользование всеми правами и свободами, гарантированными статьями 8–11 Конвенции, является стандартом современных демократических обществ. Ограни-

²⁴ См.: Постановления Европейского Суда по делу «Гуэрра и другие против Италии» (*Guerra and Others v. Italy*) от 19 февраля 1998 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1998-I, p. 227, § 58, Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ёнерилдыз против Турции» (*Öneriyildiz v. Turkey*) от 30 ноября 2004 г., жалоба № 48939/99.

чения этих прав и свобод допускаются лишь в случае, если они предусмотрены законом и соразмерны преследуемой цели, в качестве которой может выступать охрана здоровья. Значительные ограничения, затронувшие обычные виды социального взаимодействия, в том числе право посещения публичных религиозных учреждений, публичных собраний, свадебных и похоронных церемоний, неизбежно могут породить небезосновательные жалобы на нарушение указанных положений Конвенции. Задачей органов власти является обеспечение того, чтобы все подобные ограничения, независимо от того, основаны ли они на отступлении, были явным образом предусмотрены законом, соответствовали применимым конституционным гарантиям и были соразмерны преследуемой ими цели²⁵.

В то время как усиленные ограничения вышеупомянутых прав могут быть всецело оправданы во время кризиса, суровые уголовные наказания вызывают озабоченность, поэтому должен осуществляться строгий контроль за их назначением. Исключительные ситуации не должны приводить к чрезмерному использованию уголовно-правовых средств. Справедливый баланс между принуждением и предупреждением является наиболее подходящим, если не единственным средством соблюдения требования о соразмерности, установленного Конвенцией.

Права на свободу выражения мнения, получения и распространения информации, доступ к официальной информации

Свобода выражения мнения, включающая право на свободное и своевременное распространение информации, критически важна для того, чтобы средства массовой информации могли сообщать о вопросах, относящихся к пандемии. Средства массовой информации и профессиональные журналисты, особенно государственные вещательные компании играют ключевую роль и несут особую ответственность за своевременное предоставление достоверной и надежной информации жителям страны, а также за предупреждение паники и стимулирование сотрудничества между людьми. Они должны ориентироваться на самые высокие профессиональные и этические стандарты ответственной журналистики, тем самым доносить до граждан важные послания относительно кризиса и воздерживаться от опубликования или распространения непроверенной информации, не говоря уже о недостоверных или сенсационных материалах. Исключительные обстоятельства могут вынудить ответственных журналистов воздержаться от раскрытия информации, исходящей от правительства и предназначенной для служебного пользования, такой, например, как о будущих мерах в рамках реализации более строгой изоляционной политики²⁶.

Доступ населения к официальной информации должен осуществляться на основании выработанных в прецедентной практике Европейского Суда принципов²⁷. Любое ограничение доступа к официальной информации должно осуществляться в порядке исключения

²⁵ См.: упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Мехмет Хасан Алтан против Турции», по вопросу свободы собраний см.: Постановление Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против Российской Федерации» (*Lashmankin and Others v. Russia*) от 7 февраля 2017 г., жалоба № 57818/09 и 14 других жалоб, § 434 // Российская хроника Европейского Суда. 2018. № 1 (*примеч. редактора*). В последнем деле Европейский Суд признал, что общий запрет на проведение демонстраций допустим, если существует реальная опасность того, что это может привести к общественным беспорядкам, и такая опасность не может быть предотвращена иными, менее жесткими мерами, а также если ущерб от влияния запрета на свободу демонстраций явным образом перевешивается сообщениями безопасности, на которых основывался этот запрет.

²⁶ См.: Руководящие положения Совета Европы по вопросу защиты свободы выражения мнения и информации в условиях кризиса.

²⁷ См., например: Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Венгерский Хельсинкский комитет против Венгрии» (*Magyar Helsinki Bizottsag v. Hungary*) от 8 ноября 2016 г., жалоба № 18030/11, §§ 156–170 // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 9 (*примеч. редактора*).

и быть соразмерным цели охраны здоровья населения. В Конвенции Совета Европы о доступе к официальным документам, известной как Конвенция Тромсё, подчеркивается необходимость прозрачности деятельности государственных органов и предусматривается, что органам государственной власти следует по собственной инициативе и в тех случаях, когда это оправдано, принимать необходимые меры по опубликованию официальных документов, которыми они располагают, в интересах содействия информированному вовлечению населения в дела, представляющие общий интерес.

В то же время официальные сообщения не могут быть единственным источником информации о пандемии. Это может привести к цензуре и подавлению правомерной обеспокоенности. Журналисты, средства массовой информации, медицинские работники, активисты гражданского общества и общественность в целом должны иметь возможность озвучивать критику в адрес властей и контролировать меры, принимаемые властями для преодоления кризиса.

Любые предварительные ограничения в отношении определенных тем, закрытие средств массовой информации или полная блокировка доступа к коммуникационным онлайн-платформам требуют самого тщательного контроля и могут быть оправданы лишь в самых исключительных обстоятельствах²⁸. Пандемия не должна использоваться для того, чтобы заставить замолчать осведомителей (см. Рекомендацию № CM/Rec(2014)7 о защите осведомителей)^{29, 30} или политических оппонентов³¹. Умышленное распространение дезинформации может быть остановлено путем назначения *ex post* наказаний и при помощи государственных информационных кампаний. Государства должны работать совместно с онлайн-платформами и средствами массовой информации над предупреждением манипуляций с общественным мнением, а также делать основной акцент на заслуживающих внимания источниках новостей и информации, особенно распространяемых государственными органами здравоохранения.

Неприкосновенность частной жизни и защита персональных данных

Новые технологии доступа к персональным данным и обработки персональных данных потенциально могут способствовать сдерживанию и искоренению пандемии. Отслеживание, контроль и прогнозирование являются ключевыми мерами эпидемиологического надзора. С ростом количества и изобилием доступных продвинутых цифровых технологий и средств (геолокационные данные, искусственный интеллект, распознавание лиц, социальные приложения) такой надзор за развитием пандемии может стать проще.

В то же время интрузивный потенциал современных технологий нельзя оставлять без сдержек и противовесов в связи с необходимостью уважения частной жизни. Принципы защиты персональных данных и Конвенция Совета Европы № 108 (и ее новая редакция, известная как Конвенция № 108+³²) всегда допускали установление равновесия между высокими стандарта-

²⁸ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазаре против Румынии» (Cumpăna and Mazăre v. Romania) от 17 декабря 2004 г., жалоба № 33348/96, § 118.

²⁹ Рекомендация Комитета министров Совета Европы «О защите информаторов, сообщающих о противозаконной деятельности» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 6 (примеч. редактора).

³⁰ См.: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-51403795>

³¹ См.: Руководящие положения Совета Европы по вопросу о защите свободы выражения мнения и информации в условиях кризиса.

³² Измененная Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (CETS № 223). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016807c65bf (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 12 (примеч. редактора)).

ми защиты и общественными интересами, в том числе в области здравоохранения. Конвенция допускает исключения из общих правил защиты персональных данных, но они должны устанавливаться на ограниченный срок и сопровождаться надлежащими гарантиями (например, обезличиванием) и эффективным надзорным механизмом для того, чтобы гарантировать правомерность и ответственность способов сбора, анализа, хранения и распространения персональных данных. Широкомасштабная обработка персональных данных с помощью средств искусственного интеллекта должна осуществляться лишь в случаях, когда научные доказательства убедительно подтверждают, что потенциальная выгода для системы здравоохранения превышает преимущества, которые имеют альтернативные, менее интрузивные решения. Группа экспертов Совета Европы по искусственному интеллекту³³ и ее партнеры могут способствовать обмену знаниями в данной области.

3.4. Запрещение дискриминации (статья 14 Конвенции и статья 1 Протокола № 12 к Конвенции, статья E Европейской социальной хартии) и стандарты, касающиеся многообразия и интеграции

В текущей ситуации крайне важную роль играет принцип недискриминации. При рассмотрении вопроса о том, были ли меры, принятые в рамках отступления от исполнения обязательств, «строго необходимы» в соответствии со статьей 15 Конвенции, Европейский Суд проверяет, не составляют ли эти меры необоснованную дискриминацию применительно к различным категориям населения³⁴. Некоторые формы дискриминации могут быть признаны унижающим достоинство обращением, запрещенным статьей 3 Конвенции, от положений которой не допускаются какие-либо отступления³⁵. Кроме того, к дискриминации может привести игнорирование особых потребностей лиц, относящихся к уязвимым группам³⁶. Следовательно, запрещение дискриминации может повлечь за собой позитивные обязательства по принятию мер для достижения реального равенства³⁷. Аналогичный подход используется в Европейской социальной хартии (статья E)³⁸. В этом отношении многие положения Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, а также общеполитических рекомендаций Европейской комиссии по борьбе с расизмом и нетерпимостью должны рассматриваться как выражения принципов равноправия и недискриминации.

Чрезвычайные меры, принятые на сегодняшний день в рамках борьбы с распространением коронавирусной инфекции, вероятно, поднимут вопросы относительно возможных

³³ Специальный комитет по искусственному интеллекту, САНАИ.

³⁴ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others v. United Kingdom*) от 19 февраля 2009 г., жалоба № 3455/05, §§ 182–190.

³⁵ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*) от 10 мая 2001 г., жалоба № 25781/94, §§ 312–315.

³⁶ См., например: Постановление Европейского Суда по делу «Хорват и Киш против Венгрии» (*Horvath and Kiss v. Hungary*) от 29 января 2013 г., жалоба № 11146/11.

³⁷ См.: упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Хорват и Киш против Венгрии», § 116; Постановление Европейского Суда по делу «Чам против Турции» (*Çam v. Turkey*) от 23 февраля 2016 г., жалоба № 51500/08. См. также: пояснительный доклад к Протоколу № 12 к Конвенции.

³⁸ Европейский комитет по социальным правам (далее – ЕКСП) признает, что дискриминация может стать следствием непринятия надлежащим и позитивным образом во внимание всех релевантных различий между лицами, находящимися в схожей ситуации, либо непринятия надлежащих мер по обеспечению прав и коллективных преимуществ, которые предоставлены всем лицам и действительно доступны для всех и каждого. См., например: Постановление ЕКСП по делу «Всеобщая итальянская конфедерация труда против Италии» (*Confederazione Generale Italiana del Lavoro (CGIL) v. Italy*) от 12 октября 2015 г., жалоба № 91/2013, § 237; Решение ЕКСП по существу дела «Французская демократическая конфедерация труда против Франции» (*Confédération française démocratique du travail (CFDT) v. France*) от 9 сентября 2009 г., жалоба № 50/2008, §§ 39 и 41.

дискриминационных последствий, к которым они могут привести. Например, право на образование, закрепленное в Конвенции (статья 2 Протокола № 1 к Конвенции) и Европейской социальной хартии (статья 17), в принципе должно быть обеспечено, даже несмотря на то, что способы обеспечения этого права нуждаются в адаптации. Однако особое внимание следует уделять обеспечению того, чтобы представители уязвимых групп продолжали пользоваться правом на образование и имели равный доступ к образовательным средствам и материалам в период карантина. В настоящее время готовится детальное исследование трудностей и рисков, с которыми столкнулись цыгане, мигранты, представители национальных меньшинств и члены ЛГБТИ-сообщества, а также содержащее замечательные примеры интеграционных мер, которые были приняты в некоторых государствах – членах Совета Европы в условиях текущего кризиса³⁹.

4. Защита от преступности, защита потерпевших от преступлений

Поступает всё больше сообщений о происшествиях и доказательствах, демонстрирующих, что политика изоляции и карантина ведет к увеличению уровня домашнего, сексуального и гендерного насилия и, соответственно, к возросшей необходимости защиты от этих явлений. Можно лишь поприветствовать подход государств-членов, которые в соответствии с духом Стамбульской конвенции⁴⁰ ищут способы продолжать принимать меры по поддержке и защите жертв такого насилия, адаптируя их под режим изоляции. Совет Европы может распространять информацию о практических мерах, принимаемых в государствах-членах, например таких, как предоставление потерпевшим альтернативных способов сообщать о случаях насилия⁴¹. Кроме того, важно рассматривать инновационные средства с тем, чтобы у детей был доступ к телефонам доверия и «горячим линиям» в свете положений Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия для сообщений о насилии, жестоком обращении и сексуальных домогательствах во время пандемии коронавирусной инфекции COVID-19⁴².

Жертвы торговли людьми могут оказаться в еще более уязвимом положении из-за ограниченных возможностей правоохранительных органов и поддерживающих их служб, таких как приюты для жертв⁴³.

Поскольку современные общества всё больше полагаются на компьютерные системы, в условиях кризиса злоумышленники могут всё чаще использовать это для своей выгоды (мошеннические схемы, фишинговые атаки, распространение вредоносных программ через якобы подлинные интернет-сайты, содержащие информацию и рекомендации о коронавирусной инфекции COVID-19, используются для заражения компьютеров, получения доступа к учетным данным пользователя или проведения незаконных платежей). Дети не ограждены от рисков в киберпространстве, и с закрытием школ дети стали чаще пользоваться Интернетом и социальными сетями, что влияет на их безопасность. Кроме того, вспышка коронавирусной инфекции, к сожалению, открыла для преступников новые возможности

³⁹ Данное исследование готовится Секретариатом нового Координационного комитета по ликвидации дискриминации, многообразию и интеграции (далее – CDADI) для рассмотрения на первом заседании CDADI. На интернет-сайте CDADI скоро будет опубликована вступительная записка к исследованию.

⁴⁰ Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием, СETS № 210, г. Стамбул, 11 мая 2011 г. URL: <https://www.coe.int/conventions/treaty/210>

⁴¹ См.: заявление Генерального секретаря Совета Европы от 30 марта 2020 г. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/covid-19-crisis-secretary-general-concerned-about-increased-risk-of-domestic-violence>, заявление Председателя Группы экспертов по действиям против насилия в отношении женщин и в семье (GREVIO) от 24 марта 2020 г.: URL: <https://rm.coe.int/grevio-statement-covid-24-march-2020/pdfa/16809cf55e>

⁴² Заявление Председателя и заместителя Председателя Комитета Лансароте URL: <https://rm.coe.int/covid-19-1c-statement-en-final/16809e17ae>

⁴³ См.: заявление Группы экспертов по противодействию торговле людьми от 3 апреля 2020 г.

по извлечению выгоды из возросшего спроса на товары медицинского назначения, средства индивидуальной защиты и гигиены. Возросло количество онлайн- и офлайн-предложений о приобретении поддельных лекарственных средств и медицинского оборудования, таких как наборы для тестирования на коронавирусную инфекцию COVID-19. Производство и распространение поддельных товаров медицинского назначения представляют значительную опасность для здоровья населения и угрожают праву на жизнь и праву на охрану здоровья. Органы уголовного правосудия должны наладить всестороннее сотрудничество, чтобы обнаруживать, расследовать указанные преступления, предъявлять обвинения и осуществлять преследование в отношении подозреваемых лиц. В рамках конвенций Совета Европы (Будапештской конвенции о преступности в сфере компьютерной информации, Конвенции «Медикрим»⁴⁴, Конвенции Лансароте о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия для сообщений о насилии, жестоком обращении и сексуальных домогательствах) государства, являющиеся сторонами этих конвенций, тесно сотрудничают для улучшения положений уголовного законодательства, процессуальных полномочий и международного сотрудничества, необходимого для противодействия этим угрозам.

5. Следующие шаги: Совет Европы важен как никогда

Совет Европы был создан для того, чтобы восстановить прочный мир в Европе после самой разрушительной войны в ее истории. В значительной степени ему это удалось, и Совет Европы спустя 70 лет своей истории стал общеевропейской организацией с уникальными институтами, которые являются образцами для подражания для остального мира. Сегодня наши общества столкнулись с беспрецедентным вызовом. Даже после острой стадии кризиса наши общества должны будут найти средства для устранения вреда, причиненного обществу и экономике, и повышения доверия к нашим демократическим учреждениям. Среди прочего потребуются широкое осмысление вопросов, касающихся наиболее уязвимых лиц и групп наших обществ, а также средств защиты их прав в модели более устойчивого и солидарного управления.

Совет Европы продолжит прилагать все возможные усилия для оказания помощи государствам-членам во время и после кризиса. Широкий спектр эффективных правовых механизмов Совета Европы, техническая экспертиза и обширная сеть национальных экспертов предлагают гражданам и правительствам ценный инструментарий для поиска наилучших и наиболее рациональных способов защиты здоровья людей, поддержания демократической структуры наших обществ и смягчения социальных последствий кризиса.

Уставные органы и все учреждения Совета Европы, его Секретариат мобилизованы и не пожалеют усилий при использовании механизмов и средств Совета Европы для обмена информацией, передовой практикой и опытом среди всех заинтересованных сторон, в том числе властей, гражданских обществ и граждан, чтобы найти общие ответы на вызовы, стоящие перед нами. Все программы и мероприятия Совета Европы (в том числе по запросу программы сотрудничества с государствами – членами Совета Европы и другими государствами) будут переориентированы и включают компоненты, которые сделают вклад Совета Европы максимально значимым, своевременным и конкретным.

⁴⁴ Комитет сторон Конвенции «Медикрим» предоставит рекомендации по применению Конвенции в контексте коронавирусной инфекции COVID-19. URL: <https://www.coe.int/en/web/medicrime/home>

Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП)

Заявление о принципах, касающихся обращения с лицами, лишенными свободы, в контексте пандемии коронавирусной инфекции COVID-19¹

CPT/Inf(2020)13

20 марта 2020 г.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 бросила чрезвычайный вызов властям всех стран – членов Совета Европы. Особую серьезность данный вызов несет для персонала различных мест лишения свободы, в том числе работников камер заключения в отделениях полиции, учреждений уголовно-исполнительной системы, иммиграционных центров, психиатрических больниц и социальных центров, а также различных вновь созданных учреждений/зон, куда люди помещаются на карантин. Признавая очевидную необходимость противодействия COVID-19, Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) должен напомнить всем заинтересованным лицам об абсолютном характере запрета на пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Меры защиты не должны приводить к бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в отношении лиц, лишенных свободы. По мнению ЕКПП, всеми соответствующими органами власти, ответственными за лиц, лишенных свободы на пространстве Совета Европы, должны применяться следующие принципы.

1. Основным принцип заключается в том, чтобы принимать все возможные меры для защиты здоровья и безопасности всех лиц, лишенных свободы. Принятие таких мер вносит вклад в сохранение здоровья и безопасности персонала.

2. Во всех местах лишения свободы необходимо уважать и полностью соблюдать руководства Всемирной организации здравоохранения по борьбе с пандемией, а также национальные правила и клинические рекомендации, соответствующие международным стандартам.

3. Необходимо усилить численность персонала, который должен получать всю необходимую профессиональную поддержку, обеспечение защиты здоровья и безопасности, а также проходить необходимое обучение в целях обеспечения возможности продолжения выполнения своих обязанностей в местах лишения свободы.

4. Любые ограничительные меры, принимаемые в отношении лиц, лишенных свободы, для предотвращения распространения COVID-19 должны иметь правовую основу и быть необходимыми, пропорциональными, соответствующими человеческому достоинству и ограниченными по времени. Лица, лишенные свободы, должны получать исчерпывающую информацию на понятном для них языке о любых подобных мерах.

5. Поскольку тесный личный контакт способствует распространению вируса, особые усилия должны быть предприняты всеми соответствующими органами власти для использования альтернативных лишению свободы мер. Данный подход обязателен, в частности, в случае переполненности мест лишения свободы. В дальнейшем власти должны более активно использовать альтернативы досудебному заключению под стражу, сокращение сроков, досрочное и условное освобождение; пересмотр необходимости продления принудительной госпитализации для пациентов с психиатрическими заболеваниями; отказ или освобождение от общественного ухода, где это возможно, пациентов центров социальной помощи, а

¹ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. Права человека в карантине. Перевод с английского языка Ю.А. Федотьевой.

также воздержаться максимально возможным образом от содержания мигрантов в соответствующих центрах.

6. Что касается обеспечения здравоохранения, отдельное внимание должно быть уделено особым нуждам заключенных с учетом интересов уязвимых групп и/или групп риска, таких как пожилые лица и лица с уже имеющимися заболеваниями. Это подразумевает в том числе проведение анализа на COVID-19 и варианты интенсивной терапии в случае необходимости. Кроме того, в данный период заключенные должны получать дополнительную психологическую поддержку от персонала пенитенциарных учреждений.

7. Хотя приостановление непервостепенной деятельности является законным и обоснованным, основные права заключенных во время пандемии должны полностью соблюдаться. Это включает в себя, в частности, право на поддержание адекватной личной гигиены (включая доступ к горячей воде и мылу) и право на ежедневный доступ к свежему воздуху (минимум на один час). Кроме того, любые ограничения на контакт с внешним миром, в том числе на посещения, должны быть компенсированы расширенным доступом к другим средствам связи (таким, как телефон или интернет-связь).

8. В случае изоляции или помещения на карантин заключенного, который заразился или существуют подозрения в том, что он заразился коронавирусом, указанному лицу должны предоставить возможность ежедневного общения с людьми.

9. Основные гарантии для зараженных лиц, находящихся в местах лишения свободы, со стороны правоохранительных органов (доступ к адвокату, доступ к врачу, уведомление о заключении под стражу) должны в полной мере соблюдаться в любых обстоятельствах и в любое время. Меры предосторожности (такие, как требование от лиц с симптомами заболевания носить защитные маски) должны соответствовать имеющимся обстоятельствам.

10. Контроль со стороны независимых органов, в том числе национальных превентивных механизмов и ЕКПП, остается важнейшей гарантией против жестокого обращения. Государства должны сохранять гарантированный доступ органов мониторинга во все места лишения свободы, включая места, где лица находятся на карантине. При этом все органы мониторинга должны принимать все необходимые меры предосторожности для соблюдения принципа «не навреди», в том числе при взаимодействии с пожилыми лицами и лицами с имеющимися заболеваниями.

**Совместное заявление Председателя Комитета
по Конвенции № 108 Александры Пьеруччи и Комиссара Совета
Европы по защите данных Жан-Филиппа Вальтера о праве
на защиту данных в условиях пандемии COVID-19¹**

г. Страсбург

30 марта 2020 г.

Пандемия COVID-19 (более известного как коронавирус) создала беспрецедентные угрозы и трудности для отдельных лиц и стран во всем мире. Необходимость остановить ее распространение и вылечить заразившихся людей является важной целью для всех стран.

Усилия Всемирной организации здравоохранения, иных международных организаций, правительств, медицинских учреждений и их персонала, а также мероприятий по предотвращению еще более масштабного распространения вируса, по спасению людей и защите общества безграничны и заслуживают активной поддержки.

Государства должны противостоять угрозе, возникшей в результате пандемии COVID-19, на основе принципов демократии, верховенства права и прав человека, включая право на неприкосновенность частной жизни и защиту данных.

Стремясь предотвратить количество новых случаев заражения, правительствам пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам, в том числе к объявлению чрезвычайного положения во многих государствах. Хотя тревожная ситуация со здравоохранением в этих странах оправдывает введение специальных режимов, следует подчеркнуть, что в течение данных ограниченных периодов реализация прав человека, гарантированных в некоторых международных документах (например, в Международном пакте о гражданских и политических правах и в Европейской конвенции о правах человека) и во внутригосударственных документах, продолжает применяться и не может быть приостановлена, но может быть лишь частично отменена или ограничена в силу закона в том объеме, в котором это строго необходимо в соответствии с требованиями ситуации при уважении сущности основополагающих прав и свобод.

Общие принципы и правила защиты данных

Когда речь идет о праве на защиту данных, прежде всего следует отметить, что Конвенция № 108², равно как и обновленная Конвенция № 108⁺³ устанавливают высокие стандарты защиты персональных данных, которые совместимы и согласованы с другими основными правами и соответствующими публичными интересами.

Важно напомнить, что защита данных никоим образом не может быть препятствием для спасения жизней и что применимые принципы всегда позволяют сбалансировать затронутые интересы.

Согласно Конвенции № 108+ важно, чтобы даже в особо сложных ситуациях соблюдались принципы защиты данных и, следовательно, чтобы субъекты данных были уведомлены об обработке их персональных данных, чтобы обработка персональных данных осуществлялась только в случае необходимости и соразмерно преследуемой явной, определенной и правомерной цели, чтобы оценка воздействия проводилась до начала обработки данных, чтобы конфиденциальность данных обеспечивалась на этапе проектирования системы их обработки и чтобы принимались иные надлежащие меры для защиты безопасности данных,

¹ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. Права человека в карантине. Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (ETS № 108) (*примеч. переводчика*).

³ См.: Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 10 октября 2018 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 12 (*примеч. переводчика*).

в частности, в связи с особыми категориями данных, такими как данные о состоянии здоровья, а также чтобы субъекты данных имели право осуществлять свои права.

Одним из основных принципов защиты данных в соответствии с Конвенцией № 108+ является принцип законности, согласно которому обработка данных может осуществляться на основе согласия субъекта данных либо на иных законных основаниях, установленных законодательством. Следует отметить, что, как прямо предусмотрено в Пояснительном докладе к Конвенции № 108+, такие законные основания, в частности, охватывают обработку данных, необходимую для защиты жизненно важных интересов отдельных лиц, а также обработку данных, осуществляемую на основе публичного интереса, например в случае мониторинга опасной для жизни эпидемии.

Право на защиту данных, например, не препятствует учреждениям здравоохранения предоставлять список медицинских работников (имена и их контактные данные) организациям, которым поручено распределение масок FFP2. Также нельзя утверждать, что право на защиту данных несовместимо с эпидемиологическим мониторингом, при этом следует подчеркнуть, что анонимные данные не попадают под требования защиты данных. Таким образом, требования защиты данных не будут препятствовать использованию обобщенной информации о местоположении для оповещения о проведении собраний в нарушение режима изоляции или для уведомления о перемещении лиц, выезжающих из серьезно затронутых районов (с точки зрения количества лиц с положительным результатом исследования на наличие COVID-19).

Кроме того, Конвенция № 108+ признает необходимость предусмотреть некоторые исключения и ограничения ради насущных целей публичного интереса и жизненно важных интересов частных лиц. Вместе с тем ограничения установленных в ней принципов и прав должны отвечать очень четким требованиям даже в период чрезвычайного положения, чтобы гарантировать непрерывное соблюдение принципа верховенства права и основополагающих прав.

Согласно Конвенции № 108+ (см. статью 11) исключения должны быть «предусмотрены законом, соответствовать сущности основных прав и свобод и составлять необходимую и пропорциональную меру в демократическом обществе».

В случае применения ограничений подобные меры должны приниматься исключительно на временной основе и только в течение периода, явно ограниченного сроком действия чрезвычайного положения. Кроме того, крайне важно принять конкретные меры предосторожности и дать заверения в том, что персональным данным будет предоставлена защита в полном объеме после отмены режима чрезвычайного положения. В то же время необходимо предусмотреть конкретные меры и процедуры возврата к «обычным» режимам обработки данных, уделяя особое внимание базам данных, содержащим информацию, связанную со здоровьем, или иные особые категории данных и/или данным, которые были созданы для целей отслеживания, слежения и формирования профиля частных лиц и обработка которых осуществлялась в период чрезвычайного положения.

Органам, обеспечивающим защиту данных, рекомендуется тщательно оценивать меры, принятые государственными органами власти, на соответствие указанным условиям.

Обработка данных, связанных со здоровьем

Учитывая, что главенствующее положение человека и принятие профессиональных стандартов представляют собой ведущие ценности в сфере здравоохранения, обработка данных, связанных со здоровьем, должна гарантировать уважение прав и основных свобод каждого человека, в частности прав на неприкосновенность частной жизни и на защиту персональных данных. Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам № CM/Rec(2019)2 «О защите информации, связанной со здоровьем»⁴, содержит конкретные руководящие указания в этом отношении. Ее положения об обмене данными между медицинскими работниками, а также между сферой здравоохранения и иными секторами должны, в частности, определять практику соответствующих специалистов.

⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2019. № 12 (примеч. переводчика).

Взаимодействие с обществом со стороны учреждений здравоохранения и государственных органов должно оставаться приоритетом, чтобы они были в состоянии обеспечить защиту, информирование и консультирование общественности. Вместе с тем в ходе такого общения следует избегать публикации конфиденциальных данных (например, связанных со здоровьем) конкретных лиц. Также рекомендуется осуществлять обработку соответствующих данных только в том случае, если приняты дополнительные технические и организационные, дополняющие меры, применимые к данным, которые не являются конфиденциальными.

Широкомасштабная обработка данных

Поскольку обширные данные и базы данных создаются с использованием преимуществ технологий обработки данных, таких как Большие данные или искусственный интеллект, обработка таких данных должна осуществляться в соответствующих условиях с соблюдением человеческого достоинства и принципа защиты данных. Соответствующее руководство, разработанное Комитетом по Конвенции № 108 в контексте Больших данных и искусственного интеллекта, может быть полезным инструментом для разработчиков, а также для правительств в целях осуществления обработки данных способом, обеспечивающим защиту от умышленного неправомерного использования или от непреднамеренных негативных последствий, включая дискриминацию отдельных лиц или групп лиц.

Прозрачность и «объяснимость» аналитики или решений искусственного интеллекта, подход на основе принципа предосторожности и стратегия управления рисками (включая риск повторной идентификации в случае анонимных данных), акцент на качестве и минимизации данных, а также роль контроля со стороны человека – вот некоторые ключевые моменты, которые необходимо учитывать при разработке инновационных решений для борьбы с COVID-19.

Обработка данных работодателями

Работодатели сталкиваются с трудностями в поддержании своего бизнеса или деятельности, обеспечивая защиту общественности и своих сотрудников, часто переводя своих сотрудников на удаленную работу. Однако такая практика не должна приводить к мониторингу сотрудников, в том числе с помощью видеотехники, следует продумать менее интрузивные меры при организации работы и условий труда.

В сложившихся обстоятельствах работодателям может потребоваться обрабатывать персональные или конфиденциальные данные, которые они обычно не обрабатывают (например, информацию, связанную со здоровьем). В связи с этим следует напомнить, что работодатели должны уважать принципы необходимости, соразмерности и подотчетности, а также руководствоваться принципами, разработанными в целях минимизации любых рисков, которые такая обработка может представлять для прав и основных свобод работников, в частности для их права на неприкосновенность частной жизни, как предусмотрено в Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-членам № CM/Rec(2015)5 «Об обработке персональных данных в контексте занятости». В частности, работодатели не должны обрабатывать персональные данные в объеме, превышающем необходимый, для идентификации потенциально незащищенных работников.

Если законодательство требует от работодателей сообщать определенные данные государственным органам в интересах охраны здоровья населения, им рекомендуется делать это в строгом соответствии с основополагающей правовой базой, чтобы принять необходимые меры для возврата к «обычной» обработке (включая окончательное удаление), как только режим чрезвычайного положения более не будет применяться.

Мобильные и компьютерные данные

Телекоммуникационные компании, онлайн-платформы и поставщики интернет-услуг также активно участвуют в борьбе с распространением COVID-19, и им все чаще приходится обмениваться данными о пользователях, собираемой ими личной информацией и ины-

ми видами информации с государственными органами, чтобы внести значительный вклад в осуществление эпидемиологического надзора, включая анализ пространственных данных для определения местоположения лиц, которые могут быть заражены. Аналогичным образом частные и государственные органы могут разрабатывать IT-решения для осуществления эпидемиологического надзора.

Широкомасштабная обработка персональных данных может осуществляться только в том случае, если, как следует из научных данных, потенциальные преимущества такого цифрового эпидемиологического надзора (например, отслеживание контактов), включая его точность, для здоровья населения превосходят преимущества иных альтернативных решений, которые не были бы столь интрузивными.

Разработка надзорных решений должна быть основана на предварительной оценке вероятного воздействия предполагаемой обработки данных на права и основные свободы субъектов данных. Системы обработки данных должны быть спроектированы таким образом, чтобы предотвратить или минимизировать риск вмешательства в указанные права и основные свободы.

В свете принципов добросовестности и пропорциональности следует также рекомендовать проведение предварительных испытаний в различных контролируемых условиях, как это происходит в настоящее время с различными лекарственными средствами, которые тестируются в рамках клинических испытаний.

Хотя информация о распространении вируса в режиме реального времени может сыграть важную роль в его изоляции, необходимо подчеркнуть, что при любых обстоятельствах предпочтение следует отдавать наименее интрузивным способам.

Обработка данных в образовательных системах

Школы и университеты прилагают все возможные усилия в целях совершенствования навыков и ресурсов для дистанционного обучения, а сами учителя и преподаватели сталкиваются с проблемой изоляции. При оценке технических решений, направленных на обеспечение непрерывности обучения, предпочтение следует отдавать стандартным конфигурациям, ориентированным на защиту данных, например, в отношении заданных параметров, чтобы использование приложений и программного обеспечения не нарушало права субъектов данных (защита данных по умолчанию), а также во избежание обработки большего количества данных, чем это необходимо для достижения правомерной цели обеспечения непрерывности обучения.

Также крайне важно выбрать надлежащую правовую основу (включая согласие родителей или законных опекунов при необходимости) и гарантировать родителям максимальную прозрачность в отношении обработки данных их детей.

В настоящее время Комитет по Конвенции № 108 разрабатывает дополнительные руководящие принципы⁵, касающиеся обработки персональных данных в контексте обучения, которые будут предназначены для практиков и лиц, принимающих решения.

Пока люди сталкиваются с трудными и угрожающими обстоятельствами, а ситуация быстро развивается, власти, принимая меры по защите населения, должны делать это, не подвергая людей еще большему риску в долгосрочной перспективе.

Только благодаря единству и солидарности при полном уважении принципа верховенства закона, прав человека и демократии мы сможем справиться с этой беспрецедентной ситуацией.

⁵ Проект руководящих принципов «Защита данных детей в образовательных системах».

Совместное заявление Председателя Комитета по Конвенции № 108 Алессандры Пьеруччи и Комиссара Совета Европы по защите данных Жан-Филиппа Вальтера о цифровом отслеживании контактов¹

г. Страсбург

28 апреля 2020 г.

Спустя месяц после нашего первого Совместного заявления о праве на защиту данных в условиях пандемии COVID-19 страны и народы по всему миру продолжают неустанно прилагать усилия по предотвращению дальнейшего распространения вируса.

С начала пандемии правительства и заинтересованные стороны, участвующие в борьбе с вирусом, в частности научно-исследовательские сообщества, для противодействия этой новой угрозе основываются в своей деятельности на анализе данных и цифровых технологиях.

Учитывая, что стандарты защиты данных, установленные Конвенцией № 108² и обновленной Конвенцией № 108⁺³, полностью совместимы с иными основными правами и соответствующими публичными интересами, такими как здоровье населения, крайне важно обеспечить реализацию необходимых гарантий защиты данных при принятии чрезвычайных мер по охране здоровья населения.

Что касается использования мобильных данных и технологий в борьбе с COVID-19, то в настоящее время разрабатываются или предлагаются конкретные меры, которые включают в себя использование мобильных данных о местоположении в целях анализа перемещения людей или в целях обеспечения соблюдения режима изоляции, использование устройств в качестве цифрового доказательства наличия иммунитета, выявление симптомов, самоконтроль и, наконец, цифровое отслеживание контактов инфицированного лица.

Все эти в той или иной степени инновационные инструменты предполагают, что люди имеют и носят с собой соответствующие мобильные устройства. Таким образом, указанные меры не затрагивают людей, которые не обладают подходящими мобильными устройствами. Кроме того, инструменты, которые основаны на обработке персональных данных, затрагивают право на неприкосновенность частной жизни и на защиту данных, а также другие основные права и свободы людей. В связи с этим крайне важно гарантировать, что меры и связанная с ними обработка данных являются необходимыми и соразмерными по отношению к преследуемой правомерной цели и что они на всех этапах отражают справедливый баланс всех затронутых интересов, прав и свобод, как это предусмотрено Европейской конвенцией о правах человека (статья 8) и Конвенцией № 108+ (статьи 5 и 11).

Что касается отслеживания контактов (и соответствующего оповещения), в частности, следует в первую очередь напомнить о том, что данный процесс мониторинга всегда использовался в ручном режиме в рамках эпидемиологического мониторинга в целях снижения уровня распространения инфекций, выявления лиц, которые могли вступать в контакт с инфицированным человеком, чтобы предупредить их при необходимости, позволить им получить необходимую помощь и обеспечить самоизоляцию во избежание дальнейшего распространения заболевания.

В настоящее время мобильные приложения многими рассматриваются как дополнительное реагирование на необходимость оперативного проведения мониторинга контактов. Дей-

¹ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. Права человека в карантине. Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

² Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г. (ETS № 108) (*примеч. переводчика*).

³ См.: Протокол о внесении изменений в Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 10 октября 2018 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 12 (*примеч. переводчика*).

ствительно, мобильные решения, позволяющие выявлять контакты автоматически, могут сэкономить драгоценные часы работы медицинского персонала, который устанавливает механизм передачи инфекции, могут заполнить важные пробелы, которые могут быть в памяти человека, и сделать это с такой скоростью, которая соответствует скорости распространения вируса. Хотя технологические инструменты могут сыграть важную роль в решении текущей проблемы, первый важный вопрос, который мы должны задать себе перед системным внедрением технологий без какой-либо критики (без оценки их эффективности и соразмерности), заключается в следующем: решают ли проблему эти «приложения»? Ввиду отсутствия доказательств их эффективности стоят ли обещания предсказуемых социальных и правовых рисков? Если правительства решают прибегнуть к такому цифровому отслеживанию контактов в управлении пандемией COVID-19, каковы правовые и технические гарантии, которые необходимо внедрить для снижения имеющихся рисков?

I. Эффективность

Как уже отмечалось в нашем первом Совместном заявлении, «широкомасштабная обработка персональных данных может осуществляться только в том случае, если, как следует из научных данных, потенциальные преимущества такого цифрового эпидемиологического надзора (например, отслеживание контактов), включая его точность, для здоровья населения превосходят преимущества иных альтернативных решений, которые не были бы столь интрузивными».

Эффективность цифрового отслеживания контактов зависит от многих взаимосвязанных факторов:

- комплексной национальной эпидемиологической стратегии, обеспечивающей инструментальную поддержку систем здравоохранения, отслеживание контактов вручную и особый акцент на проведении широкомасштабного тестирования;
- выбранной модели (используемой технологии, поддерживаемой архитектуры, определения «близости» между устройствами как в части расстояния, так и в отношении продолжительности и т.д.), а также
- широко распространенного доступа к мобильным устройствам и связи (что также может потребовать определенных технических возможностей, например «Bluetooth с низким энергопотреблением»). При этом следует с сожалением признать, что значительная часть населения не в состоянии их приобрести или использовать, в частности, группы высокого риска, в том числе пожилые люди.

Если органы государственной власти принимают решение об использовании цифрового отслеживания контактов, нижеследующие разделы должны служить руководством при проектировании и внедрении данных систем⁴ с принятием соответствующей нормативной правовой базы для их регулирования.

II. Доверие и добровольный характер

Приемлемость системы цифрового отслеживания контактов явно зависит от доверия, которое такая система внушает и обеспечивает. Поскольку доверие общества имеет важное значение для широкого внедрения системы, важно подчеркнуть, что доверие можно значительно укрепить посредством интеграции функций, способствующих повышению степени защиты конфиденциальности, а также посредством прозрачного информирования людей, в частности, о функционировании системы, о ее назначении и обрабатываемых данных.

Таким образом, достижение широкой приемлемости можно поддержать внедрением безопасной системы, которая не навязывается людям, а используется ими на добровольной

⁴ Руководство по геолокации и иным инструментам отслеживания в условиях вспышки COVID-19, принятое Европейским советом по защите данных Европейского союза 21 апреля 2020 г., также содержит важные руководящие принципы по указанным вопросам. Подробнее см.: https://edpb.europa.eu/sites/edpb/files/files/file1/edpb_guidelines_20200420_contact_tracing_covid_with_annex_en.pdf

основе. Это также подразумевает отсутствие каких-либо негативных последствий в случае неучастия в системе.

Добровольный характер не означает, что обработка персональных данных обязательно будет иметь в качестве правовой основы согласие. Конвенция № 108+ допускает обработку данных на основании публичного интереса, в том числе для охраны здоровья населения в соответствии с законом. Соответственно, внутригосударственное законодательство, поощряющее подлинно добровольное использование данных систем, станет надлежащим правовым основанием для такой обработки при условии принятия необходимых мер предосторожности.

III. Оценка воздействия и предполагаемая защита персональных данных

Учитывая возможное воздействие систем цифрового отслеживания контактов на права и основные свободы частных лиц, их разработка должна основываться на предварительной оценке этого вероятного воздействия до внедрения данных систем.

Они должны быть спроектированы таким образом, чтобы предотвращать или сводить к минимуму риск вмешательства в указанные права и основные свободы, гарантировать, что данные о местоположении отдельных лиц не используются, что прямая идентификация невозможна, а повторная идентификация не допускается.

IV. Определение цели

Целью системы цифрового отслеживания контактов в условиях пандемии COVID-19 является идентификация лиц, потенциально подверженных воздействию вируса. При этом строго исключается дальнейшая обработка данных в любых несвязанных целях (например, в коммерческих или правоохранительных).

Дальнейшая обработка данных для проведения эпидемиологических исследований или в статистических целях неизбежно потребует явно выраженного согласия.

V. Данные: конфиденциальность, качество, минимизация

Данные, связанные со здоровьем, относятся к особой категории данных, которые могут обрабатываться только при наличии надлежащих гарантий, которые дополняют иные требования к обеспечению защиты данных, как это предусмотрено статьей 6 Конвенции № 108+.

Учитывая особую природу данных о местоположении и тот факт, что близость между людьми может быть достигнута без определения их местонахождения, цифровое отслеживание контактов следует осуществлять на основе сведений о соединениях между устройствами, а не на основе данных о местоположении (например, данных, сгенерированных системой GPS).

Ввиду того, что для лиц, потенциальные контакты которых с каким-либо инфицированным лицом были установлены, последствия могут быть серьезны (самоизоляция, тестирование), решающее значение имеет обеспечение качества и точности данных.

Данные, обрабатываемые в целях цифрового отслеживания контактов, должны быть сведены к строжайшему минимуму, при этом не должен осуществляться сбор данных, не связанных с преследуемыми целями или не являющихся необходимыми для них.

VI. Автоматизированное принятие решений

Даже в текущей ситуации у людей остается право не подвергаться решению, которое их существенно затрагивает, принятому исключительно на основе автоматизированной обра-

ботки данных без учета их мнения. Очевидно, что такие последствия, как самоизоляция и тестирование, могут оказывать сильное влияние на положение людей.

В связи с этим пользователи системы цифрового отслеживания контактов не должны претерпевать навязанные им последствия без наличия средства, с помощью которого можно оспорить указанные последствия, особенно в свете неточностей или ошибок, возможных при работе этих систем.

VII. Анонимность

Пользователи системы цифрового отслеживания контактов не должны подвергаться прямой идентификации, а системы цифрового отслеживания контактов должны использовать только уникальные идентификаторы в анонимной форме, генерируемые системой и характерные для нее. Эти идентификаторы должны регулярно пересматриваться и должны быть криптографически стойкими.

VIII. Безопасность

Цифровые системы отслеживания контактов должны предусматривать современное шифрование, безопасность связи, надежные способы разработки и аутентификацию пользователей во избежание таких рисков, как доступ к данным, изменение или раскрытие данных цифровой системы отслеживания контактов.

IX. Архитектура

Системы цифрового отслеживания контактов должны быть основаны на архитектуре, которая в максимально возможной степени опирается на обработку и хранение данных на устройствах отдельных пользователей.

Существует несколько моделей централизованных, частично централизованных или децентрализованных архитектур, но ни одна из них полностью не защищает от факторов уязвимости и рисков повторной идентификации.

X. Функциональная совместимость

Поскольку пандемия COVID-19 не знает границ, необходимо обеспечить функциональную совместимость между системами с целью гарантировать обмен доступной информацией за пределами национальных границ при условии внедрения необходимых гарантий, включая надлежащие основания для передачи данных, надежные меры безопасности и средства обеспечения точности входящих и исходящих данных.

XI. Прозрачность

С учетом интрузивного характера систем цифрового отслеживания контактов настоятельно рекомендуется обеспечивать полную прозрачность посредством разработки программного обеспечения с открытым исходным кодом, что позволит каждому заинтересованному лицу проверить (и, возможно, улучшить) код.

Информация, предоставляемая частным лицам, должна быть понятной и простой.

Частные лица вправе получать сведения о причинах, лежащих в основе обработки данных, если результаты такой обработки применяются к ним, например, в случае цифрового отслеживания контактов. Общий механизм функционирования конкретной системы цифрового отслеживания должен быть полностью обнародован до начала ее функционирования и в ходе него.

XII. Временный характер

Данные, используемые для цифрового отслеживания контактов, должны храниться только в течение периода управления пандемией COVID-19, а сроки хранения должны быть определены с учетом эпидемиологической значимости данных (например, в течение инкубационного периода вируса).

По истечении заранее установленного срока все персональные данные должны быть удалены. Кроме того, следует принять технические меры, позволяющие автоматически деактивировать приложение и удалять данные.

XIII. Надзор и проверки

Системы цифрового отслеживания контактов должны подвергаться независимому и эффективному надзору и проверкам для обеспечения соблюдения права на неприкосновенность частной жизни и на защиту данных. Органы, занимающиеся защитой данных, должны с самого начала участвовать в разработке таких систем и использовать свои полномочия по вмешательству и расследованию в целях обеспечения соблюдения требований по защите данных.

Пандемия COVID-19 создает беспрецедентные трудности для всех, что требует от нас величайшей отдачи и осторожности. Наше будущее обусловлено политическим выбором, социальной поддержкой и ответственностью каждого из нас. Несмотря на его срочность, цифровое отслеживание контактов поднимает новые вопросы, на которые необходимо найти ответы до принятия решения о применении данной меры в отношении широких слоев населения. Помимо соображений неприкосновенности частной жизни и защиты данных, методы цифрового отслеживания контактов затрагивают вопросы неравенства и дискриминации, которые также необходимо принимать во внимание.

ЕВРОПЕЙСКАЯ КОМИССИЯ ПО ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОСУДИЯ (СЕРЕЈ)¹

Внеочередное виртуальное пленарное заседание СЕРЕЈ
Среда, 10 июня 2020 г.

г. Страсбург, 10 июня 2020 г.
СЕРЕЈ (2020)8rev

Организовано в рамках председательства Греции в Комитете министров Совета Европы

ДЕКЛАРАЦИЯ СЕРЕЈ

ПОЛУЧЕННЫЙ ОПЫТ И ВЫЗОВЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД СУДЕБНОЙ СИСТЕМОЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 И ПОСЛЕ НЕЕ

Европейская комиссия по эффективности правосудия (далее – СЕРЕЈ) Совета Европы оказывает поддержку государствам – членам Организации в повышении эффективности и качества их судебных систем, чтобы они функционировали в соответствии со стандартами Совета Европы и удовлетворяли потребности лиц, добивающихся правосудия.

Пандемия COVID-19 – это кризис в сфере здравоохранения с серьезными последствиями для человека и общества, который также создает трудности для работы судов и судебных органов в государствах – членах Совета Европы. Кризис заставляет задуматься об инновационных мерах, которые могут быть приняты в рамках судебных систем.

Государства – члены Совета Европы приложили значительные усилия, чтобы в кратчайшие сроки приспособиться к новым обстоятельствам и максимально эффективно использовать имеющиеся у них ресурсы для обеспечения функционирования своих судов. Они должны сохранять эту динамику и извлечь уроки из данного опыта. Кризис не может быть использован для оправдания недостатков судебных систем и тем более для снижения стандартов или нарушения правовых гарантий.

Подобный кризис в сфере здравоохранения может повториться. Судебные системы должны быть готовы к этому, особенно когда речь идет об эффективных решениях для обеспечения непрерывности работы судов и доступа к правосудию при соблюдении прав человека.

В данном контексте СЕРЕЈ хотела бы напомнить государствам – членам Совета Европы о следующих важных принципах.

Принцип 1 (права человека и верховенство права)

Принципы статей 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) и 6 (право на справедливое судебное разбирательство) Европейской конвенции по правам человека (далее – Конвенция) должны быть всегда защищены, но в период кризиса они приобретают особую значимость. Необходимо обеспечить постоянное функционирование судебной системы и предоставление услуг, оказываемых сотрудниками системы правосудия, на основе европейских стандартов. Доверие к правосудию должно сохраняться даже в период кризиса.

Кризис требует немедленного и срочного реагирования. Однако любое реагирование на кризис должно строго основываться на принципах верховенства права, а также соблюдать и защищать права человека. Чрезвычайные меры должны учитывать принципы законности, правовой определенности и соразмерности и должны постоянно пересматриваться. При необходимости следует давать инструкции судебным органам, а также представителям со-

¹ Документ предоставлен ООО «Развитие правовых систем» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. Права человека в карантине. Перевод с английского языка И.В. Артамоновой.

трудников системы правосудия на случай объявления чрезвычайного положения. Любые принятые меры должны иметь строго установленную дату окончания срока их действия, и должна быть предусмотрена возможность судебного контроля в надлежащий срок.

Принцип 2 (доступ к правосудию)

В период пандемии может возникнуть необходимость закрыть здания судов для защиты здоровья и безопасности сотрудников системы правосудия и лиц, обращающихся в суды. Это следует делать осторожно и соразмерно, поскольку такое закрытие приводит к существенному ограничению доступа к правосудию, что является основополагающим принципом верховенства права.

Публичное отправление правосудия должно сохраняться в максимально возможной степени, включая обеспечение доступа к правосудию с помощью альтернативных способов, таких как онлайн-сервисы, или путем расширения доступа к информации на сайтах судов и с помощью иных средств связи (телефон, электронная почта и тому подобное).

Расширение консультаций и улучшение координации со всеми сотрудниками системы правосудия (включая юристов, судебных исполнителей, посредников и социальные службы) помогут обеспечить надлежащий уровень доступа к правосудию.

Доступ к правосудию должен быть гарантирован всем лицам, обращающимся в суд, но в период кризиса в сфере здравоохранения особое внимание необходимо уделять уязвимым группам лиц, которые еще больше рискуют пострадать в результате подобных обстоятельств. Таким образом, судебные системы должны отдавать приоритет делам, затрагивающим данную группу лиц, например, делам о домашнем насилии, в частности, в отношении женщин и детей, делам с участием пожилых лиц или лиц с ограниченными возможностями или делам, касающимся тяжелого экономического положения. Следует принимать во внимание факторы уязвимости, возникающие в результате кризиса.

Принцип 3 (безопасность лиц)

Обеспечение здоровья и безопасности всех сотрудников системы правосудия, а также лиц, обращающихся в суд, должно стать приоритетом в период кризиса в сфере здравоохранения и после его окончания. Необходимо принимать меры предосторожности для соблюдения требуемого физического расстояния внутри помещений судов. Все меры должны быть подготовлены в ходе консультаций и четко разъяснены всем заинтересованным сторонам. Кроме того, необходимо регулярно оценивать принятые меры и адаптировать их к новым обстоятельствам. Данные меры могут потребовать дополнительных вложений в инфраструктуру суда.

Сотрудникам системы правосудия должна быть предоставлена возможность работать удаленно. Их необходимо обеспечить безопасным информационно-техническим оборудованием. Особое внимание следует уделять их благополучию в период удаленной работы, в частности, тому, что это исключительные условия труда, которые могут потребовать соответствующей поддержки.

Принцип 4 (контроль за судебным делопроизводством, его качеством и производительностью)

Надлежащее функционирование систем организации рассмотрения дел и механизмов сбора статистических данных о работе судов имеет особое значение в период кризиса в сфере здравоохранения.

Председатели судов, судьи и органы, ответственные за организацию судебной деятельности, должны по-прежнему отслеживать и администрировать дела в соответствии со своими обязанностями, хотя и удаленно. Это предполагает сортировку дел, установление возможной

очередности их рассмотрения и перераспределения с учетом объективных и справедливых критериев и обеспечения качества правосудия.

Кадровые ресурсы и бюджетная поддержка должны помочь судам в разработке плана для нейтрализации задержек при рассмотрении дел, принимая во внимание количество дел, которые не могут быть рассмотрены, и перерывы между слушаниями.

Возможность более эффективного и гибкого распределения ресурсов, максимально приближенного к местным реалиям, в период кризиса и после него обеспечивает функционирование судов в чрезвычайных ситуациях и предотвращает потенциальное осложнение текущего положения судебных систем.

Принцип 5 (киберправосудие)

Обращение к информационным технологиям предоставляет возможность продолжать публичное отправление правосудия в период кризиса в сфере здравоохранения. Однако быстрое появление и чрезмерное использование этого обращения в равной степени могут привести к негативным последствиям.

Информационно-технологические решения, такие как онлайн-сервисы, дистанционные слушания и видеоконференции, а также последующее развитие цифрового правосудия во всех случаях должны уважать основные права и принципы справедливого судебного разбирательства.

В целях уменьшения рисков, связанных с внедрением информационных технологий, их использование и доступность для всех пользователей должны иметь четкую правовую основу. В этом отношении особое внимание следует уделять наиболее уязвимым группам лиц. В связи с этим необходимо регулярно оценивать влияние использования таких технологий на отправление правосудия и при необходимости принимать корректирующие меры. Приоритетное значение следует придавать обеспечению кибербезопасности и защите персональных данных.

Принцип 6 (обучение)

Обучение имеет основополагающее значение для эффективного управления кризисом в сфере здравоохранения в будущем. Подготовка судей должна быть адаптирована к возникающим потребностям, включая использование информационных технологий. Необходимо разработать новые учебные программы для поддержки сотрудников системы правосудия в период кризиса в сфере здравоохранения и после него.

Закрытие судов и введение режима карантина могут позволить сотрудникам системы правосудия уделять больше времени обучению дома в безопасной и спокойной обстановке. Учебные заведения должны расширять использование платформ электронного обучения.

Для сотрудников системы правосудия должно быть организовано специальное обучение удаленной работе.

Кроме того, для сотрудников системы правосудия должна быть проведена специальная подготовка по новым видам дел, возникающим в связи с пандемией COVID-19.

Компетентные организации должны проводить консультации с сотрудниками системы правосудия, в том числе посредством электронных опросов, в целях выявления потребности в такой специальной подготовке.

Принцип 7 (прогрессивное правосудие)

Пандемия COVID-19 стала поводом для внедрения инновационных практик в чрезвычайной ситуации. Должна быть разработана стратегия преобразования судебных систем, чтобы воспользоваться всеми преимуществами недавно принятых решений. Необходимо пересмотреть некоторые аспекты традиционного функционирования судов (их отношения

со средствами массовой информации, степень использования новых технологий, более активное обращение к альтернативным способам разрешения споров, в частности, к медиации).

К преобразованию судебной системы в будущем следует подходить позитивно, учитывая необходимость постоянного соблюдения основных прав, гарантированных Конвенцией. Также представляется целесообразным поддерживать необходимый диалог между всеми участниками системы правосудия и эффективно использовать новые отношения, возникшие между судьями, прокурорами, сотрудниками судов, адвокатами, судебными исполнителями, нотариусами, медиаторами и экспертами в период кризиса в области здравоохранения.

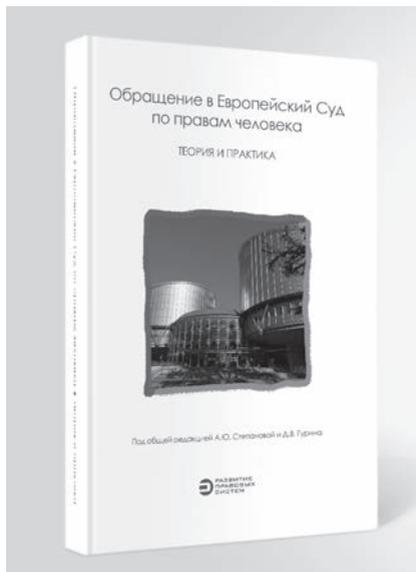
Заключение

За последние 15 лет СЕПЕЖ разработала методологии, инструменты и передовые практики для анализа и поддержания эффективности и качества судебных систем. Такие инструменты могут быть полезны, в частности, в период кризиса и во время проявления его последствий в целях извлечения уроков, положительных и отрицательных, как часть процесса оценки для совершенствования функционирования системы отправления правосудия.

Декларация принципов обеспечивает основу для возможной новой дорожной карты (франц.: *feuille de route*) СЕПЕЖ, которая послужит государствам – членам Совета Европы руководством в период кризиса, влияющего на публичное отправление правосудия.

Обращение в Европейский Суд по правам человека: теория и практика

Данное уникальное издание является результатом совместной работы коллектива авторов — юристов Секретариата Европейского Суда по правам человека, которые по роду своей деятельности ежедневно сталкиваются с поступающими в Суд жалобами. Приводимый в книге анализ правовых и организационных аспектов рассмотрения дел основывается на обширном практическом опыте авторов, непосредственно вовлеченных в процесс работы с жалобами на нарушения Европейской конвенции, поэтому данное издание может являться неформальным практическим учебником, обобщающим и в максимально доступной форме излагающим методику профессионального и эффективного взаимодействия с Европейским Судом. Помимо детального освещения формальных условий и критериев приемлемости индивидуальных жалоб, в книге рассматривается целый ряд смежных процессуальных вопросов, возникающих в связи с обращением в Европейский Суд.

Особое внимание уделено отдельным, наиболее часто встречающимся в российских делах категориям жалоб по статьям 3 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также статье 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Для удобства пользования книгой в ней содержатся подробный предметный указатель, справочные материалы, предназначенные для упрощения и удобства ее практического применения читателями, таблицы и схемы, а также перечень дел, на которые авторы ссылаются в своей работе, с указанием на опубликованные издательством «Развитие правовых систем» переводы упоминаемых текстов решений и постановлений Европейского Суда на русский язык.

Настоящее издание представляет интерес не только для специалистов, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с Европейской конвенцией, но и для широкого круга юристов, призванных применять в своей повседневной деятельности позиции Европейского Суда по правам человека. Книга также может служить учебным пособием для студентов, аспирантов, преподавателей юридических факультетов и факультетов международных отношений.

**Заказать и приобрести издание вы можете на сайте
издательского дома «Развитие правовых систем»: www.echr.today
Телефон +7 (499) 350-00-15**

Содержание

Документы Адвокатской палаты города Москвы	2
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 54 от 8 апреля 2020 года «О Регламенте Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы»	2
Регламент Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы (с изменениями и дополнениями, внесенными Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы № 62 от 30 июня 2020 года)	3
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 62 от 30 июня 2020 года «О внесении изменений и дополнений в Регламент Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы»	17
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 50 от 28 апреля 2020 года	18
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 52 от 28 апреля 2020 года	20
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 53 от 28 апреля 2020 года	22
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 55 от 28 мая 2020 года	23
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 56 от 28 апреля 2020 года	26
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 57 от 30 июня 2020 года	29
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 59 от 30 июня 2020 года	33
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 61 от 30 июня 2020 года	37
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 78 от 30 июля 2020 года	38
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 79 от 30 июля 2020 года	41
Решение Совета Адвокатской палаты города Москвы № 80 от 30 июля 2020 года	44
Адвокатское сообщество	45
Приняли присягу и получили статус адвоката 16 июля 2020 года	45
Обзор дисциплинарной практики	46
Адвокатская практика	100
С.А. Соловьев «Право на защиту в чрезвычайных условиях»	100
Судебная практика	104

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации	107
Судебные акты Конституционного Суда Российской Федерации	108
Международное право	243
Соблюдение принципов демократии, верховенства права и прав человека в условиях эпидемиологического кризиса, вызванного коронавирусной инфекцией COVID-19. Инструментарий для государств – членов Совета Европы (SG/Inf(2020)11)	243
Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения или наказания (ЕКПП). Заявление о принципах, касающихся обращения с лицами, лишенными свободы, в контексте пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 (CPT/Inf(2020)13)	255
Совместное заявление Председателя Комитета по Конвенции № 108 Алессандры Пьеруччи и Комиссара Совета Европы по защите данных Жан-Филиппа Вальтера о праве на защиту данных в условиях пандемии COVID-19	257
Совместное заявление Председателя Комитета по Конвенции № 108 Алессандры Пьеруччи и Комиссара Совета Европы по защите данных Жан-Филиппа Вальтера о цифровом отслеживании контактов	261
Европейская комиссия по эффективности правосудия (СЕРЕЈ) Декларация «Полученный опыт и вызовы, стоящие перед судебной системой в период пандемии COVID-19 и после нее» (СЕРЕЈ (2020)8rev).	266
В помощь адвокату	270

Вестник Адвокатской палаты города Москвы
Выпуск № 2 (149) 2020

Учредитель
Адвокатская палата города Москвы
119002 Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 43
+7 (499) 241–2020
www.advokatymoscow.ru
info@advokatymoscow.ru

Редакционный совет
И.А. Поляков (председатель),
С.Б. Зубков, Н.М. Кипнис,
В.В. Ключвант, Г.М. Резник

Ответственные за выпуск
Н.М. Кипнис, В.В. Ключвант

Дата подписания в печать
02.09.2020

Редакция и издатель
ООО «Развитие правовых систем»
127055 Москва,
Сушевская ул., 12/1
+7 (499) 350–0015
www.echr.today, info@echr.today

Отпечатано
в ООО «АГС-Принт»
115553 Москва, пр-т Андропова,
д. 22, этаж 9, к. 52
Формат 70 × 108 / 16. Гарнитура Times.
Усл.-печ. л. 17.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.
Заказ № 200874

© Адвокатская палата
города Москвы, 2020

© ООО «Развитие правовых систем»
(подготовка, оформление), 2020

